

Мне кажется, со мной играет кто-то,
Мне кажется, я догадываюсь, кто...
/ Белла Ахмадулина /

Глава первая *Удивительное рядом*

- А там кто? – услышала я в ответ, когда задала резонный вопрос «Кто там?».

Вопросу предшествовал стук в мою дверь, а затем внимательное изучение через дверной глазок незнакомого субъекта, стоящего на лестничной клетке, который отважился меня потревожить. Он походил на домушника! Откуда у меня такие глубокие познания о людях этой специфической профессии? Или призвания, как вам будет угодно. Но мне казалось, что у них должно быть, именно, такое лицо, как у человека за моей дверью: нос картошкой, глубоко посаженные глаза и большой рот. Вокруг лица всё сливалось в темную массу – шапочка, надвинутая до бровей, куртка, застегнутая до подбородка. Что следовало далее, не позволил рассмотреть ограниченный обзор дверного глазка.

- Вы ошиблись дверью, - быстро нашлась я. Таких темных личностей мой круг знакомых не включал. Домушник уходить не спешил. Пораскинув мозгами, я доверительно сообщила, - ювелир Григорьев живет этажом выше... Выше, вы поняли меня? - С нажимом повторила я.

Голос варьировал между криком и привычным для меня тембром, прозванным моими друзьями колокольчиком. Сейчас звон колокола был тревожным, бил в набат, предупреждая об опасности. Страх не достиг заоблачных вершин, но легкий испуг присутствовал, что мне было несвойственно. Это меня бесило, а когда меня что-то бесило, я совершала любые поступки, чтобы вернуться в нормальное состояние. Вот и сейчас я попыталась спровадить непрошеного гостя этажом выше, тем самым избавиться от него и вернуться к своим делам. Не важно, что я лежала на диване и «плевала» в потолок. Моя квартира, мой диван, что хочу, то и ворочу, вернее, лежебочничаю. Человек обязан дать себе передышку между делами, иначе загонишь себя.

Я слегка повысила голос, обращаясь к незнакомцу с одной целью – чтобы он меня услышал, а не переспрашивал одно и то же по десять раз, тем более, не задавал в ответ глупых вопросов, типа «а там кто?» Дед пихто и баба с пистолетом! – хотела рывкнуть я, но посчитала свой выпад преждевременным: с подобными людьми лучше договариваться по-хорошему.

Мне не хотелось, чтобы соседи приняли за наводчицу, поэтому еще раз произносить фамилию ювелира не стала, лишь вежливо переспросила:

- Так вы поняли меня?

В ответ раздалось лишь сопение. Домушник опустил глаза долу, и, судя по едва различимому движению плечевого пояса, что-то вертел в руках.

Что он там делает? – призадумалась я, вставая на носочки, как балерина, будто это поможет мне увидеть, что он делает? Может, рассматривает связку с отмычками, выбирая нужную?

Хорошо поставленным голосом диктора Левитана, сообщающего важное правительственное сообщение, я произнесла:

- Для тех, кто не знает, прошу принять к сведению – ювелир Григорьев живет этажом выше!

На повестке дня один эгоистичный вопрос – оградить себя от неприятностей и перевести стрелки на человека, достойного внимания грабителя. А с соседями, ежели они

что-то и услышат, я объяснюсь после. Хотела бы я на них посмотреть, если бы к ним в квартиру завалился яркий представитель криминального мира.

- А вы кто? – спросил упрямый и тупоголовый домушник, чем привел к падению нижней челюсти относительно верхней, естественно моей, а не его. Он за всю свою жизнь, наполненную событиями разного рода, уже ничему не удивлялся. А в данный момент стоял на своих позициях крепко, и подниматься еще на один лестничный пролет не торопился, что навело меня на мысль о его стопроцентном попадании.

Я так растерялась, что не нашла ничего лучше, как признаться.

- Я Лукерья, - при этом тяжело вздохнула, словно это было не слово с местоимением, а длинный монолог.

Наш странный разговор нельзя назвать монологом, а диалогом можно назвать с большой натяжкой. Следующий выпад был за мужчиной. От напряженного ожидания я закусилась нижней губой.

- Лукерья, значит, - обреченно пробубнил мужчина, а я подумала: «Моя песенка спета». В прямом и переносном смысле, потому что я преподаю сольное и хоровое пение в музыкальном училище.

Видимо, он надеялся услышать другое женское имя, с которым у него были связаны воспоминания. Хорошо, если приятные воспоминания, а если грустные, то... одной кражей дело не закончится, он выместит на мне все обиды, полученный от моей тетки, так сказать, отыграется по полной. Я уже видела свое растерзанное тело, лежащее на полу среди бедлама...

А вот этого не будет! Я сейчас как заору не хуже сирены! Или пойду по проторенной дорожке - позвоню в полицию. А разговаривать буду у входной двери, чтобы ворюга, запрограммированный на преступление, всё услышал и предпочел унести отсюда ноги, пока стражи порядка не прибыли на мою защиту... Пока они соизволят явиться, он успеет вскрыть дверной замок, игнорируя мое завывание и призывы на помощь, очутится в моей квартире и первым делом прихлопнет меня, чтобы наступила благоговейная тишина, способствующая быстрому выполнению преступного плана.

Мужик продолжал с чем-то возиться, я стояла на цыпочках и пялиться в глазок, пытаюсь при этом собраться с силами, чтобы приступить к громкому женскому вокалу с долгим ровным неколеблющимся звуком – звуком на одной ноте, который повергнет врага в шок и призовет его к бегству.

Я уже почти собралась, даже проделала дыхательную гимнастику по укороченной программе, но внезапно меня осенила неглупая мыслишка: а вдруг это никакой не домушник, а простой гражданин нашей необъятной Родины, приехавший с далекой окраины с одним желанием – встретиться с дальними родственниками. Он что-то перепутал, где-то недопонял и пришел ко мне. Поэтому мое имя вызвало у него недоумение.

- Лукерья. Луша, - со значительным опозданием подтвердила я, не моргнув глазом и не подумав о последствиях. Последствия меня ожидали трагические, судя по усилившемуся сопению. Я даже произнесла вслух свое укороченное шуршащее имя Луша, чего никогда не делала с тех пор, сколько себя помню. И никому не позволяла обращаться так ко мне. Я терпеть не могу сокращенное имя от полного имени Лукерья, и все об этом знают. Близкие друзья называют меня Лучок, но это близкие, другим это панибратство не позволялось – только Лукерья или Лукерья Поликарповна.

- Луша! – взвизгнул он, чуть не подпрыгнул от радости, но сразу смутился и снова потупил взор. Сей факт меня тоже порадовал и немного успокоил. Не то, что он чуть не запрыгал от восторга, а что потупил взор, застыдился. Домушники никогда так себя не ведут, правила хорошего тона им не успели привить, а в тех местах, где они проводят большую часть своей жизни, обучают другим наукам.

Но моя неоправданная радость быстро исчезла вместе с догадкой – он пришел по адресу. Отсюда и сдержанный восторг.

Но я его не знаю!.. И в гости никого не приглашала: ни дальних родственников, ни их друзей и знакомых, ни подобных подозрительных субъектов...

А домушников в гости не зовут, они сами приходят. Представляю, как бы это выглядело. Я вешаю на двери подъезда объявление следующего содержания: Я, Лукерья Поликарповна Троянова, приглашаю к себе в гости квартирного вора, когда меня не будет дома, а именно, с восьми до шестнадцати. Все деньги и ценности лежат там-то и там-то. Если возникнут вопросы, звонить по телефону...

Недаром, моя мама утверждает, что у меня развито воображение, причем его развитие приходится не ко времени. Надо принимать пищу, а я мечтаю! Надо переходить улицу, а я стою и мечтаю! Хорошо, что не бросаюсь под колеса автомобиля. Надо внимать речи очередного кавалера, а я мечтаю о своем, о девичьем! И этот кавалер в мои мечты никак не вписывается. Почему? Будто бы не урод, и умеет красиво выражать свои мысли, но меня ни он, ни его речи не впечатляют. Я ценю экспромты и сюрпризы, а этот заранее заготовил речь, отрепетировал свою выступление перед зеркалом, наверное, еще и время засек, чтобы проверить, укладывается он в регламент, или нет. Если нет, то придется сократить. Почему сократить? Или его кто-то ждет, пока он разглагольствует, сидя в кафе или еще где-то рядом с симпатичной женщиной? А ждет его следующая жертва, мечтающая выйти замуж за такого вот прекрасного оратора. Предыдущая не прошла отбор в связи с невдохновенным вниманием речи, а попросту говоря, не «заглядывала в рот», слушала в полуха, даже зевала исподтишка, не беда – он перейдет к следующей...

Так, о чем это я? О болтливом кавалере, проводящем кастинг невест. Сейчас не об этом...

Я приложила ухо к двери. Было слышно, как я царапаю серьгой о поверхность двери. На лестничной площадке никто не сопел, не вздыхал, не рассуждал вслух, не переспрашивал, не шаркал подошвами. Или я пропустила долгожданное шарканье подошвами, намекающее на то, что гость удалился? Домушник не может шаркать подошвами, он передвигается неслышно... Всё-таки, откуда я почерпнула глубокие сведения о людях из мира криминала? Об этом я порассуждаю в другой раз, когда мой гость, наконец, уйдет. Или он уже ушел? А может, притаился и ждет?

Сердце исполнило истеричный танец под названием «выпустите меня отсюда», я хлопнула себя по груди, будто чем-то подавилась, тем самым призвала сердце к порядку – нечего тут выплясывать и нервировать особу и без того находящуюся на грани истеричного восприятия внешнего мира.

Сердце еще разок напомнило о себе легким взбрыкиванием, и вернулось на положенное ему место. Я стала успокаиваться, мысленно уговаривая себя вернуться в лежачее положение и забыть о домушнике, который предпочел уйти или прислушался к моему предложению насчет ювелира Григорьева.

Заглянуть в глазок и утвердиться в своем предположении или получить подтверждение обратного я не решалась. Не желала визуальных подтверждений, не желала в очередной раз увидеть устрашающую физиономию, но и покидать свое место не спешила, чтобы не упустить момент, когда враг предпримет очередную попытку проникновения в мое жилище. Почему очередную? Он пока никаких действий не предпринимал, ограничивался глупыми вопросами, сопением и кратковременным восторгом.

И вдруг мой настороженный тонкий слух уловил шуршание. Я дернулась, будто меня ударили через дверь. «Удар» отодвинул меня на пару шагов. Соблюдая чрезвычайные меры предосторожности, а именно, не шествуя к двери по привычной прямой линии, я сделала шаг в сторону и приблизилась к стене, встав рядом с входной дверью. Таким образом ушла с линии обстрела. Если обстрел начнется, то я останусь целехонькой. И совсем не подумала, что шорох и звук взводимого курка похожи друг на друга, как голос Лемешева на голос Шаляпина.

Шорох за дверью напоминал шелест страниц – до меня это, наконец, дошло. Наверное, он сверяет в своем блокноте нацарапанный в спешке адрес. Сейчас разберется, извинится

- это было бы благородно с его стороны, или пусть не извиняется, я как-нибудь переживу - и отчалит от моего берега. Пусть находит другую пристань.

Время изучения записи затягивалось. Или у него проблемы со зрением, или адрес в блокноте совпал с моим. Я не выдержала и вновь прильнула к глазку. Пришлось изучать его насупленное лицо с притупленной работой мысли. Взор был направлен вниз.

Предыдущий диалог получился, прямо скажем, оригинально-содержательный: я выдавала полную запрещенную информацию, мой визави – минимальную, позволял себе лишь некоторые уточнения, а теперь мне неожиданно захотелось, чтобы он дал объяснение своему визиту в мой дом. Я открыла рот, чтобы укорить его за молчание и намекнуть, что пора бы назваться. А то что же это получается?! Он про меня всё знает, или почти всё, а я, вообще, ничего! Не правильно!

Домушник стал усиленно топтаться, то ли ноги вытирал пред тем, как войти, то ли собирался развернуться и, наконец, уйти. Но тем самым пресек мои поползновения к знакомству.

- Эй, девушка, вы еще здесь? – загадочным голосом поинтересовался он и вплотную подошел к двери, отчего вся видимость размылась.

- Здесь! – с вызовом ответила я и сразу спросила, - а что? Это было глупо с моей стороны. Надо было сдержаться и промолчать, пусть бы постоял, не дождался отзыва и удалился. Возможно, удалился, а возможно...

Согласно моим соображениям на его счет, на мой вопрос «а что?», он должен был сказать следующее:

- Тогда я приду в другой раз, когда вас дома не будет.

Меня такой вариант вряд ли устроит, просто так я не сдамся. А что же мне теперь «носа не казать» на улицу? Сидеть и ждать следующего визита? Снова помяну в плачущем монологе ювелира Григорьева, живущего этажом выше, посетую на маленькую зарплату и на отсутствие богатого родственника, лежащего на смертном одре, отписавшего мне все свое состояние. Нет, последнюю фразу надо сказать не так, а то он решит, что родственник всё же существует, раз я о нем упомянула, и приглашаю его навеститься ко мне позже, когда завещание вступит в силу. Пока я спорила сама с собой, мужчина не стал переносить свой визит, а спросил:

- Девушка, а вы не Маша?

- Маша? – как эхо, повторила я. Сегодня по календарю день перевопросов.

Это было уже кое-что.

Приложив губы к щели, я доходчиво и внятно произнесла.

- Я Луша! - не забыла при этом скривиться от неудовольствия, будто получила в подарок вместо ожидаемого миленького букетика ландышей куст верблюжьей колючки.

- Вы извините, можно задать еще один вопрос? - проблеял просительным голосом мужчина.

- Пожалуйста, - милостиво разрешила я, неожиданно решив поразвлечься. А почему бы нет? Раз я Луша, а ему нужна Маша. К тому же сработал инстинкт подкупаемости посредством хороших манер. Захотелось сделать книксен и растянуть рот в улыбке. Меня сдержал от порыва лишь непрозрачный барьер между нами.

- Я пришел на улицу Пионовую, дом десять, квартира восемьдесят один? Я не ошибся?

- Нет, всё точно, – теперь в моем голосе проскальзывала обреченность. Предчувствия намекало, что разговор надо прекратить. Но я пролепетала, - а в чем дело?

- Дело в том, что мне дал ваш адрес один человек.

Я сразу подумала, что это знакомый моего дальнего родственника, который приехал в наш город в командировку, а остановиться ему негде. Денег на гостиницу нет, других... хм... знакомых тоже нет, почему бы не заявиться к Лукерье Трояновой?!

- К...какой человек? – заикаясь, продолжила я допрос.

- Я не знаю его имени.

- Оч-е-ень интересно, - протянула я, сдерживая злость. - Представиться вам он не захотел, а мой адрес почему-то продиктовал. Или он перепутал? Или вы что-то напутали? – с надеждой спросила я, и, не дождавшись подтверждения, воскликнула, – Чего вы хотите? - Едва не добавив в конце – «подозрительный незнакомец», тем самым капнув ложку пафоса в явно театральную трагикомедию.

Честно говоря, я не желала ничего слышать в ответ, мне хотелось произнести убедительную речь о том, что данная жилплощадь не предусмотрена для проживания двух людей разного пола, к тому же официально не представленных друг другу. Рекомендательные письма от близких, дальних и запредельно-дальних родственников в тридцать пятом колене в расчет не идут. Не забыть бы перечислить все недостатки моих квадратных метров с совмещенным санузлом, которые достались мне после развода с очередным мужем, а если точнее, то в дар от первого мужа. И я не стыжусь, что три раза была замужем, и все три раза от мужей уходила я. Но о мужьях позже... Сейчас я должна сдержать эмоции и получить хотя бы один вразумительный ответ на свой вопрос. И я не виновата в том, что этот странный субъект мнетя и молчит. Наверное, моя передышка позволила ему подобрать нужные слова для оправдания.

- Этот мужчина, ну, который дал мне ваш адрес, не успел назвать свое имя, успел сказать: «Передай Маше, что я ее любил. Не забудь – я ее очень любил. Обязательно ее найди и передай слово в слово. Он назвал фамилию любимой девушки, но я не расслышал. А этот момент, он как раз погрузился в воду, а когда в очередной раз вынырнул, то не стал повторяться, решил, что я и так все понял. А мне надо было переспросить фамилию, чтобы найти вас... или ту девушку по имени Маша по адресной книге. А я был так напуган, что спросил, где она живет. Он скороговоркой назвал её адрес, я несколько раз повторил его про себя, а после его потом записал в своем блокноте, чтобы не забыть. Даже на мобильный телефон не понадеялся, на бумаге, по старинке, как-то надежнее.

Я решила, что начинаю медленно сходить с ума, заражаясь от своего визави за дверью. Почему люди с таким серьезным психическим заболеванием бродят по улицам, заходят в чужие подъезды и звонят в первую попавшуюся квартиру? И почему первой попавшейся квартирой стала именно моя? А не ювелира Григорьева? Или местного выпивохи Фрола Матвеева, способного к быстрым разборкам с непрошенными гостями, не гремящими стеклянной посудой в пакетах? А еще лучше, пусть навещают Жору Волкова – штангиста-любителя с накачанной мускулатурой, от одного вида которого хочется залезть на дерево и переждать, когда он преодолеет расстояние от своего подъезда до автомобиля и выкатит со двора. И не потому, что Жорка демонстрирует свою силу любому, он слишком не сдержан в выражениях, в основном изъясняется на странном диалекте, в котором не проскальзывает ни одного понятного для меня слова. Сначала я решила, что это неизвестный мне язык туземцев, но оказалось, что все слова русские. Мне захотелось записать его речь на диктофон, чтобы потом прослушать еще раз, или дать прослушать лингвистам, способным расшифровать короткий монолог, но я не решилась на подобный шаг. Жорка был непредсказуем во всем, и в его непредсказуемости я успела убедиться, когда он одним ударом свалил с ног паренька, который заигрывал с девушкой и оперся задним местом на его лощеный автомобиль. Инцидент я увидела из окна, и как человек, не выносивший угнетений сильных слабыми, уже решила вмешаться, чтобы поставить хулигана на место. В тот раз я так же не думала о последствиях, у меня часто не срабатывает инстинкт самосохранения, иной раз он запаздывает. В случае с Жоркой инстинкт опоздал, меня опередил Матвеев с многочисленной группой товарищей, которые находились в весьма нерадушном настроении по причине отсутствия золотого запаса, способного воскресить их тела после вчерашнего загула. Группа товарищей мечтала излить недовольство ан кому угодно, под руку подвернулся штангист Волков, чья мускулатура не оказала на них должного воздействия. Жорка решил не вступать в конфликт с неуправляемой людской массой и ретировался. Спрятался в машине,

забаррикадировал дверь, завел двигатель и укатил, а группа товарищей проводила его грозными выкриками, заодно посоревноваться в бросании камней на дальность приземления. Это был единственный случай, когда Волков остался побежденным. С ним, вообще, никто не связывался, потому что его поведение было непредсказуемым. Мне казалось, что в обращении ко мне он не проявляет агрессии, напротив, его глаза становились масляными, а губы растягивались в улыбке. Но улыбка походила на улыбку крокодила, который в одном анекдоте завязал милую беседу со скучающим рыбаком и предложил ему искупаться, пока клева нет. Еще бы понять, что ему от меня нужно. О погоде Жора точно не рассуждал, на ухаживание это было мало похоже. Возможно, я заблуждаюсь, в его природной среде, именно, так обхаживают самок, изъясняясь на туземском наречии. Надо было что-то отвечать, но я прикидывалась глухонемой и спешила быстро пройти мимо. Однажды я пребывала в отвратительном настроении. И всему виной отец одного моего ученика. Мужчина требовал сиюминутного превращения своего отпрыска в Робертино Лоретти, я не сдержалась и посоветовала отдать мальчика в кружок резьбы по дереву, где, как мне кажется, он сможет проявить свой талант. В музыке, в пении у него, увы, таланты отсутствуют. Что последовало за моим советом, не трудно себе представить, тем более, папаша милостыню у церкви не просил, а мог ссудить неплохую сумму на строительство храма. Хамовитого мецената я терпела долго, но в итоге мое терпение кончилось. Он мне пообещал многообещающее развитие сюжета в моей некогда спокойной жизни, я поблагодарила за будущее участие и ушла, едва сдерживая хлесткие выражения в его адрес. И помянула в том момент Жорика с его странным способом изъяснения, жалея, что не взяла у него пару уроков. Не думайте, я не воспитывалась на курсах благородных девиц, окончила обычную школу, пусть с золотой медалью, затем – академию культуры с красным дипломом, у меня мама – преподаватель русского языка и литературы. Любовь к чтению и правильной речи я впитала с материнским молоком. Естественно, тридцатипятилетняя жизнь снесла свою лепту с мое «совершенство», но жаргонной лирике меня не научила. В отличие от других «вундеркиндов», к которым приравнивался заботливый отец, мечтавший получить сына-звезду в обмен на золотые монеты.

Увольнения я не страшилась, преподавателей и без того не хватало, текучка была вызвана не только низкой заработной платой, но и нежеланием возиться с бездарями, которых было больше, чем одаренных детей.

Я не ханжа, и не стремлюсь перевоспитывать людей с ограниченным интеллектом, я избегаю общения с ними. Но не в тот раз, когда Жорка повстречался мне после разговора с меценатом. Пренебрегла своими принципами, попросила оставить меня в покое иначе я за себя не ручаюсь. Он долго на меня смотрел, видимо, переваривал то, что я сказала, потом как заржал на всю Ивановскую, вернее, Пионовую, словно я рассказала ему непристойный анекдот. Пристойный он бы не понял. В тот момент меня будто бы облили грязью и накрыли цинковым корытом. Грязь – от общения с этим человеком, цинковое корыто – от грохота его голоса, который бил по моей оболочке.

И черт меня дернул вспомнить Жорку. А если направить гостя в квартиру Волкова? Рассказать о его несметных богатствах, намекнуть, что хозяин в отъезде, сама слышала, как рано поутру рычал двигатель его автомобиля, наверное, уехал с друзьями на охоту. Думаю, в той квартире есть чем поживиться. Заодно исполню свою угрозу.

Жаль, что на подлости я не способна. А как же наводка на ювелира Григорьева? Он такой мерзкий и скользкий тип, так ему и надо! Его никто в доме не любит, и причина кроется не в зависти. Его завуалированная приветливость значительно проигрывает Жоркиной дерзости.

А жаль, что Жорки нет дома. Я бы ему позвонила и попросила о помощи, надеюсь, он бы не отказал. А что бы потребовал взамен?.. Хорошо, что его нет дома, а то я бы не сдержалась. В этом я вся. Одним словом, противоречивая смутьянка!

Не встречали такую? Вам дико повезло! А домушнику, притихшему за дверью, без разницы, какой у меня характер.

- Товарищ! - обратилась я к нему грозным голосом, как милиционер, требующий документы для проверки, - то есть господин... Гражданин, извините, не знаю вашего имени и отчества, хотелось бы уточнить кое-какие детали.

Я придержала свое уточнение, надеясь, что мужчина назовет себя.

- Слава богу, вы пришли в себя, - сдавленно-успокоенным тоном заявил он. - Я уж подумал вы того... в смысле потеряли сознание от известия. Не знал, как поступить, то ли врача вызывать, то ли дверь взламывать.

- Еще чего! - возмутилась я, - кто дал вам право портить чужое имущество?!

- Простите, - покаялся мужик, будто расправа над имуществом была осуществлена. - Вы о чем-то хотели спросить? - заискивающе поинтересовался он.

- Хотела, - кивнула я и боднула лбом дверь. Потерла ладонью ушибленное место и продолжила, - я хотела спросить, а человек, по просьбе которого вы пришли сюда, он... он моряк-подводник?

- Почему моряк-подводник? - поперхнулся вопросом мужчина.

- Но вы же сами сказали - он ушел под воду, - напомнила я и представила, как морской «волк» в подобающей амуниции скрывается в недрах подлодки, успев перед этим передать послание любимой девушке. Но затем передумал, выглянул, назвал ее адрес и снова скрылся, задрав окончательно люк. Он ушел в долгое плавание, на всякий случай, попрощавшись навсегда. Жизнь моряков-подводников опасна и непредсказуема.

- Он ушел под воду навсегда, - трагичным голосом подтвердил гость, он же бывший домушник. И не домушник это, а такой же моряк-подводник, как его сослуживец, передавший послание некой Маше. Увы, не мне. И какая бы получилась красивая романтическая история. Пока я плыла по волнам чужой любви, мой собеседник совсем разговорился, не дождавшись наводящих вопросов. - Он ушел под воду, а вместе с ним канула под лед его любовь к вам, - прозаично произнес он. Романтики, пусть и трагической, в его голосе не было.

И тут я не выдержала, защелкала замками и распахнула дверь. Я должна рассмотреть человека, пришедшего ко мне с такой печальной новостью. И пусть новость предназначена не мне, а Маше. Я не только была противоречивой смутьянкой, но и сочувствующим человеком, всегда стремилась помочь людям, поддержать словом и делом. Сейчас я должна помочь гостю найти Машу, смягчить печальное известие. Женщины более тактичны в таких вопросах.

Бывший домушник отпрянул, испугавшись, что я огрею его дверью. Выводить мужчину из отряда представителей этой профессии еще рановато, мало ли, что у него на уме? Может быть, у него своеобразный подход к делу - творческий и с азартной убедительностью, рассчитанной на таких доверчивых дурочек, как я.

Уже стоя перед ним в одних шортиках и футболке, я поняла, что переход к непосредственному общению, минуя входную дверь, был преждевременным. Но вновь отгораживаться от него было глупо.

- Под какой лед? - заморожено глядя на обветренное лицо мужчины, просипела я.

Гость оценил меня хитрым взглядом. Или не хитрым, а просто оценил и несколько удивился моей молодости.

- Под обычный лед, на реке, - задумчиво протянул незнакомец.

Мой остолбенелый вид дал понять, что я ничегошеньки не понимаю. Поэтому он снизошел до откровений, причем начал не с того, с чего я ожидала - не с задраивания люка подводной лодки и ее погружения в морские глубины. Меня слегка зазнобило. От испуга и проникающего холода из приоткрытого подъездного окна.

- Я отправился на подледный лов.

При этих словах я удивленно вскинула брови. Романтика таяла на глазах.

– Это в городе зима запаздывает, одно слякоть и мерзость, а за городом красота – снег лежит...

- Красивым мягким покрывалом, - вставила я, желая разбавить обыденную речь сочными красками.

- Вы сами все знаете, чего я распинаюсь, - обидчиво брякнул он.

- Ничего я не знаю. Рассказывайте! - приказала я.

Мужчина осудительно дернул головой, но спорить не стал.

- Так я говорю – за городом красота. И снег лежит, - при этих словах он втянул голову в плечи и затаился, словно ожидал схода снежной лавины. Не случилось. Он расслабился. – в общем, все как полагается в зимнюю пору.

- Однажды в студеную зимнюю пору я из лесу вышел, был сильный мороз, - с долей огорчения изрекла я, намекая на то, что по лесу я бродила не по своей воле.

- Вышла, - поправил меня незнакомец, не желающий становится знакомцем. – Вы женщина, - сразу напомнил он и снова окинул меня оценивающим взглядом, отметающим всякие сомнения по принадлежности меня к другому полу.

Я мысленно произнесла ту же фразу, только с поправками, получилась непривычно и коряво.

- Некрасов «Крестьянские дети», - голосом диктора, объявляющего следующий номер программы, пояснила я.

Мужчина подобрался, видимо, приготовился к неуместной в данных условиях декламации. Но раз женщина желает, то не стоит сней спорить. Пусть читает стихи, лишь бы не рыдала.

- Я говорю, это строки из поэмы Некрасова «Крестьянские дети». Он пишет от своего лица.

- Да-да, конечно, - быстро согласился гость и с сочувствием посмотрел на меня. – Так я продолжу?

Я неопределенно передернула плечами, мол, дело ваше. Он посчитал, что обязан закончить свой рассказ. Но к фабуле не приступил, видимо, захватило вступление, к которому я приложила свою руку. О снеге он напоминать не стал, перешел к водоему, где все события и развивались.

- Всего-то четыре остановки на электричке, потом лесом с полчаса и уже вот оно – озеро! Я туда постоянно езжу. И летом, и зимой. Я зимнюю рыбалку больше уважаю, чем летнюю. Конечно, бывают разные случаи на неокрепшем льду, но со мной ничего подобного не происходило.... Ни со мной, ни с другими людьми. До некоторых пор... Никогда не видел такого... трагизма... Не каждый день люди тонут на твоих глазах. Тонут, а ты не можешь им помочь... Да-а-а, - с осуждением или с горечью протянул он. - Маша... Луша, вы меня извините за то, что принес такую ужасную новость в ваш дом, но иначе поступить не мог. Он меня очень просил, а исполнить последнюю просьбу умирающего это закон... Так ведь?

Я ошалело кивнула, лихорадочно выискивая среди своих знакомых любителей рыбной ловли в зимний период. Между тем, приободренный немой поддержкой, носитель плохой информации, продолжал вещать.

- Мы неподалеку друг от друга сидели... И вдруг лед под ним треснул, и он сразу ушел под воду. В одну секунду, я сразу не сообразил, что произошло. Потом он вынырнул, схватился за кромку льда, попытался выбраться. Я к нему стал подползать. Он хватается за край, а лед крошится, я снял с себя ремень и бросил один конец ему. Попытался вытащить из воды, но весовые категории у нас разные: я мелкий, а он мужик крупный, тем более в мокрой одежде, поэтому стал я тоже съезжать в ту же прорубь. И тогда ваш знакомый отбросил мой ремень и сказал, что не хочет, чтобы из-за него погиб человек. А я ему: Ты передохни, сейчас я за подмогой сбегая. – Не успеешь, - отвечает он. Пытается опереться о край проруби, а лед хрысь. Он опять, а лед хрысь. – Мужчина подтверждал слова действиями: сложил руки перед грудью и показывал, как локти

пытаются удержаться на невидимой горизонтальной поверхности, но не удерживаются и падают.

Мне наскучил танец с подвижной верхней частью мужского туловища, и я задала наводящий вопрос.

- А когда он успел произнести свою просьбу о Маше?

- Когда отчаялся вылезти из воды, и прорубь увеличилась в диаметре. Тогда он прокричал: Скажи Маше, что я ее очень любил... И фамилию назвал, но я не расслышал... Дальше вы знаете... И как назло, на реке почти не было рыбаков, да и те что были, совсем далеко сидели. Помощь бы запоздала...

- Он назвал имя Маша, а меня зовут Луша! Лукерья! - с чувством произнесла я, впервые порадовавшись, что меня нарекли этим редким именем. Именно, Лушей, а не Машей или Ньюшей.

- Наверное, я не разобрал. Он сказал Луша, а решил, что назвал имя Маша.

- Нет, вы всё правильно... разобрали! - ухватилась я за свою уверенность. – Тем более, у меня нет друзей, которые увлекаются подледной рыбалкой. Они, вообще, никакой рыбной ловлей не увлекаются. И рыбу не любят, предпочитают мясо.

Незнакомец вновь наградил меня сочувствующим взглядом. Так смотрит доктор на пациента без будущего.

- Но адрес-то он ваш назвал, - попенял он мне, будто я отрещивалась от выполнения похоронных мероприятий.

- Вспомните, пожалуйста, фамилию девушки, - заканючила я.

- И не просите! – отрубил мужик, - придумывать не хочу, а вспоминать нечего. Может, это вовсе и не фамилия была, а ее любовное прозвище.

Я прикинула в уме возможные сочетания имени Маша с уменьшительно-ласкательными прозвищами и поняла, что к моей фамилии они точно не имеют отношения. Например, Маша – троянский конь... Или Луша-троянский конь... Так меня не дразнили даже в детстве, не говоря об обращениях влюбленных мужчин.

- Я где... утопленник? Его нашли? - с содроганием спросила я: вдруг заставят явиться на опознание?

- МЧСовцы говорят, что пока лед не сойдет, он не всплывет.

Я содрогнулась. Не хватало еще, чтобы, когда начнется ледоход, утопленник всплывет, и меня потянули в морг. Свидетель происшествия стоит передо мной, он подтвердит, что перед смертью тот назвал мое имя. Сам отрестится от участия в опознании, скажет, не разглядел, и при жизни был с ним не знаком, но есть человек, который...

- Вы можете мне описать человека, который любил девушку Машу? – последние два слова я произнесла по слогам, желая вбить носителю плохих новостей, что он всё перепутал.

- Нет, - уверенно отказал гость мне в надежде. – Он все время сидел ко мне спиной, не поворачивался, не обращался с просьбой. Я тоже не отвлекался. Я пришел получать удовольствие в тишине и покое, а не разговоры разговаривать. Только помню, что это был грузный мужчина. Или не очень грузный, а ему прибавлял вес теплый тулуп.

Час от часу не легче! - мысленно взвыла я, - грузный-негрузный, Маша- Луша...

Сначала мне показалось, что незнакомцу слегка за сорок, только лицо обветрено и огрубело, но при ближайшем рассмотрении поняла, что его возраст перевалил за полтинник, причем перевалил лет пят назад. Не знаю, как буду я выглядеть в его годы, но таких живых глаз у меня точно не будет. И на домушника он походил так же, как я на главную героиню бразильских сериалов... А если он уже не молод, то может страдать провалами в памяти. Хотя, что за возраст – пятьдесят с хвостиком лет?! Я более пристально пригляделась к гостю, желая найти следы, подтверждающие, что у него наличие пагубных привычек, способных повлиять на память. Лицо красное, обветренное. Руки. Руки не дрожат. Глаза. Близко посажены. Это я уже отмечала. Не бегают, смотрят на меня с сочувствием. Нос картошкой. Значит, добродушный, доверчивый. Может, его разыграли? Но зачем? Кому это нужно?.. Рот большой. Большой рот - любит поесть.

Ничего лучше, я не придумала, наследственность упустила. Вязаная шапка, надвинутая на лоб. Куртка с капюшоном. Темно-синяя. Не новая, но не изношенная до дыр. Вполне. Черные джинсы. Чистые. Колени слегка вытянутые. Обувь. Полуботинки с круглыми носами, с каймой жидкой грязи. На улице валит мокрый снег, сразу тает, создавая смесь из грязи и воды... Вестник плохих новостей по небу не летает, ходит по земле... Что из этого следует? А то и следует, что я сбрендила. Передо мной стоит нормальный человек без видимых вредных привычек. На артиста местного театра, которому поручили роль созерцателя гибели незнакомца, безумно влюбленного в девушку Машу или Лушу, он не похож. Больше на деда Мороза. Ему бы бороду, усы, и соответственный наряд, и был бы вылитый дедушка Мороз. Ну, и подарочек он мне принес! И до наступления нового года еще три недели... А если пригласить его в квартиру и учинить допрос с пристрастием? Представляю себе прикованного наручниками к батарее мужчину, которого пытается тридцатипятилетняя женщина, за плечами которой академия культуры! Интересно, как он относится к сольному пению? Если резко отрицательно, то у меня есть шанс. Жаль, что у меня хороший голос, иначе испытание не заняло бы много времени. Расколосся бы через пятнадцать минут. А что я делаю отвратительно? Почти все. Особенно плохо готовлю, это был один их поводов расставания с моими бывшими мужьями. Надо сварить манную кашу с комочками, гадкую, пригоревшую и заставить его съесть... Почему он так на меня смотрит? Читает мысли? Если это так, то почему не сбегает? Сердобольный, хочет утешить. А-а-а, он свадебный аферист! Кто-то рассказал ему обо мне. Кто-то не слишком близкий к моему окружению, отсюда и «любимое» обращение Луша. Надо было лучше готовиться к свадебному мошенничеству, господин любитель ловли на живца в закрытых помещениях! В закрытых чужих помещениях, хозяйки которых обладают значимым достатком. Но у меня закрытое помещение весьма неприглядное, и достаток такой, что плакать хочется... Но почему он наавал другое имя? Перепутал? Или специально так сделал, чтобы отступить, если нарвется на недоверчивую женщину? Но он меня не видел, только слышал мой голос. Наверное, у него богатый опыт в общении с женским полом, по голосу понимает, с кем имеет дело. Но я ему зачем? А вдруг хочет уговорить меня взять кредит в банке? Я возьму, а он тью-тью. Я не полоумная...

Нет, он не свадебный аферист, внешность не та. Свадебные аферисты обладают смазливые, умеют красиво ухаживать, мягко стелить, намекать о благородном происхождении и круглом счете в швейцарском банке... Я на себя сегодня удивляюсь: откуда у меня такие познания, если я никогда не была объектом вожделения свадебного афериста. А жаль. Было бы неплохо пожить в шкуре женщины, которую носят на руках. От ухаживаний жених перейдет к вселенскому плачу, но к сдержанному, чтобы сразу не разочаровать невесту, слегка приоткроет завесу своих проблем: деньги исчезли, бизнес прогорел, а если не расплатиться, то можно угодить за решетку, тем самым надеясь найти понимание и сочувствие. Невеста, то есть я, всплакнет на его груди, пожалеет, но никаких обещаний в помощи давать не будет, а потом и вовсе выставит жениха за дверь, не забыв поблагодарить за прекрасно проведенное время. Мавр сделал свое дело, Мавр может удалиться... В жестоких играх побеждает наимудрейший! Именно, так поступила бы я. И не побежала бы сломя голову в банк за кредитом.

Надо смотреть правде в глаза – на меня позарится самый заваливающий свадебный аферист. А этот на заваливающего не похож. У него своеобразная внешность, на любителя. Прежде чем приходить в мою квартиру, он должен был навести обо мне справки, узнать мои вкусы... Что-то я глубоко копаю... Тогда что ему нужно?

Я не стала себя сдерживать, поспешила озвучить мучающий меня вопрос. Только не думайте, что мои размышления заняли полчаса, а гость терпеливо ждал всё это время. Всего лишь минута или две. Не больше, у меня скоростное мышление.

- Что вам нужно? - с вызовом поинтересовалась я, потому что мнение об этом мужчине уже сложилось в моей голове. И оно колебалось от резко отрицательного до презрительного.

Мужчина совершил неожиданный рывок и проник в квартиру, слегка потеснив меня.
- Вам нужно прилечь! – с чувством заявил он и стал озирается по сторонам, выискивая место, куда я должна прилечь. Видимо, свободное от мебели пространство прихожей его не устроило, и он решил изучить комнату, а заодно и кухню.

Удивительно, но я его не остановила, только указала на грязную обувь. Он кивнул, разулся, снял куртку, почему-то не расстался с шапочкой-талисманом, и подхватил меня под локоть, завел сначала в кухню, удовлетворенно дернул головой, потом увел в комнату. Я, как привязанная, следовала за ним. Скорее, рядом с ним, не произнося ни слова. Моя самоуверенность улетучилась, а он из пришибленного носителя печальных известий превратился в шустрого мужичка с обворожительной улыбкой до ушей.

Усадив меня на диван – ложиться я наотрез отказалась, он предложил мне что-нибудь выпить, не уточняя, что именно. Честно говоря, я бы предпочла бокал сухого красного вина, но смолчала. Пить в одиночку я не стану, как не стану приглашать его составить мне компанию. Не хватало еще Фрола Матвеева позвать, пусть третьим будет.

Сидя на диване с ровной спиной, как на светском приеме, я настороженно наблюдала за непрошенным гостем, не находя в себе силы выставить его вон. Он постоял немного, оценивая дело своих рук – печальная хозяйка его усилиями препровождена в безопасное место, затем присел рядом, не спуская с меня глаз. Мне было неуютно. Выставлять его было поздно и неудобно. Предлагать чай рано. Так мы и сидели, не произнося ни звука. Не знаю, о чем думал он, я снова вернулась к утопленнику.

Он успел назвать имя девушки, ее адрес и просьбу. Как-то всё подозрительно. Никогда не слышала, чтобы человек в последнюю минуту жизни называл адрес своей возлюбленной, еще могу допустить, что он попросил что-то передать. О любви? Возможно. При жизни не мог признаться, а перед уходом, решился. Пусть знает, что он всегда ее любил. Кого её? Неизвестную Машу, но не меня. Ладно, пусть он назвал адрес этой Маши. Его спаситель-неспаситель не сразу бросился переносить всё на бумагу, может, и бумаги у него под рукой не было. Пока добирался до дома, перепутал. Пусть улица останется Пионовой, но дом может быть не десять, а восемьдесят один, а квартира, напротив, десять, а не восемьдесят один. Я напряглась, вспоминая, сколько домов на нашей улице. До восьмидесяти точно не дотянет. Не более двадцати, так что этот вариант отпадает. А если не Пионовая улица, а другая, с цветочным названием? Вблизи подобных улиц не было. Надо изучить карту города. Стыдно признаться, но я плохо знала свой город. И своим он за все годы проживания в нем не стал. Я приехала сюда после окончания школы, поступила в академию. Мечтала вырваться из ласковых материнских рук и постоянно тосковала. Тоскую и теперь, но возвращаться под родительское крыло не хочу. В семнадцать лет я уехала из дома, уже восемнадцать живу отдельно. Перейдя к цифрам, я подумала, что неплохо бы узнать возраст знакомого девушки Маши.

- А сколько ему было лет? Хотя бы приблизительно, - заискивающим голосом-колокольчиком, спросила я, нарушив тишину.

- Где-то как вам, лет тридцать пять.

Я поперхнулась и закашлялась от такой наглости.

Он попал не в бровь, а в глаз. Мне, действительно, весной стукнуло тридцать пять. Восьмого марта. Все женщины, как женщины, получают подарки два раза в год, а я - один. Спасибо, тебе мамочка! Не могла еще недельку погулять!

Его прямое попадание не вызвало обиду, оно вызвало удивление: мне никто никогда не дает мой истинный возраст. Если не на десять меньше, то на восемь точно. У меня мелкие черты лица, благодаря наследственности нет морщин, даже мимических, словно я старательно контролирую себя, не выказывая эмоции. Я выказываю эмоции, я забываю наносить на ночь крем на лицо, я, вообще, забываю за собой ухаживать. Я ленюсь, но лень благотворно сказывается на возрасте. К тому же я невысокого роста, всего-то метр шестьдесят. Для кого-то и этот рост запредельный, для меня он ниже среднего, потому

что я постоянно общалась с девушками под метр восемьдесят. Так получалось. И мои мужья были парнями рослыми.

Я опустила глаза и оценила взглядом свой домашний наряд. Выбор был не случаен, подходил для тропического климата квартиры. За окном была зимняя Россия, пусть неснежная и нулевой температурой, но внутри помещения господствовала Африка.

На улице я стараюсь не шокировать публику. И не потому, что профессия не позволяет щеголять в мини- юбках и шортах: я знаю свой возраст! Тридцать пять это не двадцать. Как бы ты не выглядел. Молодящиеся старушки выглядят нелепо и смешно. Никто не возбраняет молодиться, но нужно применять доступные средства.

- А откуда вы знаете, сколько мне лет? – задала я резонный вопрос, прожигая его свирепым взглядом.

- Если я не угадал, то извините.

- Угадали, и это удивительно.

- Понимаю, обсуждать возраст женщины это неэтично, но хотелось бы кое-что разъяснить.

- Извольте! – с раздражением ответила я. Уж, не знаю, отчего я больше злилась: от недосказанности в случае с утопленником, или от того, что он угадал, сколько мне стукнуло в начале весны.

- У вас вид суровый, это вам прибавляет года. Сначала решил, что передо мной девчушка- несмышлениш, а потом пригляделся...

- И понял, что это женщина в годах, - закончила я предложение, устав от его заторможенности. Он тянул слова и обладал отвратительной дикцией, будто набрал в рот каши, а проглотить никак не может. Или я придираюсь?

- Я этого не говорил! – между тем расшаркался гость. – Наверное, работа накладывает на вас отпечаток? Если ни секрет, кем вы работаете?

В угадку мне играть не хотелось, хотя, выкладывать всё о себе первому встречному было не в моих правилах. Но этот человек с необаятельной внешностью располагал к откровению.

- Я преподаю сольное и хоровое пение в музыкальной школе, - с явной робостью сказала я, дав понять, что реализовать свои амбиции у меня не получилось.

- А вы мечтали о славе! – с вдохновением, но без издевки, произнес он, проглотив половину дозы каши, застрявшей во рту.

- Мечтала, - согласилась я, не став юлить. – Очень хотела стоять на сцене и купаться в овациях зала! И чтобы меня забрасывали цветами. Забрасывали, забрасывали... Пока совсем не забросили, - под конец усмехнулась я.

- Какие ваши годы, - отмахнулся бывший домовник, скорчив сочувствующую рожицу.

- Сами знаете, какие, - парировала я, мысленно отругав себя за несдержанность: а чего это я перед ним выворачиваюсь наизнанку? Кто он такой?! Тоже мне психолог! – Ваше объяснение меня не удовлетворило!

- Больше всего я ценю в людях чувство юмора! – восхитился он, растянув рот в улыбке, отчего кончики рта в очередной раз доехали до ушей.

Клоун, - подумала я, - хитрый клоун.

- Вы не сказали, как вас зовут, - корректно указала я на невоспитанность.

- Разве?

- Нет, просто я еще раз хотела насладиться вашим приятным голосом, - поерничала я.

- Арсений Иванович Родионов, - представился он.

- И паспорт можете предъявить?

- Даже так?

- А вы как думали, на слово не верим.

- Будет вам паспорт, сейчас принесу, он в куртке.

Гость поспешил в прихожую, где оставил свою верхнюю одежду.

Вскоре хлопнула входная дверь.

- Ну, дела-а-а, - недоуменно протянула я и двинулась следом за гостем, желая убедиться, что он ушел по-английски.

Убедилась и подумала: недаром мне всю ночь снились крысы...

Глава вторая

Немного о себе и о других

Самым близким моим другом был Митя Жаворонков, он достался мне по наследству от моей подруги, которая вышла замуж за моего первого мужа.

Обо всем по порядку, а не так сумбурно, как я привыкла.

Все сказки начинаются одинаково: жили-были или в одном царстве, в одном государстве, или у отца было три сына.

Повествование о моем житье-бытье можно начать словами: у одной женщины было три брака... И это не предел. Я надеюсь.

С первым мужем – Гришей Фурманом - мы вместе учились в академии искусств. На последнем курсе поженились. Я было для него квочкой–наседкой. Постоянно его вылизывала, угождала, а он принимал всё, как должное. Не указывал на недостатки, но и похвалами не разбрасывался. Мы часто философствовали на тему «Брак и семья в современных условиях», не переходя на личности. Каждому было ясно, какие требования я предъявляю к мужчине, и какие требование предъявляет Гриша к женщине. Оказалось, что мы оба этим требованиям не удовлетворяем, а меняться и подстраиваться не собираемся. Устав от дебатов, и не придя к консенсусу, мы расстались после двух лет совместного проживания. Инициатором была я. Собрав нехитрые пожитки, перебралась на съемную квартиру. Покантовалась там некоторое время, а затем Фурман предложил мне вернуться. Я сразу ответила отказом, но он всё объяснил, мягко оборвав на полуслове мой возбужденный монолог. Он, вообще, был мягким, спокойным и сдержанным человеком, в отличие от меня – женщины-бури, у которой язык опережает мысль. Григорий решил перебраться на историческую Родину, пригласив к себе в компанию мою близкую подругу Элли Мейбель – необыкновенную красавицу, жгучую брюнетку с огромными глазами, длинными стройными ногами, и ростом не моему чета. Неважно, что Фурман доставал ей до уха, любовь разнице в росте не помеха. Обидно другое - Элка бросила своего мужа Митю Жаворонкова, вернув себе девичью фамилию.

С Мейбель мы познакомились на вокзале, когда я приехала поступать в академию искусств, а она мечтала стать экономистом. И это с такой-то внешностью! Наши мечты сбылись. Мы не потерялись на просторах крупного мегаполиса. Вышли замуж в один год и продолжили дружить семьями. Я считала Жаворонковых счастливой парой. Наверное, они так же думали о нас с Гришкой.

После развода я погрузилась в себя, ограничив общение с друзьями. Элка продолжала названивать, о чем-то щебетала, но я не вслушивалась. Может быть, она и поделилась новостью о ближайшем замужестве, не называя имени будущего супруга, решившего заменить бедного Митьку, да я пропустила всё мимо ушей. Во время переживаний со мной подобное часто происходит. Или я погружаюсь в собственные бессрочные размышления, или несую околесицу, тем самым срабатывает защитная реакция организма, или сочетаю в себе и первое и второе. Как в случае с гражданином Родионовым, который нанес мне визит и скрылся без объяснений.

Первое, о чем я подумала, когда узнала о новом союзе, была мысль о Дмитрие: как он это переживет? И чего скрывать – про себя любимую так же не забыла, мне стало обидно, червячок ревности проснулся, пошевелился и временно затих. В мои планы не входило воссоединение с бывшим мужем, никаких надежд я не питала, но сознавать, что Гришка с Элкой могли сблизиться давно, еще во время нашего с ним брака, и беззастенчиво крутить любовь за моей спиной и спиной Митюшки, было очень не приятно. Даже горько. Одно дело, когда понимаешь, что ты разлюбил свою вторую половину, а другое дело, когда

эта половина тебя опередила. Но пока не признается ни в измене, ни в том, что любовь давно ушла, и выжидает. Почему-то не предлагает развестись. Ждет твоего шага, который обязательно последует, если создать определенные для этого условия. Я проанализировала два года семейной жизни, никаких подводных камней, заложенных Фурманом, не выискала и немного успокоилась. Значит, они сошлись после нашего развода. Тот факт, что они, вообще, сошлись, меня не коробил. Если ни Мейбель, то другая женщина заняла бы мое место. Рано или поздно. Григорий – не одиночка, ему нужна семья, настоящая семья, правильная семья, полноценная семья. И моя подруга способна на жертвы. Я на это не способна. К мнению супруга прислушиваюсь, иногда спорю, иногда – нет, но поступаю по-своему. Меня можно попросить о чем-то, причем так, чтобы мне предоставили право выбора: если не сейчас, то позже. Когда у меня есть желание, я сверну горы. Если желания нет, то исполнение затянется на неделю, если, вообще, будет результат. Я не вредина-зловредила, я – свободолюбивый человек, не выносящий угнетения. А запихивание в рамки – это для меня угнетение личности. Сделай то, подай это, сходи туда, не знаю куда. Это в начале семейной жизни я пытаюсь избавиться от своих принципов – стараюсь перевоспитываться, - но потом быстро устаю, желание пропадает по неизвестной причине. Наверное, я эгоистка. Или не эгоистка, а во всем виновато мое запоздавшее пробуждение: я понимаю, что очередной муж меня не вдохновляет на патриотические подвиги, происходит сбой в процессе перевоспитания. Патриотические подвиги совершают ради любимых, не важно, какое слово идет после слова «любимых»: Родина, мать, муж, жена и т.д. Ключевое слово - любимый, любимая... Любовь – это основание всего.

Но вернемся к отношениям Мейбель и Фурмана.

Естественно, после предложения Григория переехать в его квартиру и сбивчивых объяснений, кто является новой пассией, я не сдержалась и провела допрос на предмет завязывания их отношений. Сначала поинтересовалась у Фурмана, потом у Эллы, желая найти расхождения в даче показаний. Расхождений не было. Оказывается, Фурман как-то занемог, не стал меня беспокоить и обратился за помощью к моей подруге. Подруга явилась на зов, провела нужные мероприятия по оздоровления ослабленного мужского организма, оставшегося без женской заботы. Надо признать, что Гриша обладал бытовым кретинизмом, вообще, ничего не мог делать по дому. Не знал, где что лежит, как открывается холодильник, как функционирует стиральная машинка, не говоря уже о приготовлении пищи. Пусть я не эталон в вопросах ведения домашнего хозяйства, но по сравнению с Григорием – дилетантом в двадцать четвертой степени - я могу считаться профи.

Покидая навсегда квартиру Фурмана, я написала длинную инструкцию, надеюсь доходчивую, но ошибалась. Или он ее плохо проштудировал, или куда-то положил, чтобы при случае ею воспользоваться, и забыл, куда. Приготовление пищи за дополнительную плату взяла на себя одинокая соседка, живущая этажом выше. По неизвестной причине Фурман вскоре от ее услуг отказался. Могу предположить, что дама бальзаковского возраста была навязчивой и возомнила невесть что. Не исключаю и другой вариант: бывший супруг хотел заманить к себе Эллу. Раньше я не замечала, чтобы он оказывает ей особые знаки внимания, но люди меняются, тем более оставшись в одиночестве. В общем, Эллочка пришла раз, другой, третий, а потом поняла, что не может жить без Григория. Недолго боролась со своим внезапно нагрянувшим чувством, а потом сдалась. Дебаты о семье и браке они не вели, сразу пришли к общему мнению, оформили соответствующие документы и отбыли в Израиль, где сына давно ждали состарившиеся родители, чей отъезд пришелся на начало девяностых годов прошлого столетия. Я никогда не спрашивала Гришу, почему он отказался тогда уехать вместе с ними, вообще, не заводила разговор на эту тему, но в гости к свекрови и свекру ездила с удовольствием. Они замечательные люди, и их сын - замечательный человек, просто ему не повезло с первой женой. Надеюсь, повезет со второй.

Таким образом, в наследство от Фурмана мне досталась однокомнатная квартира.

Через некоторое время я познакомилась с парнем. Он представился Игнатием Сипегиним. Это после я узнала, что он такой же Игнатий, как я Елена Образцова. Самый обычный Игнат, самый обычный водитель на машине скорой помощи, а не доктор, способный вылечить от всех болезней. Я простила ему ложь, потому что полюбила его. Думала, что полюбила. Когда любят, не замечают недостатки, или не концентрируются на них. Я концентрировалась и раздражалась. Он тоже постоянно указывал мне на недочеты в поведении, в уходе за собой и так далее. Перечислять всё не желаю. До сих пор бешусь, когда вспоминаю наш брак, продлившийся чуть менее первого, а точнее – один год одиннадцать месяцев и шестнадцать дней. Больше я не выдержала, в итоге указала Игнашке на дверь, обзвав его самовлюбленным павианом, а он меня в ответ - маргышкой. Согласитесь, я была более изысканна в выражениях.

Игнат вернулся в общежитие. Не знаю, остался ли он там надолго или нашел женский идеал, отвечающий его повышенным требованиям. Вместе с Сапегиним ушли мои комплексы, появившиеся во втором браке.

Я умница, красавица, я по-прежнему открыта для новых отношений с мужчинами. Не все мужчины унижают женщин, они любят нас такими, какие мы есть. Если любят.

И случилось чудо! Мой третий муж полюбил меня без внешних прикрас, когда я лежала в больнице после удаления аппендицита.

Нас в палате было двое: я и Изольда Христофоровна – эксцентричная особа, позабывшая о своем возрасте. В ту пору мне было тридцать, а Изольде пятьдесят четыре, но выглядели мы, как младшая и старшая сестра. Постоянный позитивный настрой, с которым она в обнимку шагала по жизни, благодушное отношение к окружающим сбавляли ей возраст. Она обожала всех и вся. И ее обожали все, особенно сын и муж. Поначалу я приняла мужа за ее отца, а сына – за брата. Оба были физиками, погрузились в науку настолько, что жене и матери с ее буйной энергией едва хватало сил, чтобы на короткое время выдернуть их на поверхность реальной жизни. Однажды она выдернула на поверхность сына и познакомила со мной. Вскоре сын Изольды Христофоровны – Феликс - стал моим третьим мужем. До сих пор не понимаю, как женщина с тонким вкусом могла назвать сына Феликсом, заранее зная, какое отчество к нему прилепиться и какую фамилию он будет носить?! Феликс Геннадьевич Алиферук. Язык сломаешь, пока выговоришь. Наверное, она пророчила ему славное будущее, и этим всё объясняется.

Алиферучкой я не стала: мужья приходят и уходят, а девичья фамилия остается. Изольда мне призналась, что ее девичья фамилия была Хвостова, значит, отца звали Христофор Хвостов. А она была Изольдой Христофоровной Хвостовой. Хи-хи. Дама с чувством юмора в восемнадцать лет нашла себе мужа с подходящей, как она считала фамилией, и выскочила за него замуж, пренебрегая желанием родителей, которые мечтали о высшем образовании для дочери. Их желания не совпали. В девятнадцать лет у молодой матери родился обожаемый сыночек Феликс. Жаль, что ограничились одним ребенком, а то у меня нашлась причина для веселья. Интересно, какое бы имечко она выбрала для следующего отпрыска словной фамилии Алиферук? Или для внука, так же продолжателя рода? Но не случилось. Со мной не случилось, но всё еще будет. Жизнь Алиферуков на мне не закончилась.

Кстати, о причинах для веселья. Я всегда их нахожу, особенно стараюсь, когда наваливается депрессия. Именно, смех возвращает мне позитивный настрой.

Думаю, мой неуместный смех явился одной из причин охлаждения ко мне Изольды. Я не дурочка, которая смеется при виде указательного пальца, но часто не могу сдержаться от чужой мимики, неправильно произнесенного слова, отчего угодно, был бы повод, как говорит мой отец. Повод был – Изольда меня постоянно гнобила. Да, еще как гнобила: с милой улыбкой и ласковым голосом. Лучше бы кричала и брызгала слюной. Но нет, улыбалась и сюсюкала. Раздражение росло внутри меня, как опухоль. Чтобы не

сорваться в ответ, не сказав что-нибудь миленькое-ядовитенькое, я сводила всё в шутку и смеялась над своей шуткой, не находя поддержки.

И не только смех выстроил преграду между нами: моя свекровь не была для мужа безропотной прислугой, но решила сделать из меня прислугу для своего обожаемого сына Феликса. Не скрою, мне самой хотелось опекать мужа, поэтому я не спорила. Но со временем я стала замечать, что моё раболепие свекровь не удовлетворяет. Женщина, которая обожает всех, перестала обожать меня. Чем дальше, тем больше обожание заменялось презрительным недовольством. Да, у меня не оттуда растут руки, и я ничего не могу с этим поделать. Наверное, при моем рождении что-то сделали не так. Я не сдержалась и спросила об этом у своей дорогой мамули, которая считала меня идеалом. Впрочем, так считают все любящие родители, именно, любящие. Вопрос был задан тет-а-тет, когда я приехала к родителям на пару дней, мечтая о кратковременной передышке. Мама догадалась, в связи с чем возник вопрос, посмотрела на меня из-под очков, потом и вовсе их сняла, зажала в кулаке одну дужку и сделал один оборот. Я поняла, что она возмущена и прежде чем ответить, решила немного успокоиться, чтобы не наговорить лишнего. Они с отцом всегда утверждали, что примут любой мой выбор. После развода я никогда не слышала укоров на свою неразборчивость, только успокоительные слова. Отец говорил:

- Ничего, дочь, все наладится. Неправда, что умные люди учатся на чужих ошибках, а глупые - на своих. Если человек не делает глупостей, он до конца жизни не поймет, правильно ли он жил? Может, вся его жизнь была большой ошибкой или собственным заблуждением.

А мама с улыбкой заявляла.

- У кого еще есть такая возможность - сравнивать одного зятя с другим?!

После одного поворота очков, дужка которых была зажата в пальцах матери, последовал второй, потом третий. Я с ужасом наблюдала за очковращением, не ожидая ничего хорошего.

- Я сейчас подумала, дорогая моя Лукерья, а не пора ли тебе развестись? Ты итак уже побил рекорд проживания в браке.

- Да? – удивилась я рекорду, а не предложению моей дорогой мамули. Совершив в уме нехитрые математические действия, я сказала, - два с половиной года. – И зачем-то добавила, - мне уже тридцать два... с гаком, Феликсу уже тридцать шесть, а Изольде всего-то пятьдесят семь.

- Это тебе еще, а ей уже, - встрял отец. – Поэтому надо быть мудрее и оставить семью сына в покое.

- Правильно! – поддержала его мать. – Но Изольда никогда не пойдет на это. Поэтому вы так и будете жить как бы вдвоем, а на самом деле втроем, причем она постоянно будет стоять между вами.

- Может, ее отравить? – предложила я с серьезным видом.

Родители переглянулись между собой.

- А ты очень любишь своего мужа? – поинтересовалась мать.

- Не знаю, - передернула я плечами.

- Тогда зачем травить? – спросил отец, едва сдерживаясь, чтобы не расхохотаться. Как он это проделывал всегда - очень заразительно, запрокидываясь назад так, что были видны все его тридцать два зуба в отличном состоянии, и это при всем притом, что к ним не прикладывалась рука стоматолога. Я пошла в отца: зубы – самое главное мое богатство.

- Гы-гы, - начала я и смолкла, ожидая реакции родителей. Ко мне сразу присоединился отец, потом закатилась от смеха мать.

- Смех продлевает жизнь! – заключил наше веселье папа.

Больше к теме третьего развода мы не возвращались. А зачем? Я вернулась в родной город, и перебралась на свою квартиру, сказав на прощанье Изольде, что тратиться на развод не собираюсь. Я знала, что она всё сделает сама. На момент моего ухода Феликс

отсутствовал, но я очень надеялась, что он придет ко мне. Если не для уговоров, то, хотя бы, для понимания причины. Но он не пришел. А зачем тратить свое драгоценное время, если мамочка доходчиво объяснила ситуацию? Если перед началом знакомства сына с подходящей кандидатурой, ему была дана установка на любовь к этой кандидатуре, то теперь - на разочарование. Выбор сделала Изольда, она же осознала, что ошиблась и сделала всё, чтобы я ушла по своей воле. Я даже услышала голос несостоявшейся свекрови, которая высказывает сожаление по поводу моего ухода. Не меня выставили из дома, создав для этого все предпосылки, а я ушла сама! Чувствуете разницу? Репутация семьи Алиферук не пострадала.

А я снова страдала, но вида не показывала.

Не знаю, зачем выходила замуж за Феликса Алиферука? Может, хотела посостязаться за первенство с матерью? Но это она считает, что находится у сына на первом месте. На самом деле, на втором, на первом всегда будет обожаемая физика и обожаемые кристаллы, в которых я ни черта не смыслю.

Я согласилась жить жизнью мужа, согласилась быть его прислугой, мечтая получать взамен знаки внимания, на крайний случай, слова благодарности. Но ничего этого не было. Переводчик в лице Изольды перестал выполнять свои функции, а я так и не научилась разговаривать с мужем на одном языке, как не пыталась. Или переводчица переводила не правильно, заметив, что я посягаю на ее место. В общем, в конкурентной борьбе победила Изольда Христофоровна Алиферук.

Возможно, Феликс когда-нибудь женится. Женится на девушке из своего научного круга, которая может поддержать разговор, которая будет слушать с пониманием, а не тарашить глаза и думать, как бы улизнуть, чтобы не чувствовать себя круглой душой, не понимающей простых вещей. Для него простых вещей, а не для женщины, закончившей академию искусств с красным дипломом, это китайская грамота. Но я еще раз повторюсь – я пыталась стать хорошей женой.

Супруги должны говорить на одном языке. Без переводчиков.

Не часто, но случались моменты, когда мы с Гришей разговаривали на одном языке, но не договаривали, обрывали диалог на полуслове, предоставляя друг другу возможность домыслить. Спрашивается, чем это вызвано? А тем, что изображали из себя гениальных «соображал», которые уступчиво предоставляют оппоненту поле для самовыражения. Один самовыражается, другой делает вид, будто бы всё понимает. Увы, не понимает, а спросить боится, чтобы его не посчитали глупцом.

Мне было бы легче сесть за рояль и исполнить произведение, которое отобразить мое настроение. Но о чем скажет моя лирическая музыка физику Алиферуку?

А может, всё объяснялось гораздо проще: мы «съезжали» с якобы общей темы, потому что не чувствовали единства? Не могли понять, чего в нашем браке не хватает? Как в случае с поваром, дегустирующим суп: что-то в нем не так! То ли перца не хватает, то ли соли, то ли забыл положить какой-то ингредиент.

В нашем браке не хватало настоящей любви. Была детская игра в любовь, в дочки-матери. Результат на лицо.

О водителе машины скрой помощи я, вообще, вспоминать не хочу. Наш брак был громаднойшей ошибкой. Два других брака я ошибкой не считаю. Они сделали меня умнее.

Или я, как обычно, заблуждаюсь?..

Но несмотря ни на что, я везучая! Главное, об этом не забывать...

Итогом трех моих браков стали: Митя Жаворонков, небольшая квартира, сомнения в собственной полноценности, гастрит, бессонница и щемящая обида, которую я старалась не показывать и на всех мужчин без разбора не переносить. Но мой характер все три брака никак не изменили.

Хорошо, что у меня был Митя Жаворонков – надежный терпеливый друг, спокойно выносивший мой плач на своей груди, мои взбрыкивания, мое неожиданное веселье, резко сменяющее печаль, называл меня взбалмошной и чмокал в лоб. Он никогда не переходил границ женско-мужской дружбы. Честно говоря, меня это иной раз обижало, иной раз раздражало, а чаще успокаивало. Рядом с ним я могла быть собой, а не квочкой-наседкой, не женщиной с комплексами и не безропотной прислугой, мечущейся между мужем и свекровью.

Так сложилось, что Жаворонков родился и вырос в том же городе, где родилась и выросла я. Но суждено было нам встретиться здесь, причем через Элку Мейбель. О бывшей супруге он вспоминать не любил. И если я передавала ему привет от нее, он как-то скукоживался и затихал, словно старался запихнуть себя в маленькую форму из толстой брони, куда до него не долетит рассказ о жене, пусть и бывшей, которую он продолжал упорно любить. Я об этом знала, но приветы вырывались сами собой. Я же говорю – язык опережает мысль. Взбалмошная, и всё тут.

Лично я на месте Жаворонкова прекратила общение с такой особой, как я. И не потому, что, именно, явилась косвенной причиной его развода с Эллой, когда я имела наглость оставить мужа без женской заботы, просто со мной связаны воспоминания о ней. Но возможно, ему было со мной комфортнее, чем с другими. Я не ворошила прошлое, почти не ворошила, потому что все знала об этом прошлом, не старалась привлечь его интерес. Я была другом...

Зачем себя-то обманывать?!

Я даже изображала из себя великого психолога, взывала отпустить былые обиды и жить настоящим. Кто бы говорил?! Даже такие хохотушки, как я, в тайне страдают, вспоминают прошлую жизнь, представляют, как можно было всё перетасовать, чтобы получился хороший результат...

На сегодняшний день у меня за плечами были не только три брака, но и загадка, связанная со странным посланием. К кому мне было обратиться за советом, как ни к Митьке?

После ухода Арсения Родионова я позвонила другу и коротко сказала трагическим шепотом:

- Надо встретиться.

- Пароль тот же? – тем же тоном спросил юморист, он же человек с весьма приземленной профессией - ветеринар в местном зоопарке.

- Тот же, - подтвердила я, - у меня в волосах будет красная роза, ни с кем меня не спутаете.

- А у меня журнал «Советский экран» за 1983год.

- Где ты его найдешь? – поинтересовалась я, съехав с прежнего «шпионского» тона.

- А это... уже не ваша забота! – высокомерно пресек ненужные «в эфире» разговоры мой приятель.

- Тогда на том же месте, в тот же час?

- Yes, mem!

- Товарищ! – с испугом поправила я.

- Да, товарищ, - с британским акцентом проговорил он...

Я шла по аллеям зоопарка и представляла, что иду по лесу. Сейчас навстречу выскочит заяц-беляк, испугается и пуститься наутек, забрасывая пушистый снег задними лапами. Вдали проскочит лисица в рыжей шубке, брезгливо перебирая лапками. А из-за кособора, тяжело ступая, выберется волк и поозирается по сторонам в поисках добычи...

Первозданная природа это райское место на земле! Хотя, и опасное. А так хочется уехать из грязно-снежного города хотя бы на день! Почувствовать вкус чистой природы, искупаться в примитивном счастье! Побродить-побродить, а потом вернуться и вновь насладиться счастьем в уюте своего дома...

Сегодня выдался на редкость теплый день, больше напоминал осенний октябрь, а никак ни зимний декабрь. Оттепель наступила после затяжных дерзких морозов, нагрянувших в последней декаде ноября. Кто как, я не выносила холодов. И жару тоже не любила, предпочитала комфортную температуру, колеблющуюся около плюс двадцати пяти. И чтобы без ветра! Уверена, моя противоречивая натура восстала бы на второй неделе пребывания в таком эдеме. Я заскучала бы по легким морозам, по ветру-баловнику, по жаркому солнцу, выжигающему татуировки на свободных от одежды участках тела...

Еще издали я увидела Митю. Он сидел на скамейке, шурясь от солнечных лучей, и любовался лебедями, гордо плавающими по озеру овальной формы. Он напоминал заботливого отца, который зорко следит за своими чадами, играющими на детской площадке. Он почувствовал мой взгляд, повернул голову, поднялся и пошел мне навстречу.

- Привет! – с чувством сказала я, прильнув к его груди.

- А пароль?

- Я тебя обожаю!

- И я тебя обожаю!

- Все верно. А где обещанный журнал?

- А где красная роза в волосах?

Я достала из сумки заколку с ужасной красной розой – а-ля пациентка психдиспансера, возомнившая себя испанкой-танцовщицей - и шлепнула себе на голову.

- Ну, как?

- Чудо, как хороша! - восхитился он и вынул из-за пазухи сложенный вдвое журнал.

Я выхватила журнал и очень удивилась, что обещание он сдержал. У меня в руках был журнал «Советский экран» №12 за 1983год. На обложке был напечатан портрет актрисы Марины Шиманской, которая играла роль капитана буксира в фильме «Берегите женщин». Я была несовременной, не любила американские боевики, предпочитала старые советские кинофильмы. Они вселяли в меня оптимизм.

- Где ты его нашел?

- Одна наша сотрудница всю жизнь выписывала «Советский экран», и всю жизнь их хранила, как невиданную ценность. Перетащила их из дома на работу и перечитывает в свободное время, утверждает, что с их помощью она возвращается в прошлое. И машины времени не надо.

- Какая прелесть! У каждого свой способ бороться с депрессией, возникшей на почве негатива, вываленного с экрана телевизора.

- Ты не права, Лучок, события бывают разные, не только негативные, среди них проскальзывают позитивные новости.

- Но так незаметно проскальзывают, что не успеваешь на них сосредоточиться. Но всегда есть выбор: если не можешь изменить ситуацию, то измени свое отношение к ней.

- Верно! Ты умница!

- Только ты так считаешь.

- Кто-то думает иначе? Заметь, я не сказал – говорит, выразить словами мнение о тебе в твоём присутствии не каждый решится.

- Мне главное, что я о себе думаю. Надо признать, что мнение о себе я меняю в зависимости от поведения в тех или иных обстоятельствах. – при этом я тяжело вздохнула, намекая, что в теперешних обстоятельствах повела себя не должным образом.

- Не знаю, что произошло, но выглядишь, ты прекрасно, несмотря на этот безвкусный цветок, - усмехнулся он и вынул из моих волос красную розу.

- Можно я возьму на время журнал? - попросила я.

- Можно... Но ты ко мне пришла не за журналом. Судя по горящим глазам, ты... познакомилась с мужчиной? – голос друга дрогнул.

- Познакомилась, но это не то, что ты подумал. И, вообще...

- Тебе никто не нужен, - перебил меня Митя, - я это запомнил, как таблицу умножения на два.
 - Почему на два?
 - Она легче всего запоминается. Та же знаешь, у меня всегда были проблемы с точными науками.
 - Зато у тебя не было проблем с людьми и животными. Ты находишь подход к любому живому существу: и двуногому, и четвероногому.
 - И ползающему, и водоплавающему, и так далее и тому подобное - пополнил список мужчина с птичьей фамилией. – Давай пройдемся немного, а то я замерз, пока тебя дожидался.
 - Пойдем ко мне, - предложила я.
 - Не могу, у меня еще одно дело не завершено.
 - Отложить нельзя?
 - Боюсь, павиан Гнат меня не поймет.
- При упоминании павиана я вспомнила о втором муже - Игнате, получившем на прощание прозвище самовлюбленного павиана. Конечно, расставание было в красках передано Жаворонкову. Он не преминул в тот раз заметить: В чем же бедное животное провинилось? Но мой рассказ, видимо, отложился в его памяти, в итоге родившийся в неволе представитель рода приматов и семейства мартышковых был наречен редким именем Гнат.
- Судя по испугу в глазах, мой приятель понял, что упоминать в разговоре павиана, тем более носящего имя моего второго мужа, не стоило.
- Павиана зовут Гнат? – едва сдерживая рвущийся наружу истеричный хохот, спросила я сквозь зубы.
- Митька попытался мне внушить, что имя примата не вытекает из полного мужского имени Игнат, а состоит...
- Из чего оно состоит, я уже не слушала. Зоопарк огласился непривычными для него звуками, отдаленно напоминающими человеческие. Я согнулась и, покачиваясь, пошла по аллее, приговаривая:
- Павиан Гнат... Ой, не могу, павиан Гнат... Сейчас умру... Павиан Гнат.
- Я не видела Жаворонкова, но знала, что он следует за мной. Когда я немного успокоилась, он спросил.
- Может, зайдем ко мне, я тебя чаем напою?
 - А Гнат там? – спросила я, обхватила себя руками, словно успокаивала. Спокойствие продержалось минимум тридцать секунд, я снова покатила со смеху.
 - Лучок, довольно, - просительным тоном произнес Митька.
 - Уже всё, – вытирая слезы, сказала я. Вдохнула, выдохнула, вдохнула, выдохнула. И подумала: хорошо, что в зоопарке почти нет посетителей.
- И в эту минуту из-за густой ели вывернул отец с малолетним сыном на руках. Мальчик капризничал, а отец его успокаивал.
- У лисички болит, у волка болит, а у Игнаши не болит.
- И тут я поняла, что мне конец. Не знаю, была ли это истерика, или очередная защита организма, но после безудержного смеха у меня не осталось сил на пересказ сегодняшних событий.
- Приятель понимал, что просто так я бы его не беспокоила на ответственной работе, поэтому отложил общение с павианом, не буду называть его имени, на завтра, и потащил меня к себе домой, приговаривая при этом, что у меня всё равно есть нечего.
- Извините! – сразу пришла в себя я. – У меня есть плов.
 - Упаси Боже! – закатил глаза Митя. – Я еще жить хочу.
 - А еще другом называется, - укорила я его. – Все мужья ели мою стряпню и хвалили.
 - Они тебя обманывали.
 - Ты намекаешь на то, что я – неумеха, и поэтому все мои мужья сбежали?

- Я этого не говорил, - выкрутился Дмитрий. – Как мужчина, могу ответственно заявить, что ценю женщин не за умение варить борщ или вязать носки. Это примитивно и давно изжило себя. Если она не умеет готовить, я могу это взять на себя. Что касается нашей дружбы, по поводу которой ты иронизируешь, то могу ответить одно: как твой близкий и проверенный годами друг, приглашаю тебя в гости. Обещаю угостить чем-то вкусным.

- Это чем же? - напряглась я, будто мне подсовывали кусок пирога с еле уловимым запахом миндаля - показателя наличия цианида.

- Сегодня в нашем меню превосходное жаркое. Просто пальчики оближешь! И кое-что еще.

- Этим кое-что ты меня заинтриговал. Ну, и повезет кому-то с мужем!

- Кому-то повезет, - согласился он, - а сейчас везет тебе. И всегда будет везти.

- Лучок, вообще, везучая, - напомнила я, назвав себя в третьем лице.

- А после того, как Лучок покушает, она обо всем расскажет.

- Она расскажет, - многообещающе произнесла я с грозным видом...

- Я предлагаю обо всем забыть, - сказал Жаворонков после того, как выслушал мою историю. – Сама рассуди: если бы тебя звали Дашей, я еще мог допустить, что он ошибся, перепутав Дашу с Машей, согласишься, созвучные имена. А Маша и Луша похожи последним слогом, гласная «у» всё портит.

- Именно, это я и хотела от тебя услышать, - расслабленно произнесла я.

Перед этим мы вкусно поели и развалились на диване. Он не отмахнулся, не сказал, что это ерунда, тем самым два понятия, что ему мои проблемы до лампочки, и лучше бы выслушать его исповедь. Вот у него проблемы, всем проблемам проблемы! А у меня, так, наплевать и размазать. Митюшка никогда себе этого не позволял, даже когда я молола чушь, ему оставалось внимательно выслушать мое мнение и предложить свою версию, ненавязчиво и так, будто бы она исходила от меня, а он всего лишь ее немного переработал, поменяв последовательность. И этот подход мне imponировал: я соглашалась поступить так, как советовал мне приятель. Не сразу, но соглашалась, что для меня было сродни унижению.

- Закрыли тему?

- Но порассуждать то мы можем? – без особых эмоций поинтересовалась я более настойчиво, чем нужно было, раз я прислушалась к его мнению.

- Вполне, - подавляя рвущийся наружу зевок, согласился Митька, выбирая путь наименьшего сопротивления.

- Я изложу свои соображения, - хорошо поставленным голосом произнесла я, при этом поднялась с дивана и встала в третью позицию, словно собралась продемонстрировать свои вокальные способности. Конечно, я не Анна Нетребко, то тоже кое-что могу.

По всей видимости, моя торжественная подготовка смутила друга, он напомнил:

- Мы не в Колонном зале Дома Союзов, можно расслабиться и излагать без пафоса.

Я согласно кивнула, вернулась на место, закинула ногу на ногу, скрестив пальцы на колене.

- Моя жизнь...хм... не перенасыщена любовными романами, а признаться честно, то мало кто клялся мне в вечной любви... А если кто и клялся, то весьма неуверенно, будто сам сомневался в этом, отчего вызывал у меня чувство недоверия. Возьмем, к примеру, Гришу Фурмана. Наверное, это единственный мужчина, который искреннее был в меня влюблен. Заметь, не любил, а был влюблен! – уточнила я, пригрозив указательным пальцем Митяйке, чтобы он понял разницу между любовью и влюбленностью и не стал спорить. Он не собирался вступать со мной в дискуссию, я продолжила. - Со временем влюбленность утонула в быту, в мелких ссорах, в недовольстве друг другом, которое росло день ото дня. Чем закончился наш брак, ты знаешь. В данный момент мой первый супруг далеко, а если бы и жил в нашем городе, то едва ли вспомнил обо мне на исходе жизни.

- Про Фурмана можно было не вспоминать, - буркнул Жаворонков без обиды, скорее по привычке.

Я, как человек с прекрасным слухом, почувствовала разницу в голосе того Митьки и этого, расслабленно развалившегося в кресле. Тот Митька держал топор войны наготове, этот – закопал топор поглубже, надеюсь, в ближайшем будущем забудет о месте захоронения. Действительно, сколько можно вспоминать Элку?! О том, что освободившееся в сердце место может занять другая женщина, я боялась даже думать. Все мое время, сейчас меня радует его зарождающееся безразличие к бывшей супруге.

Я не стала приносить извинения, чтобы в очередной раз не съехать с животрепещущей темы дня.

- Я излагаю по порядку, чтобы никого не забыть. И не смотри на меня так!

- Как?

- С ехидной усмешкой!

- Вовсе, нет.

- В паузе между первым и вторым замужеством и у меня романов не было. По крайней мере, я о них не помню, что свидетельствует о том, что они были невпечатляющими и поверхностными. В то время мы сдружились с тобой, этого общения мне вполне хватало.

- В отличие от тебя, мне всегда хватало нашего общения, - с укором заметил Жаворонков.

- Ты часом не ревнуешь? – с надеждой спросила я.

Лицо друга было непроницаемым. Я думала, что он промолчит, но он обронил ничего не значащее:

- Вот еще!

- Ревнуешь! А я-то думала, что ты ко мне, как к любимой десертной тарелке.

- Почему к десертной?

- Потому что на десерт подают самое вкусенькое! – игривым голосом произнесла я и хотела прильнуть к его плечу, но остановил насупленный взгляд.

- Может, и привык. Человек ко всему привыкает, даже к плохому.

- Это намек на то, что я плохая?

- Не цепляйся к словам. Я этого не говорил.

- Ты сказал, что привык ко мне! Если бы я тебе не звонила, не предлагала встретиться, ты, вообще, забыл о моем существовании.

- Ты сегодня агрессивная. И жаркое не помогло. Я уже не говорю о пирожных. – Митька постарался перевести всё в шутку.

Я высказала ему правду. Сорвалась, не сдержалась. Складывалось впечатление, что я ему навязываюсь. Не спорю, он всегда приголубит, накормит, напоит, но мне... хотелось большего. Дмитрий мне нравился. Но я себя сдерживала, черту не переступала, чтобы не потерять такого надежного друга. Однажды он мне сказал: «Я привык жить один». Забыла, что подтолкнуло его к откровению, но эта фраза четко отпечаталась в моей памяти.

- Почему ты молчишь? Обиделась?

- Ничего не обиделась, - монотонно проговорила я, - вспоминаю, на чем остановилась?

- На том, что тебе хватало меня, а потом не стало хватать, и ты вышла замуж за этого ограниченного человека, возмнившим себя единственным на земле психологом женской души, настоящим ценителем истиной женской красоты и Пигмалионом в одном флаконе. Ты не Элиза, а Сипетин не Генри Хиггинс. Скорее, ему нужно прививать хорошие манеры, а не тебе.

- Только не произноси вслух его имя, а то у меня снова начнется истерика, - сквозь зубы попросила я.

- Вы с Сипетиним расстались со скандалом, поэтому в последнюю минуту жизни он вспомнит о ком угодно, только не о тебе.

- Мне кажется, он так дорожит жизнью, что вырвал бы себя за волосы из проруби.
- А кто не любит жизнь? Бывают минутные затмения, когда кажется, что все лучшее уже позади, впереди только боль и разочарования, а потом понимаешь, что впереди все еще может случиться. Жизнь полна импровизаций, сюрпризов разного рода. Нужно научиться правильно реагировать на них. Это сейчас ты думаешь, что ничего более ужасного быть не может, а проходит время, и ты с улыбкой вспоминаешь ту трагедию, которая в настоящее время трагедией уже не считается.
- Это правда. Смеешься над тем, над чем несколько лет назад плакал.
- Лучок, я редко видел тебя плачущей.
- Не выношу всенародного плача. Могу расслабиться в твоём присутствии. Знаю, ты не осудишь, искренне посочувствуешь. На людях я сдерживаюсь, часто слезы заменяю смехом, чем создаю о себе неправильное мнение. Пусть думают, что я беззаботный мотылек, порхающий с цветка на цветок, который умеет только веселиться и хохотать без устали, мне всё равно... Как пел Андрей Макаревич: Она идет по жизни, смеясь, встречаясь и прощаясь, не огорчаясь... Ла-ла-ла-ла... Удача с ней и жизнь удалась, и никто не замечает, как плачет ночами та, что идет по жизни, смеясь... Это про меня...
- Можешь о себе ничего не рассказывать. Я знаю, что ты глубокая натура, умная, сдержанная, немного взбалмошная, самую малость чудаковатая.
- Для кого-то и крокодил – фигуристая русалка.
- Смешно, - без эмоций отреагировал приятель.
- Это всё? Или есть, что добавить? – голосом учителя, не удовлетворенного ответом ученика, спросила я.
- Ты настоящая. Не лукавишь, не юлишь. Да, иногда ты ведешь себя не так, как все. Но кто сказал, что все должны ходить строем и кричать один и те же лозунги?!
- Мое поведение часто шокирует людей, - согласилась я. - Возможно, с возрастом я стану другой, - без особой надежды проямлила я и вдруг опомнилась, - Митя, ты думаешь, что кто-то затаил на меня обиду?
- Всякое может быть. Люди бывают разные: и болезненно самолюбивые, и просто самолюбивые, и пофигисты.
- Значит, ты придерживаешься моего мнения о мстителе, - сделала я скоропалительный вывод. Мои глаза метали молнии, словно неприятель стоял передо мной, а я готовилась перейти к ответным действиям.
- Я еще ничего не сказал, не надо додумывать. Я предложил обо всем забыть.
- Я помню, но мы решили порассуждать.
- Не мы, а ты.
- Ну, я... А что, если один болезненно самолюбивый человек затеял со мной странную игру, чтобы затянуть меня в лабиринт без выхода. В центре лабиринта меня будет ждать неприятный сюрприз.
- Как он тебя затянет в лабиринт?
- Очень просто, как в одной сказке. Только там старичок применял колокольчик, а мой недоброжелатель прячется за ближайшим углом, потом высовывает физиономию и кричит: Ку-ку! Я бегу туда, чтобы узнать, кто спрятался за тем углом, а там... уже никого нет. Он снова кричит: Ку-ку! Я опять бегу за ним и опять никого не нахожу. И так до тех пор, пока не достигну центра. И тогда он покрутит указательным пальцем у своего виска и с глумливой улыбочкой произнесет: Дорога ты «ку-ку», в том смысле, что сбрендил, когда устремилась за ним.
- Он тоже попал в капкан, ему, как и тебе, не выбраться из лабиринта! Сам себя загнал в угол и не заметил.
- Себя он обезопасил! У него предусмотрен запасный выход. Это я оказалась в западне.
- Там нет запасных выходов.
- Ладно, пусть нет. Значит, он так пропитался ненавистью ко мне, что потерял контроль над эмоциями. Не важно, что сам погибнет, главное - меня прихватит с собой.

- Лукерья Поликарповна, у вас развито воображение. Давай исходить из того, что гражданин Родионов что-то напутал. Улицу запомнил, а номер дом и номер квартиры неправильно записал. А мои слова о болезненно самолюбивых людях не имеют отношения к данной ситуации. Считаю, что занимался твоим перевоспитанием, предупреждал о последствиях твоего невоздержанного поведения.
- Перевоспитывал, предупреждал, но всё пришлось к месту... Сама знаю, что мне часто «вожжа под хвост попадает».
- Это тоже слова твоего отца?
- Нет, так утверждает моя мама, когда меня заносит, а переубедить и вернуть на стартовые позиции не возможно. Потом жалею, что не сдержалась, но уже поздно что-то менять.
- Можно извиниться.
- Можно, но не всегда хочется встречаться с человеком, которого незаслуженно обидел.
- Стыдно?
- Стыдно, - согласилась я. – А тех, кого обидела заслуженно, вообще, видеть не хочется.
- Это тебе кажется, что заслуженно, а у них другое мнение.
- Это спорный вопрос. Сейчас у меня нет желания дискутировать на эту тему.. И так, что мы имеем? Фурмана и Сапегина мы исключили, думаю, Феликса Геннадьевича тоже можно исключить. Его чувства ко мне всегда были скрыты «под семью печатями», рыбной ловлей он никогда не увлекался, его интересовали только загадочные кристаллы.
- Человек мог кардинально измениться. Или устал от своей физики, решил взять тайм-аут, заняться, например, рыбной ловлей, которая переключит его мозги. Смена деятельности положительно влияет на уровень работоспособности. Он посидит с удочкой, тупо палясь в лунку, вернется домой и сделает научное открытие.
- Интересная версия, - протянула я, при этом отрицательно качая головой, будто предположение Митьки меня не устраивало с самого начала. – И вдруг...
- И вдруг случилась трагедия на неокрепшем льду! - перебил меня приятель, входя в раж.
- Постой! Это сейчас потеплело, а до этого были морозы, как мог подтаять лед? А? – с вызовом спросила я.
- Ты не знаешь, когда всё случилось? Может, в первые дни заморозков. Или другой вариант: наличие родников на дне озера. Они приводят к неравномерному нарастанию ледяного покрова. Я так думаю, хотя, не уверен, в этих вопросах я не силен.
- Я тоже в родниках не смыслю. Но допускаю, что трагедия случилась ни вчера. Родионов человек не старый, но и не молодой, от увиденной сцены у него могло здоровье пошатнуться, когда оклемался, решил выполнить обещание.
- Я понял – тебе очень хочется, чтобы на глазах Родионова утонул мужчина, который в последнюю минуту жизни вспомнил о своей возлюбленной, то есть о тебе, которая ничего не знала...
- О нем! – подсказала я, - в глаза его не видела! А он увидел и двинулся умом на почве любви. Тронулся и поехал на рыбалку, чтобы переключить мозги. Тут случилось страшное! – я округлила глаза, изображая ужас, - Он утонул! – упавшим голосом добавила я. – Да, с любителями зимней рыбалки такое случается, тем более с начинающими, которые теряются, начинают паниковать...
- Прррр, - пресек мой монолог Жаворонков, словно пытался остановить несущуюся галопом лошадь.
- Не пыркай, не запрягал! – окрысилась я. – И так он запаниковал. Нет бы направить все силы на спасение, а он вдруг излагает просьбу человеку, находящемуся в непосредственной близости. Лично я взывала о помощи с такой силой, что услышали все жители ближайшего населенного пункта. О бывших мужьях не вспомнила бы.
- Вообще, ни о ком не вспомнила? – стал допытываться приятель.
- Не знаю. Если только о родителях. Им будет трудно смириться с моей кончиной.

- Ты бы подумала о родителях – самых близких тебе людях, а тот мужчина о женщине, которую любил все годы, но не решился признаться.
- Я не та женщина, а Алиферук не тот мужчина, - быстро расставила я всех по своим местам, вновь вспомнив о третьем муже, относительно которого было не все ясно.
- Нельзя это утверждать. Он в тебе не разобрался за два с половиной года, ты в нем не разобралась. Откуда ты знаешь, что у него на уме? Может, только о тебе и думал.
- У него на уме кристаллы! – быстро нашла я ответ, - будь они неладны. Если бы Феликс испытывал ко мне хотя бы интерес, он бы пришел и поговорил. А я для него мебель... Ой, здесь стояла миленькая тумбочка эпохи застоя, а сейчас ее нет! Пришла в негодность? Какая жалость! Но что ж поделаешь... - запричитала я противным голоском.
- Смешно, - повторился Митя с грустью. – Но мы с тобой просто рассуждаем. Допустим, этим рыбаком был Феликс. На краю жизни каждый вспоминает о своем. Перед глазами физика Алиферука за минуту пробежала вся жизнь. И что он видел? Ничего! Почти ничего! Одним светлым пятном была Лукерья Троянова – славная душевная девушка, которую он обходил своим вниманием. Ах, если бы всё вернуть! Но поздно. Путь она узнает, что...
- Я ее любил. Одну ее и никого больше, - перебила я Митьку, находясь на наивысшей степени задумчивости. – А что? Подобное я допускаю.
- Лучок, не слушай меня! Мне не нужно было включаться в игру.
- Нет, это не Феликс! – задумчиво пробормотала я, не обратив внимания на слова Жаворонкова. – Родионов сказал, что утонувший рыбак был крупный мужчиной, в Алиферука никто так не назовет. Он низкорослый, узкоплечий, на него сто шкур одень, он все равно в весе мало прибавит.
- Я не могу спорить, я его никогда не видел. Ты меня на свадьбу не пригласила.
- Ты затаил обиду и стал играть со мной в лабиринт?
- Это я, - со скорбью в голосе признался друг. – Не мог тебя простить. Как не мог понять, почему ты со всех ног бросилась в загс?
- Со всех ног бросилась в загс, - повторила я слово в слово и представила, как бегу по улице, придерживая одной рукой подол длинного свадебного платья, а другой рукой тяну упирающегося Феликса. Печальная картина. – Я не знаю, что меня заставило выйти за него замуж?! Чем он меня привлек?
- Чем-то привлек.
- Наверное, умом и подкупающей отрешенностью. Я подумала, что рядом с ним забуду о втором браке, окончательно избавлюсь от комплексов, которые мне навязал Сапегин. Этот мужчина не будет меня перевоспитывать, указывать на мои недостатки.
- Если ты хочешь моего совета, то...
- Хочу! – не дослушав, согласилась я.
- Можно найти по справочнику адрес Родионова Арсения Ивановича и навестить его. Пусть еще раз обо всем расскажет, теперь в моем присутствии.
- Правильно! Митька, ты молодец! – похвалила я приятеля и с удовольствием оценила его спортивную фигуру, от вида которой мужчина среднего телосложения, как мой сегодняшний визитер, может сразу дать признательные показания. – У меня к Родионову много вопросов, и одним из первых будет вопрос о причине, которая заставила его улизнуть. Бродил по комнате, высматривал, как покупатель, а потом шмыг! Подозреваю, что он не тот, за кого себя выдает. А если он не тот, то... зачем искать его адрес? – Сразу скисла я.
- Отчаиваться пока рано.
Жаворонков сел за компьютер, выискивая в базе данных адрес загадочного Родионова. Загадочным он и остался: его адреса мы не нашли. Родиновых было достаточно много, целых восемнадцать человек, но среди них не числился Арсений Иванович.
- Есть Иван Арсеньевич, - пробубнила я, стоя за спиной Дмитрия. – И живет он на улице Пионерской. Тебе это ни о чем не говорит?

- Это говорит, что в нашем городе на улице Пионерской живет Родионов Иван Арсеньевич, - беспристрастным тоном выдал Жаворонков.
- Не ерничай! Ты номер дома видел? А номер квартиры?
- Дом десять, квартира восемьдесят один. Странное совпадение.
- И я о том же...
- Предлагаешь навестить его?
- Почему бы нет? – передернула я хрупкими плечиками, взглянула на наручные часы и поняла, что для визита в дом к незнакомому человеку время весьма неподходящее. За разговорами мы не заметили, что передача «спокойной ночи, малыши» давно закончилась. – Придется перенести разговор с Родионовым на завтра.
- Переночуешь у меня? – бесстрастным тоном спросил Дмитрий.
- Этот вопрос я слышала много раз, иногда принимала приглашение, иногда отвергала, по настроению. Сегодня мне захотелось остаться одной.
- Или я испугалась остаться с мужчиной наедине? Митя - мой друг. Но Митя мужчина... А я женщина. Не сегодня у меня открылись глаза, гораздо раньше. Но они открылись у меня, не у Мити.
- Проводишь меня? – с натянутой улыбкой поинтересовалась я.
- Могла бы не спрашивать...

Глава третья.

Чем дальше в лес, тем легче заблудиться...

Воскресное утро началось с раннего подъема, что было мне не свойственно, тем более в хмурый декабрьский период.

С вечера я быстро заснула, продрыхла без сновидений до пяти утра, встала, побродила по квартире, выпила воды, полюбовалась круглой луной и снова легла в кровать без надежды на продолжение сна. Но незаметно задремала. Лучше бы я этого не делала.

Мне приснился откормленный крокодил. Не тот, что из сказки Корнея Чуковского, который гулял по аллеям парка с сыновьями Тотошей и Кокошей, а злой и страшный крокодил с затежкой-молнией на животе. Дело происходило в заброшенном парке. Дул сильный ветер, желтые листья металась по воздуху, невиданные птицы о чем-то меня предупреждали, но я настойчиво шла по тропинке. Как потом поняла, мои стопы были направлены на берег озера. Несмотря на осеннюю пору, поверхность озера была подернута тонким слоем льда. На берегу стоял выше упомянутый крокодил и с недовольством взирал на странное явление природы. Видимо, в его план входил утренний заплыв, но лед был помехой. Меня не удивил крокодил, стоящий на берегу, будто в нашем городе прогуливающие по паркам крокодилы – обычное дело, я кивнула ему, он оценивающе на меня покосился и стал задумчиво подергивать бегунком на молнии, размышляя, явить миру свои внутренности или повременить? Или хотел сбросить перед заплывом свою гладкую дорожную шкурку. Мое приветствие он проигнорировал, только еще сильнее нахмурился. Вы видели нахмуренных крокодилов? Скажу вам честно, это еще то зрелище! Тем более, когда он нервно дергает бегунком. Мне пришел на ум эксбиционист, естественно пришел во сне. Я поспешила ретироваться, но далеко не ушла. Меня остановил резкий окрик представителя водных позвоночных.

- Погоди, не спеши!

Я не хотела выказывать свой страх, развернулась и надменным голосом произнесла:

- У меня совершенно нет свободного времени, я очень занята.

Как будто неспешная прогулка по заброшенному парку была важным делом.

Крокодил опешил от моей наглости и бесстрашия, что не сменило гнев на милость. Увы, на добродушного крокодила Гену он тоже не был похож.

- А хочешь, я покажу тебе... кое-что? – заискивающе спросил толстяк в легко снимаемой коже, чуть сдвинул молнию вниз, приковав мой взгляд к образовавшейся малюсенькой щели.

- Мне... мне это не интересно, - пробормотала я неуверенно.

- Ты ошибаешься, - плотоядно улыбаясь, заверил он меня и резко расстегнул застежку молнию.

И моментально из его внутренностей выпрыгнул мужчина с криком: «Алле оп!»

Я не перепугалась, словно именно, этого и ожидала.

Мужчина напомнил мне циркового артиста «времен Очакова и покоренья Крыма», то есть ни единожды виденного мною на черно-белых киноплёнках. У него были шикарные усы, строго параллельные ровным плечам, набриолиненные волосы, разделенные строгим линейным пробором, черные влажные глаза, стройная широкоплечая фигура, облаченная в полосатый комбинезон. Комбинезон его сильно обтягивал, выказывая достоинства. Я ступевалась и уперлась взглядом в его волосатую грудь, гордо выпяченную из трикотажа. Прямо приклеила свой взгляд, чтобы он не опустился ниже.

- Алле оп! – вновь повторил циркач еще громче, призывая меня отреагировать. Эхо покатилося по заледеневшему озеру.

Я вздрогнула и вяло зааплодировала, чтобы прекратить выкрики, изрядно действующие мне на нервы.

Овации были слабыми, но мужик остался доволен небурным проявлением чувств, наверное, и на это не рассчитывал. Он приложил левую ладонь к груди и склонился в благодарном поклоне.

Я быстро разработала в уме план развития событий. Как мне казалось, есть два варианта: первый – циркач снова залезет внутрь крокодила, тот застегнет молнию и будет ждать следующего зрителя; второй – циркач войдет в воду, как ледокол, и превратиться в моржа. Не в зверя, а закаленного человека. Будет демонстрировать свое мастерство в плавании и одновременно коситься в мою сторону, чтобы оценить мою реакцию на происходящее.

Для меня предпочтительным был второй вариант. Пока он будет рисоваться, я выберу момент и улизну.

Увы, я не угадала. У мужчины был третий вариант развития событий. Он пронзил меня томным взглядом, распахнул руки для объятий и пошел на меня со словами:

- Маша, я так тебя любил!

- Я не Маша, я Луша! - заверещала я так, что последняя листва покинула ветви деревьев. Мужик замер, но руки не опустил. Внимательно изучил мою шикарную внешность и спросил проникновенным голосом:

- Ты в этом уверена?

- Я... могу паспорт показать! - испуганно проблеяла я.

- Паспорт? - недоуменно повторил он, не понимая, о чем идет речь.

- Паспорт, - кивнула я, - это документ, удостоверяющий личность.

- Мне не нужно никаких документов! – излишне театрально воскликнул он и вновь двинулся в мою сторону. – Я знаю, что ты Маша! Иди ко мне, Маша! Я так тебя люблю, Маша!

Пришлось обратиться за помощью к крокодилу, который пока не принимал участия в нашей дискуссии, посчитав свою миссию выполненной.

- Ну, хоть, вы ему скажите, что я Луша! – взревела я, позабыв, что с крокодилом мы не знакомы.

Он старательно застегнул молнию, чем дал понять: обратного пути нет. Пока я думала, что предпринять (побег как-то сюда не вписывался), циркач подошел ко мне, пал к моим ногам и стал нести околесицу. Мне показалось, что это было заклинание. Он меня решил околдовать. Чтобы не слышать произносимых слов, я заткнула уши и стала орать, что есть мочи. И так орала, что проснулась.

- Лучше бы я не ложилась! – громко изрекла я в пустоту. Сама испугалась собственного звящего голоса и осмотрелась, словно боялась появления пузатого крокодила, который снова захочет продемонстрировать мне своего сотоварища.

Прокрутив в голове странный сон, я пришла к одному выводу: крокодил проглотил циркача, но не смог его переварить. Однако жилистый попался мужик! И выпустить жаль, и в животе некомфортно. Крокодил подумал-подумал и решил: пусть работает на меня! Развлекусь, а заодно другим нервы подпорчу - не каждый человек, тем более с расшатанной нервной системой, спокойно вынесет появление усатого красавца из крокодильего нутра.

Да, на свете немало индивидов, которым всегда хорошо, когда другим плохо.

Я не зря принимала сон за реальность: если мне явился крокодил с необычным внутренним содержанием, значит, так было нужно. Это подсказка, это объяснение причины появления в моем доме человека по фамилии Родионов. Он принес мне печальную весть. Но кому она предназначена на самом деле?

Во сне циркач тоже принял меня за неизвестную Машу. Обознался? Или ошибся? Возможно, мы с ней очень похожи. Он ее знал в прошлой жизни, был рад и удивлен неожиданной встрече, которая предоставила ему возможность объясниться с ней.

Прекрасный вывод! И что он мне дает?

Лично мне, ничего. Надо искать несчастную Машу, оплакивающую внезапно исчезнувшего горе-рыбака.

С чего начать?..

Будем исходить из того, что Родионов все перепутал, так считает и Жаворонков. А он парень здравомыслящий, не то, что я. Это еще раз подтверждает, что любовь предназначена не мне, а Маше... Всё, проехали! Я уже решила, что в этой драме я не участвую. Или участвую как человек, желающий установить справедливость.

Легко сказать, но трудно себя убедить до конца. Так романтично: тайный воздыхатель решился признаться в любви в самую последнюю минуту жизни. Он смирился с трагической неизбежностью, но не смирился с тем, что его возлюбленная никогда не узнает о его сильном чувстве. Горечь утраты подслащает пилюлю запоздалого признания.

Эх, еще бы знать, от кого оно исходит?

И кому предназначено? Последний вопрос перетягивает меня на позиции Жаворонкова.

Ясно одно – надо установить личность погибшего рыбака. Когда станет известно его имя, я пойму были ли мы с ним знакомы, если да, то приму признания на свой счет, поплачу о нем и мысленно отругаю за нерешительность; если нет, то буду искать Машу. Найти девушку по имени Маша с огромном городе - это похлеще поисков иголки в стоге сена.

От этой зряшной идеи я уйти не смогу, знаю свою несговорчивость. Иду на компромисс только с виду. Как в случае с Митькой.

И сон мне не зря привиделся.

Если внутри крокодила прижился циркач, то внутри меня поселилась неуверенность. Как ни пыталась я себя убедить, что визит Родионова был ошибочным, мне это не удавалось. Так залечивает глубокую рану несведущий хирург, сверху она затягивается хлипкой пленкой, а внутри зреет нарыв. Медленно-медленно зреет, беспокоит всё сильнее и сильнее, а потом начинается дикая боль. Если нарыв не вскрыть, то можно... сыграть кое-куда.

Я знала, что с каждым днем Родионов со своим известием о любви некоего рыбака к некоей Маше (или речь все же идет обо мне, я от этой идеи пока не отказалась) не будет выходить из моей головы. Я буду постоянно думать об этом, разрабатывать разные варианты, не находящие подтверждения на практике, пока не двинусь умом на этой почве. И что из этого следует? А то и следует, что я должна временно стать сыщиком! Взять отпуск, не прислушиваясь ни к каким уговорам директора музыкального училища, и вплотную заняться расследованием этого запутанного дела. Если жизнь подкинула мне

загадку, я должна ее разгадать, чтобы спокойно жить дальше. Я не исключаю, что кто-то сверху раньше меня догадался, что моя жизнь стала серой и будничной, как я не пытаюсь ее раскрасить цветными красками. Только краски быстро выцветают, становятся тусклыми и скучными. Я хочу смены деятельности, чтобы не закиснуть. Я только сейчас поняла, что мое веселье, похожее на взрыв в ненужное время и в ненужном месте, со стороны смотрится, как странное поведение особы с неустойчивой психикой. И никому не приходит в голову, что я вполне нормальный человек. Просто этот человек страдает, но высказывать свои страдания не желает. Отсюда неадекватность моего поведения.

Дурочка, - скажет кто-то из моего окружения. И пусть он так считает. Вслух не высказывается, и на том спасибо. Скандальить и доказывать, что я не верблюд, не люблю...

Неожиданное решение заняться собственным расследованием меня успокоило. Я сварила крепкий кофе, пристроилась с чашкой у окна и стала размышлять, с чего начать?

А начать надо с поиска... Нет, не Родионова, а помощника. Сегодняшние планы я не меняю, мы пойдем с Митькой по адресу, где проживает «переворотный» Родионов: не Арсений Иванович, а Иван Арсеньевич. А далее буду действовать без помощи Жаворонкова. Потому что он никогда не расстанется со своей работой, заменив ее безуспешным частным сыском – пойдешь туда, не знаю, куда, найди то, не знаю, что. И честно говоря, мы с ним одного поля ягоды - так же смыслим в сыске, как оперная дива смыслит в высшей математике. Ей это ни к чему, она на другом поприще преуспела. В отличие от меня, которая начала свою трудовую деятельность на должности преподавателя пения, на этой же должности свою деятельность и закончит.

Я представила себя дряхлой старушкой, которая ковыляет с палочкой по коридорам музыкального училища и слышит за спиной ехидные смешки. Как коллег, так и даровитых чад. А что делать одинокой старушке?! Какие у нее есть развлечения, кроме работы?! За плечами ни детей, ни семьи... Одни скучные воспоминания об однообразно прожитой жизни.

Я счастлива, что жизнь дала мне шанс что-то изменить. Да, счастлива, я не лгу. Я рискую? Возможно, рискую. Важно понять, чем рискую? Собственной жизнью? Сомневаюсь. Здоровьем своих близких? Нет, и в этом не сомневаюсь. Если кто-то решил меня разыграть, тем самым отыграться за обиды, которые я обидами не считаю, потому как не помню, чтобы кому-то нанесла принародную обиду, то я принимаю вызов. А если послание адресовано мне, то тем более я должна выяснить, кто меня так любил, что не забыл в последнюю минуту жизни.

Я не могу скрывать свое решение от Жаворонкова. И не могу ждать встречи, чтобы ему обо всем рассказать. Не взглянув на часы, я позвонила Митьке. Трубку долго не брали, потом раздался заспанный голос. Не обратив внимания на проглатываемый зевок, я бодрым голосом запричитала.

- Как можно спать, когда на улице такая великолепная погода! Мороз и солнце...

- День прескверный, - грубо перебил меня друг.

- Что-то случилось? - спросила я, умерив бурное веселье.

- Я заснул два часа назад.

- А что ты делал ночью, извини за нескромный вопрос?

- Был на работе... Павиан Гнат умер.

- Да, ты что?! – задыхнулась я от сожаления, но при упоминании имени животного заскребло где-то под мышками, чем едва не вызвало идиотский смешок. Мне было искреннее жаль Гната, но я ничего не могла с собой поделать: живо представляла себе второго мужа в одной из просторных клеток зоопарка. Он раскачивался на перекладине, уцепившись за нее одной рукой, и нахмуренно взирал на посетителей, изредка издавая режущие слух звуки. – И в чем причина? – справившись с чувствами, поинтересовалась я трагическим голосом.

- У него было больное сердце. Я сделал всё, что было в моих силах.

- Не сомневаюсь... Я сожалею. Надеюсь, моей вины в этом нет? Я вчера насильно увела тебя из зоопарка.
- Рано или поздно это должно было случиться, он был тяжело и неизлечимо болен. И давай больше не будем об этом.
- Наш договор остается в силе?
- Естественно. Но давай отложим визит к Родионову на более приемлемое время. Сейчас только начало восьмого...
- Как начало восьмого! – задыхнулась я.
- Так, - коротко подтвердил Митя. – А почему тебе не спится в воскресный день? На тебя это не похоже.
- Сон странный приснился.
- Рассказывай!..
- ... Действительно, странный, - задумчиво протянул он, выслушав пересказ.
- Я не угомонила, поделилась своей гениальной мыслью, родившейся в гениальной голове.
- У тебя есть нитка и иголка? – неожиданно спросил он.
- Есть, а тебе зачем?
- Иногда очень хочется зашить тебе рот, чтобы не слушать бредовых идей! Так что лучше тебе сделать это самой, пока я не приехал.
- Никакая это не бредовая идея! – обиделась я. - Самая что ни на есть здравая мысль! А ты предлагаешь сидеть и ждать, пока снова не появится очередной Родионов, теперь он будет Запрягаловым или Гусликовым, и передаст очередное послание от очередного воздыхателя, отправившегося в мир иной?!
- С чего бы ему являться?! Снаряд в одну воронку не попадает. Сама согласилась, что Родионов перепутал адрес. Сегодня мы попытаемся всё выяснить.
- У кого выяснить? У Ивана Арсеньевича Родионова? Если ты не забыл, нам нужен Арсений Иванович Родионов. Ты купился на совпадение номера дома и номера квартиры. И улица у него ПИОНерская, а у меня – ПИОНовая, - занудным голосом проговорила я, выделяя четыре первых буквы в названии улиц.
- Если ты, Лучок, считаешь, что нам не стоит идти к этому Родионову, то мы не пойдем.
- Пойдем-пойдем! – с угрозой произнесла я, отменяя его уговоры, которые должны последовать после пересказа сна. Но угроза была хлипенькой.
- Пойми, твой сон – это своеобразное предупреждение: не надо никуда идти, иначе тебя будет поджидать неприятный сюрприз!
- Митька, ты так, действительно, считаешь? Или пытаешься меня напугать, чтобы я отказалась от затей?
- Пытаюсь, потому что затея глупая... А сны я толковать не умею, всё это ерунда. Можно трактовать сон так, как тебе или кому-то выгодно.
- Ладно, я сама пойду к Родионову, - окончательно расстроившись, заявила я.
- Я пойду с тобой! – разозлился Жаворонков. – Надеюсь, твоё рвение к сыщицкой деятельности на этом угаснет. Завтра ты проснешься, пойдешь на работу и займешься привычным делом.
- Обещать не могу! – честно призналась я...

На улицу Пионерскую мы добирались на такси. Митя давно отказался от комфортного передвижения на своем автомобиле. Это случилось после того, как он чудом избежал наезда на шустрого мальчишку, неожиданно выскочившего на проезжую часть. Сначала он запер машину в гараже, а ключ запрятал подальше, чтобы соблазна не было, нашел преимущества в передвижении на общественном транспорте, часто заменяя его пешими прогулками, а потом и вовсе продал машину вместе с гаражом.

- Жить стало лучше, жить стало веселее, - каждый раз отмечал он, с боями покидая маршрутное такси или внедряясь в него в часы пик.

Жаворонков не разделял мнение автолюбителей, которые считали свое положение более значимым, чем у пешеходов.

- Отсутствие машины не заставляет меня биться в истерике, - заявлял он искренне. – И зависти не вызывает.

Митька был отличным парнем. Добрым, терпеливым, покладистым, заботливым. Вот зачем ему убивать свой законный выходной на такую упертую особу, как я? Тем более после тяжелой бессонной ночи. А Митька не оставил меня один на один с моей проблемой. А пытался отговорить не потому что лень идти, он хотел вживить в меня здравомыслие. Раз новость предназначалась не мне, то незачем копать в этом деле?! Но попробуй с такой совладать! Как упрется, с места не сдвинешь, будто в ней не пятьдесят пять килограммов при росте шестьдесят, а полтора центнера.

Я оправдывала свой неумеренный поисковый порыв сердобольностью: а как же неизвестная Маша, которую любил мужчина, чье тело покоится на дне замершего озера? Она должна знать о его любви. Кем же он ей приходился? Может быть, мужем? А что: все возможно. Женился просто так, без интереса, и постоянно думал: развестись или не развестись? Пока «гадал на ромашке» пробежало несколько лет. Могу предположить, что Маша любила мужа. Любила и чувствовала безразличие. Но надеялась, что ее любовь, ее преданность, разбудит в сердце супруга ответное чувство. И чудо случилось. Муж полюбил ее, но понял это уже поздно. Понял и пожалел, что не успел признаться.

- Можно подумать, это смягчит утрату, - вслух произнесла я, оставив начало догадки при себе.

- Ты о чем? - вздрогнул Жаворонков, печалась о Гнате. Его думы совпали с моей случайно оброненной фразой.

До этого мы всю дорогу молчали, как два преступника, идущих на «дело», которые бояться проронить слово, чтобы не выдать себя. Объясняться я посчитала лишним и вновь отвернулась к окну.

Оказавшись на воле, я выдала.

- Я думала-думала и только сейчас поняла, что всегда находилась в постоянном неудовлетворении собой. Как следствие - разлад с бывшими мужьями. Ты догадываешься, что на очередном перепутье выбрал неправильную дорогу, свернул не в ту сторону, в какую надо было свернуть. И что нужно сделать? Нужно остановиться, всё хорошенько осмыслить, докопаться до причины своего недовольства, повернуть назад, дойти до перекрестка и выбрать правильный путь, чтобы почувствовать себя настоящим счастливым человеком. И если этого не сделать, то доковыляешь... до пенсии по пути, тебе не предназначенному, состаришься и поймешь, что прожил зря, потому что выбрал не ту дорогу.

- Почему ты завела разговор на эту тему только сейчас? Я никогда не сомневался, что тебя в жизни всё устраивает. О личной жизни я умолчу, каждый в праве ошибся, не всем везет с первого раза. Но ты не озлобилась, не оставила надежды создать семью, не разочаровалась во всех мужчинах, и это меня радует.

- Меня мало что устраивает в моей жизни, если быть точной, то почти ничего не устраивает, - недовольно поморщилась я, надеясь, что Митька догадался, куда я клоню, но нет. Он молчал и не смотрел в мою сторону. Я изучила его профиль: недовольно поджатые губы, дерзкий подбородок, он явно не горит желанием выслушивать мои бредовые рассуждения в то время, когда умер его подопечный. Вот это трагедия, а у меня беспочвенные переживания. Но я не я буду, если расстанусь с идеей, ракетой ворвавшейся в мою голову. Пришлось страдальческим голосом пояснить, искусно пряча недовольство от его нежелания погрузиться в мои проблемы, не лежащие на поверхности. - Пойми, внутри меня бушуют постоянные противоречия. Раз есть противоречие, значит, я недовольна тем, как я живу, чем я занимаюсь. Неудовлетворение рождает внутреннюю злость, внутренняя злость, как ты ее не прячь, лезет наружу. Человек, который находится

рядом, думает, что я злюсь на него, а я злюсь на себя. Начинает раздражаться, я терплю до поры до времени, а потом... развожусь.

- Я всегда считал, что тебе нравится твоя работа.

- Видишь, даже ты, такой догадливый, такой наблюдательный, ничего не заметил, - проникновенно поведала я, тщательно подбирая льстивые слова. Недовольство окончательно улетучилось: и правда, чего я раздражаюсь на него, если сама не найду объяснений. Тяжело вздохнула и пролепетала, - а как заметишь, если я сама не понимаю, что меня тревожит. Что-то гнетет, гнетет, а что, неведомо.

- Ты не ответила на мой вопрос, почему ты затеяла эту философскую беседу сейчас?.. Но мне твой ответ не нужен, кажется, я понял: тебя сподвиг на самобичевание визит Родионова.

- Так совпало. Я рада, что он пришел, именно, ко мне.

- Честно говоря, лично я не вижу связи между Родионовым и твоей жизнью, которая тебя не устраивает. На тебя нахлынула меланхолия: погода дрянная, дни короткие, ночи длинные, они располагают к размышлениям. А размышления не всегда радужные. Конец года заставляет подводить итоги. Не было всплесков, ну и черт с ними. Хорошо, что беды обошли стороной.

- Да, ты прав. У меня нет больших проблем, на маленькие можно не обращать внимания... Не думай, это разговор я завела от скуки или от надоевшего однообразия. Многие так живут и очень этому рады. Лучше не копать в себе, чтобы не погрузиться в депрессию. Но раз так случилось, я благодарна случаю, который свел меня с Родионовым. Наконец, до меня дошло, что я занимаю чужое место! И точка отсчета неправильного пути совпадает с тем днем, когда я выбрала творческо-педагогическую профессию.

- А надо было?

- Пока не знаю точного ответа. Но могу сказать одно - это ужасно, когда ты не можешь реализовать себя в полной мере!

- У нас так живет половина населения. Каждый день идут на нелюбимую работу, и представь себе, не сачкуют, отдают себя, и не всегда получают за это достойную зарплату.

- Их это устраивает. Или они боятся перемен. Лучше довольствоваться малым, чем замахнуться на большее и всё потерять.

- Лучок, ты решила рискнуть и поставить все с ног на голову?

- А может быть с головы на ноги? Хочу найти себя, разве это плохо?

- Ищи, кто тебе мешает, - передернул плечами Жаворонков, - но я тебе не верю. Твоя мечта стать оперной звездой с мировой славой не сбылась, а на меньшее ты не согласна. Сообразила, что твои амбиции на этом поприще не будут реализованы, и решила найти себе другое занятие. А какое это занятие, тебе подсказал товарищ Родионов, зашедший к тебе по ошибке.

- Мои амбиции не летали в заоблачных далях! – буркнула я, - я отлично знаю свои возможности. Я не гений, как некоторые, но не без таланта. Но таких пруд пруди! Я уперлась головой в свой потолок, выше уже не поднимусь. Можно вскарабкаться на крышу, но зачем?

- У тебя есть педагогический талант. Не каждому гению это дано. Скажешь, не так? Твои ученики много раз побеждали на различных конкурсах. Не ты ли приложила к этому руку?

- Приложила, - промямлила я, испугавшись, что поддамся на уговоры. – Митя, ответь: ты с радостью идешь на работу?

- С радостью. Я люблю свою работу.

- Ты счастливый человек! Я тоже хочу быть счастливой! Разве это плохо?

- Все хотят. Но счастье у каждого свое. И часто не связано с работой...

- Лучше не продолжай, а то я расплачусь. Дожить до тридцати пяти лет и понять, что у тебя все наперекосяк, это ужасно!

- Можно подумать, тебе девяносто вчера стукнуло. Оглянулась и ничего хорошего не увидела. Как одинокий миллиардер. Да, пахал всю жизнь, да, жил безбедно, копейки до зарплаты не пересчитывал, да, ездил на дорогом автомобиле, много путешествовал, жил в роскошном особняке. Но никто тебя по-настоящему не любил. И оставить нажитое добро некому. Пожертвует на благие цели, в его честь попоют оды годик-другой и благополучно забудут.

- Он может создать что-то фундаментальное, его имя запомнят на века.

- Не спорю. Но где продолжение рода? Кто из его потомков скажет: «Ох, как наш Вольдемар похож на прадеда! Ну, просто вылитый Апполон Венедиктович!» И станут копаться в ворохе старых фотографий, выискивая подтверждение слов тетушки Лидии.

- Семья первична, работа вторична, - без особой веры в сказанное произнесла я. Критически покосилась на друга, будто он был причиной моих неудачных браков, и с ехидцей заметила, - можно подумать, у нас с тобой семеро по лавкам скачут.

- Всему свое время, - многозначительно произнес бравый мужчина Жаворонков, не поглядывая многозначительно в мою сторону.

Я так погрузилась в дискуссию о своем месте в этом мире, что запоздало заметила, как мы бойко трусим по тротуару в неизвестном направлении. Я держу Жаворонкова под руку и внимательно смотрю себе под ноги, будто иду по минному полю, изредка оценивая реакцию своего приятеля на очередное изречение.

- Куда мы идем? – очнулась я, с интересом рассматривая дома, стоящие вдоль дороги.

- Здравствуйте, приехали! – усмехнулся мой приятель. – Мы ищем дом номер десять.

- Это улица Пионерская?

- Вы чрезвычайно сообразительны... А вот и нужный нам дом.

Я внимательно изучила табличку, исключая сомнения. Приближение к цели подействовало на меня отрезвляюще: расхотелось идти к Родионову! Я не знала, о чем буду его спрашивать, что плести в ответ, если его заинтересует причина нашего появления в его доме. Говорить правду я не собиралась, кто поверит в эти небылицы?! Еще примут нас за наводчиков, как я приняла Арсения Родионова за домушника.

Пока я колебалась – идти или не идти, Митька успел прикинуть, в каком подъезде находится восемьдесят первая квартира, и потянул меня в нужном направлении. Мы поднялись на лифте на третий этаж, хотя могли спокойно двинуться по лестнице, осмотрелись и позвонили в дверь.

Нам долго не открывали, я протянула руку к звонку, чтобы попытаться еще раз, но в этот момент дверь открылась, и на пороге появился всклокоченный парень лет двадцати пяти. У него было красноречивое выражение лица, охарактеризовать которое можно одной фразой - как вы меня все достали! Нерадушный прием еще сильнее охладил мой недавний пыл, я хотела задать банальный вопрос: Не здесь ли живет гражданин Громобойников? Получить отрицательный ответ и удалиться. Но нахмуренно-презрительное лицо парня разгладилось, будто по нему прошли утюжком, и он даже выказал еле заметную улыбку. По крайней мере, его рот растянулся. И эта полуулыбка привела меня в восторг: нижняя часть была один в один, как у моего визитера. Глаза не были близко посажены, и нос был симпатичный, не картофелина, чуть вздернутый. У парня были волосы цвета спелой пшеницы, но сравнить их с волосами моего гостя не представлялось возможным, потому что он не удосужился снять головной убор, когда проник в мою квартиру.

Мы не успели ничего сказать, как по квартире разнесся призывный детский плач. За ним последовал недовольный женский крик:

- Иван, подойди к ребенку!

- Сама подойди! – окрысился хозяин, повернув голову в сторону комнаты, где разрывался малыш.

- Ах, так! – взвыла женщина и стала что-то бросать на пол.

Грохот был ужасающим, мне показалось, что она решила перебить всю посуду, чтобы не жаль было с ней расставаться, и разломать всю имеющуюся мебель, чтобы от нее легче было избавляться перед Новым годом. Прямо страсти по-итальянски.

- Кто вам нужен? – сквозь младенческий рев и грохот к нам с трудом пробился голос парня.

- Мы ищем Арсения Ивановича Родионова, - прокричал в ответ Жаворонков.

Хозяин выскочил на лестничную площадку в одних носках, прикрыл за собой дверь, приглушив сочетание громких звуков, и просительным голосом произнес:

- Зайдите минут через пятнадцать. Моя жена сейчас уйдет, и мы сможем спокойно поговорить.

- Ладно, - согласились мы и гуськом двинулись к лифту. Можно подумать, у нас был выбор.

Выгрузившись из подъезда, мы с Митькой стали степенно прогуливаться вдоль дома, как два пенсионера. При этом старались не выпускать из вида нужный подъезд, чтобы не прозевать, когда из него выйдет молодая мамочка с коляской.

Пятнадцать минут давно прошло, но кроме пигалицы в «боевой раскраске» никто не выходил. Когда мы в тридцать третий раз подошли к подъезду, то услышали осторожный свист, словно нас предупреждали об опасности, и непроизвольно подняли головы, стараясь найти источник. Из раскрытого окна выглядывал уже знакомый нам всклокоченный парень и махал нам рукой.

Нас пригласили в квартиру, где стояла благоговейная тишина.

- Ваша супруга ушла, а мы не заметили, - не удержалась я от комментария.

- Ушла, - облегченно вздохнул хозяин, - а сын заснул.

Мы поняли, что пигалица в «боевой раскраске» это и есть супруга парня и мать крикливого младенца.

- Иван, - запоздало назвал его он.

- Меня зовут Лукерья, а это Дмитрий, мы ищем Арсения Ивановича Родионова, - окончательно осмелела я, забыв о том, что не собралась открывать истинную причину своего визита.

- Вы были знакомы с моим отцом? Но я вас что-то не припомню, - пробормотал он, пристально всматриваясь в наши лица.

- Почему вы говорите «были»? С ним что-то случилось? – соизволил вступить в разговор помалкивающий до сей поры Жаворонков, чем выводил меня из себя.

- Отец умер два года назад. Инфаркт. Представляете, молодой здоровый пятидесятилетний мужчина раз и умер. Он никогда не жаловался на здоровье.

- Тяжелая потеря для вас, - посочувствовала я одеревеневшими губами, судорожно прикидывая, кем был на самом деле тот, другой, Родионов, полный тезка отца парня? А вдруг я что-то напутала по причине неожиданного известия с того света?

- Да, это огромная утрата и для меня, и для мамы, - опередил мой следующий вопрос Ваня, отводя свой затуманившийся взгляд.

- Мать с вами живет? – поинтересовалась я, нагло ощупывая глазами запущенную прихожую, подолгу останавливаясь на каждом предмете интерьера, словно не могла понять, что делаю в этом жилище, которого давно не касалась хозяйственная женская рука.

- Нет, мама переехала к бабушке, к своей матери, чтобы нам не мешать.

Понятно, свекровь с невесткой не сошлись характерами! – догадалась я. – Не мудрено...

Хозяин пытливо посмотрел на нас, ожидая пояснений. Я отдала инициативу приятелю, схватив его за руку и призывно вдавив свои ногти в жесткую ладонь.

- Мы... мы проездом в вашем городе, - сбивчиво пояснил Митя, с осуждением поглядывая на меня. - Иван, наши отцы... были знакомы в далеком прошлом. Мой отец узнал, куда мы едем, и попросил навестить своего старинного друга.

- А фамилия вашего отца?

- Жаворонков, - не стал выдумывать друг.

- Я не слышал, чтобы у отца был друг по фамилии Жаворонков... Наверное, они в Армии вместе служили? О том периоде жизни отца я мало что знаю, только счастливые моменты. Но судя по тому, что он много раз в моем присутствии поминал матери какого-то Сергея, то могу догадаться, что у него был соперник. Вашего отца, случайно, не Сергеем звали?

- Да, Сергеем, - совершенно опешил от совпадения Дмитрий Сергеевич Жаворонков и неожиданно попросил, - Иван, у вас есть фотография вашего отца?

- Конечно, сейчас покажу, - парень скрылся в одной из двух комнат, тщательно прикрыв за собой дверь, но тут же его голова появилась в щели, - извините, что держу вас на пороге... У нас не прибрано.

- Кто бы сомневался, имея такую хозяйку в доме! - прошипела я, когда голова исчезла. Осуждающе покачала головой и заметила, - бедный малыш, не повезло ему с матерью.

- Зато повезло с отцом, - сказал мой приятель, оставляя в покое мою пылающую руку, чем меня очень огорчил.

Мы успели изучить потертые обои, разбросанную обувь, требующую ухода, люстру, источающую тусклый испуганный свет, поношенную мужскую куртку, висевшую на вешалке, а рядом миленький голубенький комбинезончик. Я оценила детскую одежду придирчивым взглядом свекрови, которой угодить нереально. На этот раз «свекровь» осталась довольна. То ли уход за сыном был единственной прерогативой плохой хозяйки, то ли полная забота о сыне возлагалась на молодого отца, у которого не доходили руки до других занятий по дому.

Иван вернулся и протянул нам фотографию мужчины.

- Вот мой отец – Арсений Иванович Родионов.

Я вздрогнула, но не издала ни звука. Митя покосился на меня, но тоже промолчал, оставив вопросы до лучших времен, когда мы останемся одни.

- Ясно, - заявил он.

Что ему было ясно, осталось для меня загадкой.

Сразу развернуться и уйти мы посчитали подозрительным. Жаворонков продолжал изучать фотку с превеликим интересом, будто собирался написать по ней портрет. Я азартно закусывала губу, чтобы не сболтнуть лишнего.

- Он изменился, - брякнул мой приятель, возвращая фотографию отца сыну. Мое удивленное лицо со сложенными домиком бровями заставило его дать пояснение. - В дембельском альбоме моего отца есть несколько их совместных снимков.

- Наверное, именно к вашему отцу всю жизнь ревновал мою мать мой отец, - неожиданно произнес Иван, с печалью взирающий на фотку. - Мои родители поженились во время отцовской службы, скорее всего он «увел» ее у сослуживца. И кажется мне, что это был ваш отец, Дмитрий. И когда он просил вас навестить Арсения Родионова, он умел в виду его жену, мою мать – Инну Александровну.

- Вот чего не знаю, того не знаю, это у него надо спросить, - развел руками Жаворонков, поглядывая на меня. Я молчала, как двоечник, презирающий нелюбимый урок литературы.

- А ведь мама рассказывала мне когда-то о парне, с которым познакомилась в девичестве. Он пригласил ее на свидание и попросил взять подругу для своего сослуживца. Сослуживцем был мой отец. Они сразу полюбили друг друга, а его приятель потом очень жалел, что сам их познакомил. Уговаривал выйти за него замуж, но мама ему отказала. Мне показалось, что она сожалела об этом – отец был жутким ревнивцем, причем его ревность была беспочвенной. А ваш отец ничего не рассказывал?

- Мой отец... неразговорчивый человек.

- Ну, и ладно, к чему прошлое ворошить. Тем более отца уже нет. А ваш отец как поживает? – светским голосом поинтересовался он.

- Спасибо, хорошо, - учтиво поблагодарил его мой приятель, который в последний раз видел своего безответственного родителя в далеком детстве и не горел желанием навести о нем справки.

- А вы кем работаете? – спросила я. Не знаю, что меня толкнуло задать этот вопрос. Давно надо было откланяться и уйти, пока не сболтнули что-то лишнее, и Иван не заподозрил нас во лжи.

- У меня высшее юридическое образование, - пространно ответил хозяин и потупился, будто признавался в некоем проступке, случившемся в юношеские годы.

- Юрист, значит, - помедлив, брякнула я с осуждением и злорадством. – Штаны просиживаете в конторе, а мечтали стать знаменитым сыщиком.

Оказывается, не я одна страдаю от нереализованности.

- С чего вы взяли? Я хотел ловить преступников, что и делал после окончания университета. Правда, не долго... Не прошел аттестацию. Потом устроился в службу безопасности одного банка. Семью надо кормить, - вздохнул он, а я догадалась, что проблема материального достатка часто обсуждается в этом доме и давно стала притчей во языцех. И еще: его не устраивает его работа. Ох, как мне это знакомо!

- Такой молодой, а уже большой послужной список, - пробормотала я с явно читаемым недовольством. Мое брюзжание напоминало дворовые пенсионерские «перемывки костей» всем соседям без разбора.

- Мне в этом году тридцать лет исполнилось, - доложил он с сожалением, будто ему было в три раза больше. И снова он напомнил меня.

- Надо же, - с восхищением протянула я, как это делают дамы преклонных лет, желая польстить приятельнице, но вкладывают в короткую фразу букет неразгаданных чувств: пусть догадается, какие мысли витают в моей голове на самом деле?

Потопталась на месте, изображая нетерпение, но с места не сдвинулась: спросить или не спросить? Спрошу...

- Иван, а у вашего отца были братья или сестры?

- Была сестра, но она была гораздо старше него, и давно умерла.

- У нее были дети?

- Нет, она никогда не была замужем.

Я не стала говорить, что дети не всегда появляются в браке.

Задумалась, что бы еще выпытать у младшего Родионова, но мой товарищ обнял меня за плечи и стал прощаться с хозяином. Мне ничего не оставалось, как последовать за ним...

- У тебя было тако-о-е лицо, когда ты увидела фотографию, что я решил, будто ты причастна к его смерти. Довела немолодого мужика до инсульта? – хитро прищурившись, высказался Жаворонков.

Я проигнорировала его укол, нервно покручивая в пальцах пуговицу на пальто. В итоге она осталась у меня в руках. Не задумываясь, я сунула ее в карман.

- Митя! Кажется, я сошла с ума! – монотонным голосом доложила я, придерживая главную новость дня.

- Странно, что ты пришла к этому выводу только сейчас, лично я давно догадался, - расцвел в улыбке приятель, словно я была его любимой женой, которая сообщала о своей долгожданной беременности.

Я стукнула его по плечу, чтобы держал при себе свои глупые умозаключения.

- А знаешь, кто был изображен на фотографии, которую предъявил нам Ваня? – с важным видом спросила я, кайфуя от своего умения сдерживать эмоции.

- Арсений Иванович Родионов, - занудным голосом произнес Митька так же, как это сделала вчера я, когда речь шла о его сыне, живущем на улице Пионерской, дом десять, квартира восемьдесят один.

- Зараза, - любовно обозвал я друга, щелкнув его по лбу. – Но ты не знаешь, что Арсений Иванович Родионов, отец Иван Родионова, один в один похож на того мужика, который... приходил ко мне.

Недоверчивое лицо Жаворонкова заставило меня несколько раз повторить предыдущую фразу более внушительным голосом.

- Что, очень похож? – насупившись, осведомился Митя, внимательно прослушав «заезженную пластинку».

- Я тебе говорю - одно лицо! Если бы я не знала, что Арсений Иванович уже два года, как скончался, я бы решила, что ко мне пришел, именно, он.

- Такого не может быть! – уверенно заявил мой приятель. - Ты была ошарашена новостью и плохо его рассмотрела... Вспомни, ты говорила, что он шапку не снимал... Тем более я хорошо тебя знаю. У тебя отвратительная память на лица, и ты склонна к преувеличениям.

Я «проглотила» обидный диагноз, мысленно отложив его в памяти, чтобы при любом удобном случае нанести ответный удар.

- Причем здесь шапка?! У него рот большой, нос... вот такой вот нос! – я сложила венчиком пальцы и приложила к своему миниатюрному носику. Венчик перекрыл мне всю видимость. – И глаза толпятся у самой переносицы. – И изобразила «толпящиеся» у самой переносицы глаза с помощью двух кистей рук, превратившихся в глазницы бинокля.

- Таких людей пруд пруди! - отмахнулся он.

Мне его «пруд пруди» порядком надоели! Людей – роботов, исполняющих без энтузиазма свою рутинную работу, пруд пруди, двойников тоже пруд пруди. Еще пусть скажет, что рыбаки тонут по двадцать штук ежедневно, и все, как один, при последнем вздохе передают слова любви девушкам Машам.

Жаворонков догадался, что перегнул палку, стал тискать меня и приговаривать:

- Лучок, забудь ты обо всех Родионовых! Пошли куда-нибудь посидим, винца выпьем...

- За упокой души павиана Гната, - перебила я его. Должна была его наказать, и наказала. Пока не забылась обида.

Теперь палку перегнула я. Митька скис, и стал с преувеличенным интересом смотреть поверх моей головы куда-то вдаль.

Может быть, мой язык мне не враг, но в друзьях точно не ходит. Сколько раз убеждала себя думать, прежде чем говорить, но нет! Язык вновь опередил мыслительный процесс. Надо было ответить на укол уколом, но не таким болезненным. Ссориться с приятелем я не хотела. Ближе него у меня никого не было, не считая родителей. Друзей много, но таких, как Митюшка не было и, вероятно, никогда не будет. Эх, жизнь моя жестянка...

- Прости меня, а? – скулящим голосом попросила я, укладывая дурную голову ему на грудь. Под теплой курткой громко билось рассерженное сердце.

Жаворонков слов прощения не произносил, к себе теснее не прижимал, глаз на меня не опускал. Продолжал пялиться в заоблачные дали, руки, как плети, висели вдоль туловища.

- Мить, прости дуру старую, - снова запричитала я и громко шмыгнула носом, намекая на подступающие слезы. Надо было найти причину своей несдержанности, и я ее нашла. - Меня эти Родионовы из колеи выбили.

- Ты сама себя выбила! Скажи, на черта они тебе сдались? Ты не Маша, тайных воздыхателей у тебя нет... Извини, если обидел.

- На то они и тайные, чтобы о них не знать! – сдержанно доложила я, отрываясь от его курточной груди и накидывая на голову капюшон. Как бы отделяя себя от внешнего мира, представителем которого был данный субъект, стоящий на расстоянии длиной в локоть. Это мера длины такая.

Желая увеличить расстояние, я сделала оборот вокруг своей оси и посеменила по тротуару, вытянутому вдоль дома, где обитала молодая семья Родионовых. Я снова услышал призывный свист. Повернулась и посмотрела на знакомое окно.

В окне опять маячил Иван и размахивал листом бумаги, свернутым в несколько раз. Я подошла ближе. Он склонился на подоконник, и внятно произнес.

- Здесь я написал адрес моей матери. Вдруг вы захотите ее повидать.

С этими слова он бросил записку, как будто это был бумажный самолетик. Самолетик закружился по спирали, и упал к моим ногам. Я не успела поднять записку, за меня это проделал Жаворонков, оказавшийся рядом.

На бумаге было написано: улица Зоологическая, дом двадцать восемь. Родионова Инна Александровна.

Я подняла глаза, желая кое-что уточнить, но Иван сам сказал.

- Это частный дом, вы его легко найдете.

- Я знаю, где это, - ответил Дмитрий и махнул рукой Родионову. Тот махнул в ответ и скрылся в квартире. Приятель обратился ко мне, - улица Зоологическая неподалеку от зоопарка.

Пришла моя очередь играть в молчанку. Я обошла Митьку, как недвижимую преграду, и продолжила свой прерванный путь. Бумажка с адресом мне была без надобности, я успела запомнить местожительство Инны Родионовой без труда. Спиной чувствовала, что Жаворонков идет сзади. Я немного успокоилась, хотя, мерзопакостная обида гремучей змеей влезла мне в душу, и теперь будет постоянно напоминать о себе неприятными гремящими звуками, как трещотка на конце хвоста вышеупомянутой змеи. Митька хотел меня облагоразумить, встряхнуть, и ему это удалось, только эффект получился обратным. У меня не может быть тайных воздыхателей, меня нельзя полюбить, потому что я сама себя не люблю, раз позволяю говорить такие вещи, раз иду... не своей дорогой, раз я совершенно несчастлива. Бедная я, бедная.

Слезы уже готовы были вылиться из глаз, когда рядом зашагал мой приятель, обняв меня за плечи. Его молчаливое извинение не сподвигло меня на рев, напротив, я раздумала размазывать тушь под глазами, даже улыбнулась украдкой, чтобы он не заметил моего быстрого дружелюбия.

Для порядка набросилась на него.

- Ну, почему я не могу заняться поисками? Почему ты меня постоянно осаживаешь?!

- Поисками кого? - расслабленным голосом поинтересовался мужчина, идущий со мной в обнимку.

Меня взбесила его ярко выраженная забывчивость.

- Маши и человека, который назвался Арсением Ивановичем Родионовым! - рявкнула я, распугав всех голубей, толпящихся на обочине.

- Ты сама понимаешь, что говоришь? - спросил он, причем совершенно без эмоций. Эго напускное безразличие не явились тормозом для моей кипучей злости.

- Понимаю. Маш в нашем городе пруд пруди, - прошипела я, чтобы не раскричаться на всю округу еще сильнее. При этом выделила ненавистное «пруд пруди» и тяжело вздохнула, как уставший после спринтерского забега легкоатлет.

- Ну, если ты хочешь... - начал добренький Митька.

Я его не дослушала и перешла к новым идеям.

- Во-первых, можно навестить мать Ивана Родионова...

- И что мы ей скажем? - перебил меня друг, - уж она то точно знает, как зовут бывшего возлюбленного, расколется нас на раз. Другая причина для нашего к ней визита не годится, Ваня может ей позвонить и обо всем рассказать. Надо же её подготовить. А то свалится ей на голову какая-то парочка якобы передать привет из прошлого, так можно и коньки отбросить.

Я почему-то посмотрела на ноги Жаворонкова, на которых не было коньков, но были обуты классные замшевые ботинки рыжего цвета. Потом перевела взгляд на свои сапоги. Страшненькие и требующие замены. Чтобы Митька не заметил моего замешательства, я затараторила.

- Ладно, оставим Родионову в покое. Пока оставим. И займемся поисками озера, где всё и произошло. Этот мужик в вязаной шапке проговорился, что он постоянно туда ездит. В его сочиненной речи должна быть хотя бы частичка правды! Если не найдем его самого, то опросим рыбаков на предмет трагического случая, произошедшего недавно.
- Можно подумать, ты знаешь все окрестности!
- Он сказал: четыре остановки на электричке, потом с полчаса лесом и вот оно - озеро! – я повторила слова рыбака слово в слово. - Надо найти карту и внимательно ее изучить. Лесов у нас не так много. И направлений движения электропоездов всего два - южное и северное.... Поможешь? - с надеждой поинтересовалась я, - а то у меня географический кретинизм.
- Зачем нам карта, когда под рукой интернет? – начал медленно сдавать позиции Митька.
- Вот ты у меня молодец! – запричитала я, желая полить на его рану словоречивый бальзам. – Вот я бы точно не додумалась, а ты... голова!
- Ладно, хватит, меня восхвалять! Или ты думаешь, что я слопаю твою лесть и включусь в твое глупое расследование?
- Ничего я не думаю! - совершенно честно заявила я, округлив свои прекрасные очи цвета шоколада. Напарник из него, как из меня вышивальщица. Мне нужен профессионал. И, кажется, я его уже нашла.
- Хорошо, я помогу найти тебе засекреченное озеро и даже поеду с тобой и опрошу всех участников или неучастников драмы, но на этом мы закончим свои показательные выступления в любительском спорте... Забудем, несмотря на любые новости. Обещаешь?
- Обещаю, - слукавила я, чтобы не потерять помощника на этом этапе. - И пока мы не подвели черту, я хочу признаться, что у меня родилась еще одна идея!
- Уже боюсь, - печально вздохнул приятель.
- Допустим, Родионов искал Машу. Он не ошибся, отлично расслышал имя девушки. Погибший мужчина назвал ее адрес. Тебя это наводит на какие-нибудь мысли? – Дмитрий рьяно закачал головой: мыслей нет! - А у меня есть! Эта девушка должна быть из моего круга. Она знакома со мной. Возможно, бывала у меня дома. Знает адрес. И когда она познакомилась с настойчивым мужчиной, то решила схитрить и назвала мой адрес.
- Зачем?
- Не хотела открывать правду и не хотела прерывать знакомство на начальном этапе. Он ей очень понравился.
- Кто сейчас спрашивает адрес при знакомстве? Обмениваются номерами телефонов и всё. Потом перезваниваются и назначают встречу.
- А если эта была уже вторая или третья встреча?
- Разве имеет значение, какая по счету?
- Имеет! Он уже созрел для серьезных отношений и прочувствовал ее настрой: она тоже согласна перейти на новый этап отношений! Но что делать? Идти к нему боязно, вести к себе нельзя. Допустим, живет с родителями. Или квартиру снимает вдвоем с подружкой, которая заранее обговорила, что мужчин они к себе не водят. Что делать? - снова повторила я.
- Встречаться на нейтральной территории!
- Снимать номер в гостинице? Это пахнет сексуальной озабоченностью, за которой не прячутся серьезные отношения с развитием на скорый брак.
- Я сегодня покладистый, со всем соглашаюсь. Но изволь ответить: причем здесь ты?
- Она... Маша пригласила его к себе в гости, то есть ко мне в гости, в мою квартиру. Кофе выпить, а там как пойдет. По обстоятельствам.
- Я ничего не понимаю! – затряс головой Жаворонков. – А где во время их свидания будешь находиться ты? Сидеть в шкафу и следить за нравственностью?
- Я пойду в кино!
- Ага, - осуждающе кивнул приятель. – Я так понимаю, что ты предоставляешь свою квартиру для свиданий? Признайся, не раз это проделывала?

- Моя квартира – не притон! Мне твои намеки обидны.
- Ой, не надо меня линчевать прямо здесь и сейчас.
- Для линчевания меня одной мало, нужна озверевшая толпа, - парировала я, нервно думая, признаться или нет? Я завела этот разговор не даром, давно хотела кое-что уточнить у Жаворонкова, сейчас момент настал.
- Лучок, я задал прямой вопрос и хочу получить на него честный ответ, - излишне настырно продекламировал он, убирая свою руку с моего плеча.
- Ути-пути, какие мы честные, положительные во всех отношениях, - про себя выговаривала я, испытывающим взглядом изучая изменения на его лице. На щеках друга зарделись два круглых пятна. Скорее от волнения, чем от холода. – В порочащих его связях замечен не был, - также мысленно добавила я, беззастенчиво любуясь его пунцовой физиономией.
- Ну, было несколько раз. И что здесь такого? – передернула я хрупкими плечиками, запрятыми под пуховик. И капюшон сильнее надвинула.
- Так, это в корне меняет дело! – излишне радостно заметил Жаворонков и нервно стал дергать лацканы на карманах: то защелкнет кнопки, то расстегнет их, то защелкнет, то расстегнет.
- Что вы говорите! – благодарно восхитилась я и прижала пятерню к своей груди.
- Этак мы легко отыщем девушку Машу, которая не успела тебя предупредить, что назначила мужчине встречу на твоей территории. Ведь тебя никто не предупреждал? – раскрыл тайну своей безмерной радости Дмитрий.
- Нет, - отчаянно заверила его я и задумалась. – Интересно, почему?
- Потому что мужчина ей не перезвонил. Они договаривались о контрольном звонке. Но он не успел, поехал на рыбалку и там сгинул. Теперь покоится на дне замерзшего озера. Раз не перезвонил, то зачем просить у тебя ключи от квартиры, где должно пройти любовное свидание?
- В твоём голосе я слышу ехидство!
- Я не ехидничаю, - зло бросил Митька. Видимо, мое участие в интимной жизни подруге ему не импонировало, но это было не главным. Он не ожидал такого поворота в разговоре.
- У меня нет подруги по имени Маша, - искренне призналась я.
- Значит, Маша может быть вовсе не Машей. Спроси тех девушек, которым ты давала ключи от квартиры.
- Это была одна и та же девушка. Год назад она навсегда покинула наш город, потому что только так могла забыть любимого человека. Больше я свою квартиру в дом свиданий не превращала.
- Он был женат? - напряженным голосом спросил он.
- Представь себе, холост.
- Но почему не пригласил твою подругу к себе?
- Он уверял, что живет с матерью-инвалидом. Она несколько лет прикована к постели, рядом постоянно находится сиделка. Девушка так его любила, что готова была сама стать сиделкой для его больной матери, но он не мог принять от нее такую жертву.
- В моих словах было столько желчи, что ею можно отравить всю живность в легендарной реке Волга. С лица Митьки исчезло недовольство и презрение, круги на щеках стали еще ярче. Сначала он замедлил ход, затем пошел быстрее, зачем-то таща меня за собой. Я стала запыхаться и тормозить, в итоге мы замерли посередине тротуара.
- Она... Эта девушка назвала тебе имя своего любовника?
- Конечно! – с вызовом ответила я.
- Я...
- Только не надо объяснений. Я знала, кого она ко мне водит, ты знал, в чьей квартире занимаешься любовью.
- Я не мог привести ее к себе.

- Привести к себе это значит оставить ее там навсегда?
- А ты считаешь, что после каждой интимной встречи с девушкой я обязан на ней жениться?
- Я не хочу рассуждать на эту тему! – грозно предупредила я Жаворонкова. – Давай сделаем вид, что не было никакой Надежды Климантовой, с которой ты кувырчался на моем диване. Сделаем вид, как делали это раньше.
- Если бы заранее знал, что встреча с Надеей состоится в твоей квартире, я бы ни за что... Мы встречались несколько месяцев, и я не мог предположить, что вы с ней знакомы, пока она не привела меня...
- Я же попросила! – прервала я его сбивчивое объяснение.
- А какво было мне, когда Климантова попросила у меня ключи и назвала имя возлюбленного. Отказать ей я не могла. Она очень любила Дмитрия и пыталась привязать его к себе любимыми путями.
- Я обманывала себя всё это время, внушая, что это не тот Митя Жаворонков, совсем другой. И убедила. Тем более вскоре Надя уехала...
- А Митька-то двуличный, как ни печально это осознавать...

Глава четвертая

Задуманное не всегда исполняется...

Моя мать всегда говорит, что с понедельника значимых дел не начинают. А я об этом забыла и с утра пораньше двинула в кабинет директора музыкального училища, несмотря на то, что занятия у меня начинались с двух часов.

После вчерашних посиделок в кафе с приятелем голова у меня гудела, сосредоточиться на заумном заявлении с изложением веских причин, согласно которым многоуважаемый директор должен незамедлительно предоставить мне неоплачиваемый отпуск, я никак не могла, поэтому упомянула семейные обстоятельства, не раскрывая тайны.

Весь вечер Митька просил у меня прощения за связь с Надеждой, будто я была его ревнивой, но отходчивой супругой, которой импонирует убедительное покаяние и заверение в любви. У нас с Жаворонковым была проверенная годами дружба, о чем он мне несколько раз повторил, а это лучше, чем любовь. Почему лучше? Я бы предпочла вместо дружбы любовь. От обиды я влила в себя бутылку красного вина, убеждая себя, что женщине это только на пользу, а Митя приналег на водку, чего с ним ранее не случилось.

На пользу это или нет, я поняла, когда поутру изучила свое лицо в зеркале. Такое чувство, что мне положили на лицо горчичник и забыли снять. Оно покраснело и опухло. Я вспомнила, что перед тем, как уснуть, долго рыдала, оплакивая свою несчастную женскую долю. При этом не забывала проклинать Родионова или как там его зовут на самом деле, а заодно и двуличного Жаворонкова.

Выплакавшись за все прошлые бесслезные годы, а заодно дав аванс на будущее, я поплелась в кухню, чтобы приложить к опухшему лицу лед из морозилки. На глаза попала губка для мытья посуды. Моментально в пьяную голову пришла мысль о пилинге. Я стала ожесточенно тереть лицо губкой. Сначала выбрала мягкую сторону, потом – жесткую, чтобы усилить эффект.

Утром эффект превзошел все ожидания.

- Умереть – не встать, - выдохнула я с осуждением и принялась за восстановительные процедуры. Хотела снова всплакнуть, но передумала: с сегодняшнего дня у меня начинается новая жизнь! Ни к чему омрачать торжественность момента, который и без того смазлся новыми обстоятельствами нелицеприятного характера в прямом смысле.

Припухлость я победила, но мелкие царапины, избородившие мое лицо, как круговые борозды виниловую пластинку, пришлось прятать пол толстым слоем тонального крема и пудры. Чтобы не выглядеть пришельцем с того света, я нанесла на губы яркую помаду,

на щеки - румяна, на ресницы – несколько слоев туши и превратилась в состарившуюся клоунессу. Что-то менять у меня не было времени.

Я еще раз полюбовалась своим превращением и поняла, что с таким лицом мне могут предоставить отпуск без содержания: на меня из зеркала смотрела не просто состарившаяся клоунесса, у нее вдобавок ко всему в один день умерли все многочисленные родственники и четвероногие питомцы. Но видимо, старушка нашла собственную выгоду в этой печальной истории, потому что глаза ее горели дерзким огнем...

Переступив порог кабинета директора, я не испытала волнения и нервозности. Была уверена, что не отступлю и добьюсь своего.

Поздоровалась с Саввой Валериановичем Мирским, положила перед ним заявление и смиренно сложила руки в сцепке.

Савва Валерианович был мужчиной маленького роста, если не сказать – коротышкой, к пухлому тельцу прилагались короткие ручки и ножки, прикладывалась приплюснутая сверху голова, напоминающая взлетно-посадочную площадку для вертолетов. «Площадка» не имела растительности, а два боковых «спуска», напротив, обильно заросли и постоянно топорщились. Я подозревала, что Савва намеренно лохматит свои боковые космы, чтобы выглядеть грозно и устрашающе. По натуре он был человеком тихим, и все на нем «ездили». Несмотря на упитанность, он был шустрым и подвижным. Вот и сейчас он не мог усидеть на месте. Но предварительно внимательно изучил заявление, причем весьма долго, отчего моя расшатанная нервная система вновь пришла в движение.

Мирский пробежался несколько раз вдоль длинного стола для заседаний, затем встал передо мной, опершись на стол, который служил разделяющей границей между нами.

- Вы хотите уйти в отпуск? – с напряженным сочувствием в голосе спросил он.

Я не верила ни его сочувствию, ни понимающему взгляду.

- Да, - тихо подтвердила я, не объясняя причины.

Причину я придумала минут пятнадцать назад, когда вошла в здание музыкального училища. Накликивать болезни на своих родственников я не хотела, пусть я сама превращусь в больного человека, которого может спасти дорогостоящая операция. Чтобы директор не пугался, я сообщу, что спонсор уже найден.

Но Савве не нужны были причины. Главное – я ухожу в отпуск.

Он пробежался вдоль стола еще пару раз и снова замер передо мной. И тут началось.

- Лу-керья По-ли-кар-пов-на! Как вы мо-же-те?! – взвыл он, разделяя каждое слово на слоги, и подражая тем самым известному театральному режиссеру, которого боготворят артисты и к которому неоднозначно относятся зрители. – Как вы мо-же-те в та-кой от-вет-ствен-ный мо-ме-нт раз-вер-нуть-ся и уй-ти?! Я спра-ши-ваю! Как вы мо-же-те?!

- Я понимаю, что сейчас идет подготовка к новогоднему концерту у губернатора, и, вообще, конец семестра, но и вы...

- Ни-че-го не хо-чу знать! Идите и вы-пол-няй-те свои обя-зан-нос-ти! Всё! Иди-те!

- А если я...

- Ни-ка-ких если!

Он подскочил ко мне, за секунду обогнув стол, прихватил меня под руку и услужливо довел до двери. Выпуская меня на свободу, он прошептал, уже без пафоса:

- Мы после вернемся к этому разговору. Всё после... Да, милая?

- Да, Савва Валерианович, - согласно кивнула заигнотизированная «милая» и нетвердой походкой двинулась к себе...

Две недели до Нового года пролетели незаметно. Я старалась не думать о мужике в вязаной шапке, а занималась только своими обязанностями, о чем настоятельно просил Мирский.

И выполнила их с честью. Концерт у губернатора прошел на «ура», мои подопечные успешно завершили семестр, за что я была вознаграждена. Особенно расстарался отец бездарного отпрыска. Мальчишка стал подавать большие надежды, что я относилась на свой счет, а его отец меня щедро отблагодарил.

После праздников у нас наступали долгожданное каникулы, к которым добрый дядя Савва лично мне присоединил еще десять дней. Для восстановления здоровья. Отказываться я не стала.

Как не стала отказываться от щедрого подарка богатого «спонсора». Я стала богатенькой: ко всему еще получила зарплату и хорошую премию.

Начало новой жизни и встреча Нового года соединились и намекнули, что надо бы что-то изменить в себе.

Так было ни единожды. Когда мы расстались с первым мужем, и я вернулась в СВОЮ квартиру, то решила избавиться от всего, что мне будет напоминать о прошлой супружеской жизни. Хотела выбросить всю мебель, но мой хозяйственный папочка приехал и вывез всё, включая старинные карнизы и старую ванну. Ванна должна пригодиться его приятелю, который самостоятельно строит дом, мебель переместится в гараж, где отец проводит большую часть времени. Папуля называет гараж дачей. И не мудрено: гараж соединил в себе три стандартных размера. Простор позволяет отдыхать, ковыряться в автомобиле, заниматься хобби. В последнее время отец увлекся жестяными работами, такие штучки мастерит, что диву даешься, несмотря на то, что его профессия требует заботы о руках – мой папа хирург. В гараже отведено место для главного жителя – автомобиля, в остальной части хозяйничает его эксплуататор, который решил обустроить себе гостиную. Поэтому все движимое имущество Гриши Фурмана переместилось к отцу в гараж.

Следствием расставания с Григорием стало мое превращение в блондинку и постепенное обрастание волосами. Волосы не спешили отрастать, а я так мечтала, чтобы они достигли желаемой длины – чуть ниже лопаток.

После освобождения от Изольды Христофоровны и ее сына, я сделала татуаж бровей и губ.

Теперь вновь назрела необходимость смены имиджа.

Я отправилась в салон красоты. Уговорила остричь мои длинные волосы и кардинально изменить цвет. Из блондинки превратилась в «каштанку». Мои шоколадные глаза-блюдца стали еще больше, тридцатипятилетний возраст канул в лета. Если мне раньше никто не давал мой возраст, то теперь я превратилась в озорную коротко стриженную пацанку с высокими скулами, удивленно изогнутыми бровями и красиво очерченными губами. Раньше брови и губы приходили в диссонанс с бесцветными волосами. Теперь наступила гармония. Надеюсь, во всем: не только во внешности, но и в жизни.

- Умереть - не встать! – восхитилась я своему отражению в зеркале, поблагодарила мастерицу и двинулась к выходу.

Администратор отвесила мне искренний комплимент, не удержалась и скептически оценила мой несоответствующий наряд, состоящий из строгого коричневого костюма под названием «спасибо, бабуля, за подарок». Взгляд утвердил меня в решении прикупить новую одежду: для встречи нового года, для повседневной носки и носки в «полевых условиях». От идеи стать сыщиком я не отказалась.

Я, вообще, превратилась в безотказную особу. Если бы сейчас позвонил Дмитрий Сергеевич Жаворонков и предложил плюнуть на привычную компанию и встретить Новый год вдвоем, я бы... я бы не стала искать причину для отказа.

Но он никогда не позвонит и не предложит.

Мы закадычные друзья, а это гораздо ценнее, чем любовники.

Дурак ты, Митька! И слепой к тому же.

После нашей последней встречи, когда мы нагрянули к Ивану Родионову, а потом переместились в кафе, мы перезванивались всего один раз. Инициатором звонка по

обыкновенно была я. В наших отношениях исчезла легкость. Дмитрий меня будто бы винил в чем-то и одновременно каялся, а тоже – винула и каялась. Вслух мы ничего такого не говорили, но чувствовали себя напряженно. Задали друг другу банальные вопросы, он сказал, что помнит о своем обещании насчет озера, на том мы и расстались.

Новый год мы всегда встречали в разных компаниях, но первого января собирались у меня или у него, чтобы «тупо полежать перед телевизором». Мы пили шампанское, ели фрукты, устроившись на ковре, и вспоминали смешные случаи из уже прошедшего года.

Об этой своей традиции мы в последнем разговоре не упоминали. Я так и не могла понять, состоится наше «лежание» или нет.

Да, между нами пробежал кошка. Даже не кошка, а всё семейство кошачьих из зоопарка...

Я медленно брела по улице, выпадая из общей массы бегущих пешеходов. Люди торопились закончить все дела перед праздником, мне торопиться было некуда. Их обуревали радостные мысли, я размышляла на тему, отдаленно касающуюся праздника: позвонить или не позвонить Жаворонкову? Сегодня тридцатое декабря, возьму и позвоню ему. Поздравлю с наступающим Новым годом. Скажу, что потом мне будет некогда... Закручу интригу.

Митька ответил сразу, будто ждал моего звонка.

- Привет! – завибрировал от волнения мой голос. – Пароль еще не изменился?

- Нет, - буркнул он. Видимо испытал разочарование, услышав мой голос, а не чей-то другой. Или боится, что я снова напомню о его обещании найти озеро. Черт с ним с озером. Я не хочу терять близкого друга.

- Я тебя обожаю! – с чувством произнесла я и притихла в ожидании отзыва.

Но друг сказал не ту фразу, на которую я рассчитывала.

- Лучок, извини, я не могу сейчас разговаривать. Позже перезвоню.

У меня появилось неожиданное желание выместить злость на мобильном телефоне. Я повертела его в руках и поспешила спрятать от греха подальше в сумочку.

Желание прикупить новую одежду испарилось. Я добрела до огромного торгового центра, постояла у наряженной елки, уже хотела развернуться и уйти, чувствуя себя чужой на этом шоппинговом празднике жизни, но уговорила себя войти внутрь и погреться.

Гонка за покупками затянула и меня. Для начала я купила подарки родителям, Митьке и моим приятелям, у которых встречаю Новый год уже много лет подряд. Начало было положено в промежутке между первым и вторым браком. Прогул случился лишь однажды, когда я была замужем за физиком, который считал, что Новый год надо встречать в кругу семьи. Или его мамам так считала.

Лично я никому не навязываю свое мнение. Возможно, когда у меня будет настоящая семья - муж и дети - я поеду к родителям, или они приедут к нам, чтобы по-семейному отпраздновать наступление Нового года со всеми атрибутами: елкой, оливье и мандаринами. Сейчас я необходимости в этом не испытываю...

Незаметно я стала участницей хоровода в многоэтажном торговом центре. Бегала из одного бутика в другой, не испытывая усталости. Один раз зашмыгнула в кофейню, опрокинула в себя крепкий, но невкусный кофе, и побежала дальше.

В одном месте я заметила на вешалке очаровательное платье. С виду простенькое, но очень стильное. Коротенькое платье-футляр с рельефными складками по переду. А цвет! Цвет корицы! Вкуснятина! Я женщина вкуснятина! Понял, Жаворонков?! Еще некоторые смеют утверждать, что женщина одевается для себя или для соперниц, чтобы разбудить зависть. Бред! Женщина наряжается ради мужчин. Заметьте, не для одного – своего единственного, а во множественном числе – для мужчин. Хочет ловить на себе восхищенные мужские взгляды. И естественно, завистливые взгляды их спутниц. Как без этого допинга?!

Я долго стояла в примерочной и любовалась собой. Потом стянула с себя платье, не взглянула на ценник и пошла оплачивать. На мое счастье цена не была запредельной, тем более это был последний размер и мне предоставили внушительную скидку.

Теперь туфли! – мысленно приказала я себе, прижимая к себе фирменный пакет с божественным платьем.

Сегодня удача была на моей стороне. Туфли нашлись быстро, мне снова сделали скидку. После покупки обуви я пересчитала оставшиеся деньги, удивилась своему богатству и, не откладывая дело в долгий ящик, отправилась за одеждой на все случаи жизни.

Сначала купила одни джинсы, потом еще одни. Теплые спортивные ботинки. Высокие сапоги – нужно мне в чем-то дойти до дома моих приятелей, не в туфлях же по морозу бежать, тонкие колготки, толстые колготки, шерстяные носки с оленями, шапку с большим помпоном, шарф и варежки, и наконец, красивейшую теплую куртку сдержанно-синего цвета. Под обе пары джинсов – темно-синего и голубого. Ботинки, шарф с шапкой и варежками были светло-бежевыми с серо-синими узорами.

Конечно, для сыщика вызывающе, но где сказано, что он должен сливаться с асфальтом? Главное, ощущать комфорт, не стучать зубами и не мечтать о чашке горячего чая. В такой одежде я буду думать о деле. И еще о Митьке.

Что за навязчивая идея?! Не нужен мне никакой Митька! И всё тут!

Я испытывала такой драйв, что когда очутилась в собственном дворе и запоздало заметила Жорку Волкова, то не обошла его по большому радиусу, а двинулась напрямик на него, прямо-таки шла на таран. Жорка растянул губы в улыбке, оставил в покое дворники на лобовом стекле автомобиля, распахнул руки для объятий и пропел:

- Ба! Кого я вижу! Ну, и красотища, глаз не отвести! В любом ты виде хороша, душа моя!

И уже размялся меня «приголубить», как я, не сбавляя своего величественного хода, повернула голову в его сторону и прошипела:

- Отвали! И чтобы я тебя больше никогда не видела, урод!

Волков замер с протянутыми вперед руками, как волк из мультфильма «Ну, погоди!», когда заяц улизнул от него на водных лыжах.

До тех пор, пока я шла до своего подъезда, мне сверлил спину Жоркин взгляд. Сосед не проронил ни слова. По всей видимости, мое грозное предупреждение его нокаутировало.

Больше я Волкова не боюсь! Надоело трястись и мечтать о шапке-невидимке при каждой встрече.

По возвращении домой я долго крутилась у зеркала, примеряя обновы. После завалилась на диван и долго лежала трупиком – так устала от приятных эмоций и долгих блужданий по торговому центру. Попыталась сосредоточиться на экране телевизора. Показывали новогоднюю мелодраму, сюжет которой меня никак не мог захватить. Скучно, без интриги, игра актеров отвратительная, диалоги глупые, а все почему – сразу ясно, кто кому достанется. Но это же новогодняя мелодрама! И совсем не скучно, даже в некоторых местах смешно... «Траурное» настроение, душившее меня перед шопингом, сменилось притянутым позитивом, похожим на легкое облачко, готовое скрыться за горизонтом при порыве ветра. Ветер мог налететь с разных сторон.

Надо бы перекусить, - пришла мне в голову своевременная мысль. До конца предпоследнего дня этого года оставалось чуть больше часа.

За весь день я съела бутерброд с колбасой и бутерброд с сыром и выпила... три... четыре чашки кофе. Потому и сердце так скачет в груди. Или оно скачет от возбуждения? Скорее, от обиды. Во всем виноват гадкий Дмитрий Сергеевич...

Всё! Проехали! Не хватало еще разреветься, утираясь новым платьем. Разреветься и испортить такой хороший день.

Сейчас выпью чай с лимоном, сделаю себе барский бутерброд с красной икрой. Два бутерброда с красной икрой. Потом открою коробку конфет и слопаю половину со второй чашкой чая.

Пока грелась вода, я мастерила себе бутерброды. Затем всё поставила на поднос и пошла в комнату, чтобы посмотреть новости. Перемещаясь по прихожей, я едва не выронила свою еду вместе с кружкой чая: неожиданно мне в дверь позвонили. Ко мне никто не приходил в эту позднюю пору, тем более без предупреждения. Я поставила поднос прямо на пол и на цыпочках подошла к двери, позабыв, что в комнате разорвется телевизор.

Прикинув к глазку и опешила: обзор был кем-то перекрыт.

Наверное, пришел Митька. Надумал извиниться... Ну-ну... Чего желаете, Дмитрий Сергеевич? Восстановить прежние дружеские отношения в этом году, чтобы не переносить недомолвки на следующий год?

Вдруг это вовсе не Митька? А Жорка пришел... наказать за резкость. Ну, сейчас я ему задам. Сейчас задам, а заодно вымещу на нем злость. Да, рассвирепела я не на шутку, растеряла присущую мне бдительность, защелкала замками и распахнула дверь.

На породе стоял полицейский с усталым лицом. Теплая форменная шапка съехала назад, обнажив взмокший от пота смоляной чуб. В остальном он был одет по уставу, даже куртка с теплом помещения была застегнута. Он держал на весу папку с уложенным на ней исписанным листом бумаги, между пальцами была зажата ручка.

- Э-э-э, здравствуйте, - пробормотала я, ежась под его колючим взглядом.

Прежде чем ответить, он посмотрел на лист бумаги, будто сличал имеющийся фоторобот преступника со мной. Никакого фоторобота у него не было, я точно это видела: мужчина был невысок, почти одного роста со мной, папку с протоколом держал открыто, что позволяло мне легко рассмотреть короткий столбик с фамилиями, рядом с ними были указаны номера квартир и подписи.

- Я ваш участковый... - он что-то говорил и говорил, а я стояла и смотрела на него.

Мне стало грустно. И совсем не интересно, зачем он ко мне пожаловал? Увы, это был не Митька. И даже не Жорка...

Жаворонков, ты где? Почему ты мне не перезвонил. А обещал. И чем или кем ты так занят?! Нашел еще одну кикимору и рассказываешь ей о тяжело больной матери. Бедная Светлана Михайловна... Крутится, крутится целыми днями, и не знает, что родной сыночек ее в инвалидное кресло усадил. А эта «лежачая больная» сто очков даст наперед любой молодой. Она и в хоре поет, с моей подачи – это я заметила ее талант и посоветовала попробовать себя в пении, и увлекается аргентинским танго, без усталости трудится на своем огороде, чтобы сыночка порадовать домашними соленьями-вареньями, о внуках мечтает...

Наверное, я осудительно кивала, мысленно обличая Жаворонкова, но мои кивки участковый принял за подтверждение, потому что спросил:

- А кого вы видели?

Вопрос выделился из его монотонной речи, поэтому я обратила внимания только на него, упустив объяснение причины столь позднего визита ко мне.

- Я? Я видела... - и при этом задумалась: да, денечек, выдался жарким! Кого я сегодня только не встречала. Желая уточнить, я спросила, - вам всех перечислить? Но это вряд ли удастся, я всех по именам не знаю.

- А у вас что? Проходной двор? Кто хочет приходит, кто хочет уходит..

- Кто хочет, тот остается, - учтиво добавила я.

- У вас... секта?

Я не знала, что имел в виду усталый чубатый полицейский, лично я имела в виду свой двор, который, действительно, был проходным. Управляющая организация позаботилась о жителях, установила несколько скамеек, чтобы любой мог отдохнуть, небольшой детский «пяточок» для игр, куда приходили мамы с детьми из соседних домов. А что касается секты, то никто из соседей в неформальных объединениях замечен не был. Команда Фрола Матвеева увлекалась распитием разноградусных напитков, но этим они занимались в квартире предводителя. Отдельной единицей в нашем доме была моя непосредственная

соседка Марта Архиповна Ризванюк, ее квартира была напротив моей. У этой женщины было красивым только имя. Ладно бы внешность, в ее годы трудно поддерживать себя в форме, она была гадкой по жизни. Всем завидовала, всех проклинала, на всех жаловалась, всех ненавидела. В общем, очень «миролюбивая» дама. Марта Архиповна была одинокой. Со слов ее сверстниц, которым почти сто лет, а таковых в нашем дворе немало, и живут они в нашем доме с рождения, потому как дом построен еще в довоенные годы, а может, еще до революции, точно не знаю, так вот старушки-веселушки утверждают, что Мирка - так они ее кличут - миллионерша! Хотя, постоянно жалуется на маленькую пенсию. Все соседи знают, что Ризванюк дает займы под проценты, причем в любое время дня и ночи. В основном ее дебиторами является команда Фрола Матвеева. И такие же представители с соседних улиц, куда докатилась слава о «благодетельнице», способной ссудить деньгами для восстановления жизненных сил. Меня ее дебиторы не беспокоили, Марта соблюдала конспирацию. Принцип скрытности она блюла строго, но все знали о ее деятельности. Как знали, что любой должник, не вернувший деньги в указанный срок, зачисляется в список злостных неплательщиков и никогда не может рассчитывать на кредит. Конечно, к Марте обращались и нормальные жители нашего дома, которым надо было перебиться до зарплаты, то это были единичные случаи, как говорится, от безысходности – с Ризванюк никто общаться не хотел. За глаза ее прозвали старухой-процентщицей. Не могу утверждать, занималась ли она скупкой краденого, за руку не ловила, но то, что наша упитанная Марта Архиповна внешне совсем не походила на «сухонькую» Алену Ивановну из романа Достоевского это видно невооруженным глазом. Убиенная Алена была «с острыми злыми глазами и острым носом», как и наша Марта, и это их роднило. И еще вид деятельности, естественно. Но Ризванюк не носила «фланелевого тряпья», несмотря на преклонный возраст, постоянно ходила в широких брюках разной степени утепленности, в зависимости от времени года, в кофтах-разлетаках, в холодное время года добавлялись полупальто или укороченная дубленка, на ногах – всегда удобная дорогая обувь. Нищенкой такую даму не назовешь. Я всегда удивлялась, где Мирка берет такую классную обувь? Ничего подобного я в наших магазинах не видела. Может, ей шьют на заказ? А что, с ее-то доходами. И выглядела Ризванюк молодо, ей дашь не больше шестидесяти, как и Алене Ивановне. Но я точно знала, что ушла Марта на пенсию давным-давно, и не сама ушла, а ее выпроводили. Опять же доложили скучающие на скамейках Миркины товарки. Работала она водителем такси. В те времена это была редкость. Кем была до того, как стала водителем, толком никто из «девушек» не помнит. Говорили, будто нигде не работала, только числилась, чтобы под статью не загреметь. Могла себе это позволить - супруг занимал высокий пост, а потом его посадили за хищение государственной собственности. Всё это было «при царе горохе», подробностей, как и правды, ни от кого не добьешься. И будто бы после того, как мужа приговорили к высшей мере, Марта еще какое-то время продолжала тунеядствовать, по инерции. Пока все запрятанные деньги не закончились. Желających жениться на ней не нашлось, хотя, ранее от поклонников отбоя не было. Но они вдруг исчезли в одночасье, вместе с преступником-мужем. Ризванюк умела только гонять на своем автомобиле, который ей подарил супруг. Автомобиль конфисковали, как и другие ценности. Истратив последние деньги, она устроилась в автопарк водителем такси.

Когда её «ушли» на пенсию, скорее всего за склочный характер, так я предполагаю, она обозлилась на всех еще больше. Раньше не была подарком, а теперь и вовсе возненавидела всех без разбора. Начинала с руководства таксопарка и заканчивала оказавшимся в непосредственной близости человеком. Проклятия сыпались на головы неповинных людей, как снег в феврале. И столько лет минуло, а она продолжает поминать недобрым словом участников тех событий, несмотря на то, что почти все они давно перебрались в мир иной. А, значит, опять живет по инерции.

Марта Архиповна очень уважала моего первого мужа, как-то доверительно ему сообщила, что он ей напоминает горячо любимого супруга. Гришка струхнул, уловив явно кокетливый взгляд и стремление перейти дозволенные границы. После напорного объяснения избегал пожилую соседку, возмнившую невесть что, а если сталкивался в подъезде, то учтиво здоровался, желание поговорить не поддерживал и легкой трусцой сбегал по лестнице. Естественно, меня Ризванюк возненавидела с первого появления в этом доме. Но я на ее едкие реплики реагировала странным образом, мило улыбалась и тактично говорила: «Вы тоже сегодня прекрасно выглядите». Или: «Я никогда не сомневалась, что вы прекрасная собеседница, как здорово встретить с утра такого открытого доброго человека, способного поднять настроение!» В итоге Мирка поняла, что от меня не подзарядишься, и стала открыто меня игнорировать, а я - услужливо здороваться и слушать в ответ грозное молчание.

В итоге Ризванюк стала всем рассказывать, что я того, в смысле не в себе. При этом она прикладывала большой палец к виску с выставленными строго вверх четырьмя пальцами и пыталась ввинтить большой палец в висок. Со стороны ее «подкручивание» напоминало помахивание рукой, словно она прощалась с кем-то. На её диагнозы в мой адрес никто внимания не обращал: все хорошо знали эту злючку.

Я тоже не обращала внимания, продолжала вежливо здороваться при встрече и каждый раз думала: когда же на нее найдется свой Раскольников?

И видимо Раскольников нашелся. После недолгих переговоров уставший участковый догадался, что мне нечего сообщить следствию, и ответил на мой вопрос: что случилось?

Но прежде чем ответить, он одарил меня таким взглядом, что я поняла, мне обо всем уже было рассказано. Представляю, какими эпитетами он меня наградил!

- Вашу соседку Марту Ризванюк пытались убить.

- Она жива?

- Жива, но находится в тяжелом состоянии. У нее черепно-мозговая травма. Не знаю, когда следователю удастся её допросить, - пожаловался он мне. – И удастся ли, вообще...
Возраст.

- А сколько ей лет? – не сдержалась я.

- Девяносто два.

- Сколько?! – не поверила я. Прикинула в уме, когда она появилась на свет. Запуталась и изрекла, - обалдеть! Живут же люди!

- Так вы ничего не видели?

- Когда это случилось?

- Фрол Матвеев нашел Ризванюк в двадцать два часа и сразу позвонил в полицию.

- Сознательный гражданин... А может он ее и... того? – задумчиво спросила я, заглядывая за спину полицейского. Я ожидала, что из соседской квартиры сию минуту выведут поникшего выпивоху с браслетами на руках.

Дверь была открыта, слышались голоса, но никого разглядеть я не смогла. Удивительно, что раньше не услышала передвижений по подъезду и громких разговоров. Да, плохой из меня сыщик. Погрузилась в свои невеселые думы, будто беруши в уши засунула, чтобы они, думы эти, не вылетели. Варю их, варю в своем «котелке», а надо забыть о Жаворонкове. Мало у меня проблем, кроме него?!

- Мы сами разберемся в этом деле, без советчиков, - хмуро изрек участковый, запоздало потребовал мой паспорт, внимательно его изучил, предложил расписаться, что я незамедлительно исполнила.

Когда возвращала ему лист бумаги, заметила его заинтересованный взгляд. Проследила и поняла, что привлекло его внимание. Стоящий на полу поднос с бутербродами. Красная икра, прилежно разложенная на двух ломтях хлеба, переливалась в приглушенном свете трех энергосберегающих лампочек в потолочном светильнике.

Мужчина хмыкнул и сказал.

- Хорошо живется некоторым домашним питомцам.

В голосе не было осуждения или зависти, просто констатация факта. Что-то доказывать и объяснять я посчитала лишним, попрощалась и захлопнула дверь. Но к глазку прильнула, чтобы проследить за полицейским.

Он некоторое время не двигался с места, сверил номер моей квартиры с бумагами и потопал наверх. Я подождала появления из квартиры Ризванюк других представителей правопорядка или Фрола Матвеева, получившего временное помилование, но так и не дождалась. Ко всему чья-то невидимая рука захлопнула соседскую дверь, отгородив меня от хода расследования. Можно подумать, я раньше была членом следственной группы!

Аппетит напрочь пропал. Но не пропадать же деликатесам. Я прихватила поднос и пошла в комнату. Новости по телевизору давно закончились, молодой парень предлагал посмотреть захватывающие сюжеты, снятые очевидцами и выложенные ими на Youtube, которые стали самыми популярными по количеству просмотров на истекший год. Сюжеты меня не захватили. Я думала о пострадавшей соседке, представляла, как все произошло. В моем понимании орудием убийства должен стать топор. Я не подумала, что с помощью топора старушку могли отправить на тот свет, а не нанести черепно-мозговую травму. Она бы не лежала в палате интенсивной терапии, а находилась в промозглом помещении городского морга, где ее душа расставалась с телом.

Я поехала от холода, словно сама находилась в этом промозглом помещении.

- Допрыгалась старушка-процентщица, - вслух сказала я, чтобы услышать свой голос и убедиться, что он не дрожит. – А чего я испугалась? Это не на меня совершенно покушение... Но совсем рядом, через несколько метров. И возможно, в эту самую минуту я поднималась по лестнице в свою квартиру и могла стать свидетелем того, как злодей покидает место преступления... Можно сказать, повезло. Мне повезло, а Марте не очень. Или тоже повезло, в какой-то степени. Она сама виновата. Общалась с подозрительными типами, со всеми ругалась, вот кто-то решил ей закрыть рот навсегда. Или Ризванюк что-то знала? Вдруг она видела, как ко мне приходил Родионов? Он об этом прознал и... Это что же получается? Мне тоже грозить опасность?! И Митька прав - незачем совать нос куда не следует...

- Так, так, так, - проговорила я, как пулемет, - скорее всего версия о домушнике имеет место. Родионов приходил не ко мне, и не к ювелиру Григорьеву, а к Ризванюк. Ко мне забрел по ошибке. И теперь я могу его опознать.

Я надкусила бутерброд с икрой и стала жевать. Незаметно умяла оба бутерброда, выпила чай, невидящим взглядом уставившись в экран телевизора.

Надо позвонить Митьке и посоветоваться! Решение созрело быстро, и так же быстро я его развеяла. Я не хочу ему навязываться. С какой стати я буду заискивать перед ним? Скажет: думала-думала и, наконец, нашла причину для звонка. Ага, еще додумайся до того, что это я стукнула Ризванюк по башке.

Мой диалог с невидимым собеседником по фамилии Жаворонков дал положительный результат: я немного успокоилась, не нашла связи между визитом ко мне Родионова и покушением на соседку, домушники не ошибаются, вымыла посуду и решила себя развлечь. Покопалась на стеллаже, выбирая книгу с захватывающим сюжетом, нашла детективчик, который давно читала, но позабыла, и улеглась на диван. Сюжет меня захватил. Вскоре я уловила схожесть главной героини с собой. Она такая же взбалмошная, как я. Постоянно влипает в разные ситуации. И умеет из них выходить победителем. Чего не скажешь обо мне. Я увиливаю от разбирательств. Прячу голову в песок.

А ты что предлагаешь? – мысленно спросила я себя, отвлекаясь от детективного сюжета. – Засучить рукава и приступить к поиску преступника, посягнувшего на жизнь злоки-соседки? А причем здесь соседка? Надо разобраться в своих проблемах! Да, в своих! Я уверена, что Родионов пришел ко мне неспроста. Иначе, зачем ему было сбегать? Тюкнул бы меня по головочке тупым тяжелым предметом, обчистил квартиру и ищи-свищи его! Совершить кражу во время моего отсутствия для профессионала трудности не

представляет. Но это для профессионала, способного вскрыть мой сложный замок, а не для такого дилетанта, каким является Арсений Родионов. А он дилетант, сразу видно. Допустим, человек оказался в трудной жизненной ситуации... И что из того? Квартиры грабить?! Пойди возьми кредит в банке или одолжи у знакомых... А если он и кредит уже взял, и по горло в долгах, а кредиторы наседают? Покончить жизнь самоубийством он не имеет право – долг перейдет на близких людей, вот и пошел на крайние меры.

А почему пришел ко мне? Неужели, правда, перепутал, а версия о любви к девушке Маше некоего рыбака родилась спонтанно. Из чего следует, что Родионов склонен к сочинительству, возможно, он журналист или писатель. Или рассказ основан на реальных событиях? Как его зовут на самом деле? Почему назвался Арсением Родионовым? Знал его при жизни или случайное совпадение? Наверное, знал при жизни. Сочетание имени и фамилии не избитое. Надо бы встретиться с Иваном и поговорить. Без свидетелей, которым не нравится мое жгучее желание заняться сыскной деятельностью. А вдруг это мое призвание? Лучше попробовать и разочароваться, чем никогда не попробовать.

Пока я размышляла, тупо пялясь на книжную страницу, главная героиня решила разобраться в гибели своей подруги, оставившей ей подсказку.

У меня тоже была подсказка! Мой гость был очень похож на настоящего Родионова, отца Ивана. Теперь я не могла утверждать на сто процентов, что они братья-близнецы - зрительная память у меня хромала на две ноги, но они были внешне схожи. Мне так кажется... Хотя, я не могу четко вспомнить лицо моего Родионова. Крупный нос, большой рот, близко посаженные глаза... Но уверена: если бы его увидела, то тотчас бы узнала... Я так думаю.

Эх-эх, детективщица. Горе-детективщица...

В самый напряженный момент, когда отважная женщина проникла в заброшенный дом, могильную тишину моей квартиры прервал телефонный звонок. Я подпрыгнула на диване, как на батуте, прижав к себе книгу, будто она была защитным щитом.

Сначала не могла сообразить, где телефон, повертела головой на звук, заметила телефон на столе, где недавно ужинала и воевала с желанием позвонить Дмитрию. С осторожностью слезла с дивана, будто боялась разбудить кого-то, и стала подбираться к вращающемуся на столе телефону, исполняющему вращательный танец, при этом проклинала себя за то, что забыла его отключить. Ночной звонок обещал принести печальную весть. Но куда от нее уйдешь? Если не сейчас, то позже, она тебя настигнет.

На экране высветился номер, который не значился в моих абонентах.

Отвечать – не отвечать?

Недолго думая, я схватила мобильник и вкрадчиво сказала: «Слушаю».

Прямо не сказала, а прошуршала, словно имечко свое назвала – Луш-ш-ша. Слуш-ш-шаю.

- Не спишь? – осуждающе спросил незнакомый мужской голос. Грубый и не совсем трезвый.

Так я решила. Поэтому сразу предположила, что мужик ошибся, о чем ему и сообщила. И сразу отключилась.

Он оказался настырным. Вновь позвонил. Я хотела выключить телефон, чтобы меня не тревожили по ночам незнакомые подвыпившие типы, отгулявшие на корпоративе, но внезапно прониклась сочувствием к незнакомцу. Вдруг у него острая потребность выговориться? И не от радости он выпил, а от горя. Потыкал пальцами по кнопкам и попал на меня.

- Слушаю! – бодро гаркнула я.

- Не спишь, - сделал вывод мужчина и тяжело вздохнул. Так явно, что я почувствовала его присутствие. Он стоял рядом в лохматой шапке, съехавшей на затылок, распахнутом полушубке, под которым виднелся слегка помятый костюм, белая сорочка и красный

галстук. Все-таки, человек идет из ресторана. А если «топил» горе в стакане, то... Нет, пусть он будет в костюме, сорочке и галстук.

Мордастый розовощекий мужчина чмокал толстыми губами и тянулся ко мне... Бр-р-р...

Желание выслушивать пьяный бред вмиг пропало.

- Что вам нужно? – грозно спросила я. Мой голос звенел устрашающе.

- Я хочу и... извиниться, - проблеял он.

- За что?

- Я н...неправильно с...себя вел, - с трудом справившись с легким предложением, пояснил он.

- Когда? – я решила идти до конца.

- С... сего...дня! – вкрадчиво доложил мой телефонный собеседник.

- Сейчас половина третьего ночи. Уже наступил новый день – тридцать первое декабря. Мы сегодня с вами не встречались. Мы с вами, вообще, не знакомы! – попыталась толковать я ему.

- Не п...привязывайся к с...словам. Мы с тобой виделис-с-сь. Ве-че-ром.

Видимо, по слогам ему изъясняться было легче.

- А вы кому звоните? – задала я запоздалый вопрос.

- Т...тебе! – резонно заметил мужчина.

- Как меня зовут? – загадочным голосом спросила я, как это делает Дед Мороз на новогоднем представлении.

- Так это... А как тебя з...зовут?

- Снегурочка! – рявкнула я для развлечения.

- С..снегурочка... Хм... Дурочка, - заржал он. Я не успела его осадить, как он вмиг загрустил и выдал, - а ты не дурочка. Ты очень умная и к...красивая. Я т... тебя люблю! Давно л... люблю!

Это не копроративщик! Это...

- Вы зимней рыбалкой не увлекаетесь? – лягнула я. Теперь мужик в полушубке казался мне пришельцем с того света.

- Я? Ры... рыбалкой? Ув..увлекаюсь. Но ред-ко. Знаешь, с...с... времени нет, - доверчиво сообщил он, не совладав со словом «свободного».

- Чем вы так заняты? – продолжала допытываться я.

- Это не те... телефонный раз-го-вор! А д...давай встретимся! Я хочу тебя увидеть-ть!

- Сейчас поздно, электрички уже не ходят.

Наш диалог напоминал разговор двух ненормальных людей. Только один был в сильном подпитии, поэтому был неадекватен, а другой просто сбрендил ввиду последних событий, заключивших его в плотное кольцо.

- А зачем ехать на электричке? – удивился он, причем удивление было таким сильным, что он проговорил фразу без запинки.

- Так вы же... на озере находитесь.

- На к...каком озе-ре?

- Вам лучше знать!

- Я не на озере, я тут... под твоими окнами, - на распев проговорил мужчина. – Я за...замерз.

- Конечно, замерз, чай на дворе не май месяц, вода холодная.

- Ты выпила что ли? – ухмыльнулся он. – Я же тебе говорю – я под твоими окнами! – снова на распев пробасил он.

Мне стало страшно. Я представила влюбленного в Машу рыбака, для которого сто верст не крюк – куда хочет, туда сразу переносится, он же привидение, не способное уgomониться до тех пор, пока не удостовериться, что о его любви девушке доложили. Пришел получить подтверждение - вдруг Родионов не выполнил его просьбу? Боялся признаться при жизни, а после жизни ему море по колено. Или озеро. И вот теперь стоит

под моими окнами. Что это значит? А то и значит, что, именно, мне было адресовано признание. Мне, а не Маше! Бедный рыбак. Никак не успокоится на том свете.

Я легко представила себе утопленника под моими окнами, словно подобное случалось ежедневно, и я к этому привыкла. Стоит себе весь в тине, в замерзших водорослях, синий, с черными губами, с запавшими глазницами. Протягивает ко мне обглоданные рыбами руки, и уговаривает явиться к нему сей момент. И снова бр-р-р...

- Лукерья, ты точно «ку-ку»! – я легко поставила себе диагноз, накрываясь с головой одеялом, не забыв при этом оставить маленькую щелочку, чтобы следить за окном: мой знакомый незнакомец может появиться откуда угодно. - Остынь, дорогая! Поставь мозги на место! На том свете спиртным не балуются! Или балуются? Кто готов это утверждать или опровергать? А может он и не пьяный вовсе, а слегка заикается от волнения и речь сбивчива тоже по этой причине. Человек волнуется. Видимо, не привык к признаниям, скромн.

- Луша, ты слышишь меня?! – замогильным голосом протянул мужчина, - куда ты подевалась? – заплетающимся языком добавил он, не услышав ответа.

- Луша? - взвизгнула я, опустив недовольство. – Я была права, а не Митька: Родионов ошибся, когда назвал меня Машей.

- К...то такой Родионов! Я не по...позволю какому-то Ро-ди-оно-ву ста...становиться между нами.

- Родионов это тот человек, которого вы просили передать мне весточку, - промямлила я, подбираясь к окну.

Едва я его достигла, во дворе разом отключились все фонари.

-Это провидение свыше! – чужим голосом заявила я. Окна в доме напротив не светились, только слабый свет лестничных проемов проникал наружу, обрисовывая странный громоздкий силуэт.

Он одет в рыбацкую амуницию, подумала я.

Пришелец с того свет вертелся на месте. Потом замер, увидев меня в окне. В трубке послышался удивленный голос.

- Здесь нет никакого при... ви... деня!.. Я здесь один. Совсем один, - слезливо добавил он.

- Не привидение, а провидение, - поправила я. - Рекомендую вам вернуться в свое озеро. Или... Если хотите облегчить задачу нашим полицейским, то идите напрямиком в ближайшее отделение. Там, скорее всего, имеется ваша фотография. У вас есть родные, они давно вас ищут, написали заявление...

- Я один, совсем один, - вновь запричитал он и шмыгнул носом. – На всем белом свете.

- О Боже! – завопила я, пристально вглядываясь в замершую фигуру в позе скорби. – Вы ничего не знаете?! Но вы же... утонули! Уже прошло несколько недель! Думаете, что вы на этом свете, а вы... на том!

- Лукерья, не перебирай со спиртным. Женский алкоголизм неизлечим! – почти трезвым голосом заявил он. – Разве можно так? Такая красивая молодая женщина и пьешь по ночам!

- Я не пью! - неуверенно брякнула я почти как Петруха в кинофильме «Белое солнце пустыни».

- А тебе очень идет новая стрижка. И цвет волос.

До меня дошло, что он отлично меня видит на фоне светящегося окна. Чего не скажешь обо мне. Я автоматически пригладила разлохматившиеся волосы.

– Ты похожа на маленькую разбойницу из «Снежной королевы». И характер у тебя разбойнический.

- Почему он разбойнический?

- Ты меня так сегодня осадила, что я дар речи потерял! И расстроился сильно, всякую надежду потерял. Пошел и напился с горя.

- Жорка, это ты? - с надеждой спросила я, забыв о своей неприязни к нему.

- Я! А ты за кого меня приняла?
- Я... Не обращай внимания, это я спросонья.
- Я тебя разбудил. Прости. Хотел извиниться. Я неправильно себя вел по отношению к тебе. Грубо заигрывал.
- Так это заигрыванием называется! – догадалась я.
- Ну, вот, началось! А так хорошо разговаривали! Правда, я не все понял... Когда увидел тебя в окне, сразу отрезвел... Пойду, добавлю.
- Георгий, прекрати! Иди домой и ложись спать! Завтра всё обсудим.
- Не обманываешь? – напряженным голосом спросил он.
- Или послезавтра. Или послепослезавтра.
- Ну, вот, а так...
- Ладно, завтра, - уступила я, - я тебе сама позвоню, только попозже. Хочу выспаться.... А откуда ты знаешь мой номер телефона? – спохватилась я.
- Долго ли умеючи, - расплывчато сказал он и побрел к своему подъезду.
И только бесформенная масса скрылась, как во дворе зажглись уличные фонари.
- Мистика какая-то, - задумчиво протянула я, изучила притихший двор и вернулась к ироническому детективу о приключениях взбалмошной героини.
Отключить телефон я забыла, и он вскоре напомнил о себе противной вибрацией и приглушенным звонком – он лежал под подушкой.
Сейчас я накрою этого Жорку медным тазом!
Не удосужилась взглянуть на светящее окошко и громко возмутилась.
- Я тебе русским языком сказала – иди спать!
- А у меня бессонница, - парировал мне знакомый голос, о котором я грезилась весь вечер.
- Ой, я тебя перепутала с Волковым.
- С каких пор вы с ним вступаете в ночные дискуссии?
- С некоторых, - отфутболила я вопрос. – А ты, как я понимаю, освободился? Нашел, наконец, время для своей несчастной подружки?
- Слышу стержневые нотки в голосе ревнивой жены.
- А ты... А ты... - задохнулась я от возмущения. Спокойно, Лучок, спокойно! Спрячь свои ненужные эмоции в карман, и сделай вид, что тебе совершенно безразлично: позвонил бы он сегодня или через неделю? – А ты забыл назвать пароль! – нашлась я.
- Я тебя обожаю!
- Как мне надоели эти игры в дружбу между мужчиной и женщиной! Я хочу слышать искренние признания, а не избитую за несколько лет фразу-пароль-отзыв. Я устала с помощью нее подслащать горькую пилюлю одиночества. Но все же скороговоркой произнесла:
- Я тоже тебя обожаю.
- Губы при этом меня не слушались, будто они одеревенели. Вот в разговоре с Жориком меня несло быстрым течением, не успевала обрабатывать, впрочем, как всегда запоздало обрабатывала, а сейчас губы свело судорогой, язык гвоздем к небу прибили, обрабатывала, вообще, отключилась. Терзаюсь только двумя вопросами:
- 1). Почему не захотел со мной разговаривать, когда я ему звонила несколько часов назад?
- 2). Чем был занят? Или кем?
- Я позвонил сказать, что у меня всё хорошо, не волнуйся...
- Э-э-э...
- Завтра договорим. Ладно?
- Ладно. Мог бы не звонить. Я, между прочим, спала!
- Если бы ты спала, то телефон был отключен. Я специально тебя набрал, чтобы на всякий случай проверить. Думаю, вдруг моя девочка не спит, волнуется.
- И ничего я не волнуюсь! С Георгием заболталась, не успела отключиться, как ты позвонил.
- Надеюсь, не помешал вашей беседе?

- Помешал! Спокойной ночи!
Вот же гад! Еще и издевается! Жорке завтра позвоню, а ему нет...

Глава пятая

Новый год приносит первый сюрприз

Утро последнего дня пролетевшего ураганом года началось лично у меня в два часа пополудни. Я сразу включила телефон, дождалась сообщений, кто мне звонил и сколько раз? Звонила Натка Родыгина, у которой я встречаю новый год уже много лет подряд. У нее и ее мужа Павла. У Родыгиных есть традиция - каждый новый год к ним в гости приходит «темная лошадка», которую никто, кроме хозяев, не знает. Появление в старой компании нового лица вносит оживление. И еще я люблю бывать у Родыгиных потому, что праздник не превращается в обычную попойку. Мы развлекаем себя разными играми, отгадываем загадки, при наличии на улицах снега катаемся на санках с горы, лепим снеговика, играем в снежки. Жаль, сегодняшняя погода подвела. Снега почти нет, он слегка замазал отдельные участки земли, будто залатал впадины. Хорошо, что чуть подморозило, нет слякоти. Но ветер завывает сильный.

Я знаю, зачем мне звонила Натка.

- Привет, дорогая! – поприветствовала я ее.
- Привет, Лучок! - ответила Наталья, одновременно отдавая команды супругу. – Я тебе звонила! Значит, так. Просить тебя приготовить сложный салат не имеет смысла.
- Это ты правду глаголешь, дивчина!
- Давно тебя знаю, еще жить хочу!
- Спасибо, ты очень добра! Ни хлебом единым...
- И я про то же! Хотя, хлеб за тобой. Три батона, две буханки белого, одна черного и... пожалуй всё!
- Зачем так много?!
- На двадцать пять человек, вполне. Или мало? Как думаешь?
- Нас уже двадцать пять! Когда я влилась в вашу компанию, было всего шестеро. Со мной семеро.
- Потом восемь, потом снова семеро. Когда твой Игнатий отвалился. Но сразу пришли Медведевы.
- А сегодня кто придет?
- Ты каждый раз задаешь этот вопрос! – осудительно заметила Натка, одновременно возмущаясь мужем, который достал не ту банку с помидорами.
- А ты каждый раз скрываешь!
- Сюрприз! В общем, мне некогда! За тобой хлеб! И не забудь гитару!
- Естественно!

Как я уже говорила, встреча с Родыгиными произошла в перерыве между первым и вторым браком, прогулы мне поставили во время третьего замужества.

Всё случилось много лет назад, и сначала я познакомилась с Павлом.

Дело было так.

Я шла по улице, вызываяще постукивая высоченными шпильками. Был день зарплаты. По этому случаю я зашла в супермаркет, чтобы порадовать себя чем-то необычным, вкусным и калорийным. Видимо, рядом со мной крутился некий элемент, подглядывающий в кошельки беззаботных дамочек типа меня. Он увидел несколько крупных купюр и загорелся желанием их присвоить.

Выбрал тихую улицу, подлетел сзади и вознамерился выхватить сумочку. Но не на ту напал. Я крепко сжимала ручки и не хотела расставаться с зарплатой, из которой была потрачена только малая часть. Я бросила пакет с продуктами на землю, ухватилась за ручки сумки двумя руками, борьба продолжилась в нижнем партере, потому что я упала на колени. Но свое имущество отдавать не собиралась. На мое счастье в тихом переулке

появился грозный субъект. Он дал преступному элементу легкий подзатыльник, от которого он улетел на три метра, выпустив мою сумку. В итоге я завалилась на спину. Элемент сбежал, грозный субъект помог мне встать на ноги. Я оценила свои потери. Чулки на коленях подраны, на самих коленках – живописно-кровоточащие ссадины, пальто испачкано в грязи, носки сапог облупились.

Одним словом, бомжеватая красавица!

- Больно? – с сочувствием в голосе спросил спаситель.

- Нет, не очень, - скривилась я от боли.

- Павел, - назвался он.

- Лукерья.

- Пойдемте ко мне домой... - начал он.

Сейчас, разбежалась, - подумала я, - из огня, да в полымя!

- У меня жена врач, она окажет вам помощь, - между тем вещал мужчина. – И не смотрите на меня с таким подозрением. Людям надо доверять.

- Ладно, - согласилась я, проникаясь указаниями совершенно не грозного субъекта, назвавшегося Павлом.

Так я познакомилась с Наткой. Родигины поразили меня своей бескорыстностью. Это наидобрейшие, наихлебосольнейшие люди, веселые, радушные, открытые. Они всегда встречают тебя с улыбкой, никогда не лезут в душу без спроса, но если ты решил открыться, то внимательно тебя выслушают и навсегда откроют для тебя двери своего дома. Так случилось в мой первый к ним неожиданный приход. Родыгины никогда не осудят, если ты привел к ним кого-то. Друг их друга - их друг.

Жаворонкова я вести в их дом не хотела. Не знаю почему. В доме Родыгиных я чувствовала себя другим человеком, будто оставляла за порогом все свои проблемы, как верхнюю одежду или обувь.

Один раз я пришла со своим «самоваром» – Игнатом Сипетиным – и это был самый скучный праздник. Будто «самовар» был мне постоянным напоминанием о том, что я не та, за кого себя выдаю. А где я настоящая? Может быть, именно, здесь, в гостеприимном доме Родыгиных. Веду себя естественно, не ожидаю удара под дых, не боюсь услышать обидных слов, на которые отвечу идиотским смехом. Здесь я искренне веселюсь, хохочу до слез, звонко кричу, пою и часто фальшивлю, и снова хохочу от того, что фальшивлю и не пугаюсь этого. Я обожаю Родыгиных, а они обожают всех своих друзей, с которыми мы сроднились, с которыми мы встречаемся по случаю дня рождения хозяев и их очаровательных дочек-погодок - Ирочки и Наденьки, ну, и конечно, для встречи нового года. И подросшие девчонки не стремятся улизнуть в свою компанию, они с удовольствием проводят время в кругу друзей своих родителей. Натка говорила, что у Ирочки появился поклонник, но пока рано вводить его в общество.

Значит, сегодняшней темной лошадкой не будет засекреченный жених.

Ладно, потерпим до вечера.

Я отправилась в магазин за хлебом, зафиксировав количество батонов и буханок на клочке бумажке, чтобы не перепутать.

Бодро прошагала через двор, не боясь появления Георгия. Видимо, он с утра куда-то укатил, потому что его автомобиля на стоянке не было. Я облегченно вздохнула, хотя, пыталась себе внушить, что начинаю новую жизнь, полную ярких приключений, где нет места страхам разного уровня.

Митька тоже пока не звонил. Я держалась и тоже его не беспокоила.

Как всегда звонок раздался в самый неподходящий момент, когда подошла моя очередь на кассе.

Я решила отомстить Жаворонкову. Мелко и примитивно.

- Не могу сейчас с тобой разговаривать, позже перезвоню! – скороговоркой произнесла я и отключилась, испытав дурное счастье.

И не буду я тебе перезванивать!

И не стала!

И он не перезвонил, наверное, решил, что я слишком занята и не могу оторваться на минуточку.

Три часа я потратила на сборы, желая быть неотразимой. Мало ли! Вдруг к Родыгиным придет загадочный незнакомец, не обремененный брачными узами?..

Павел Родыгин меня сразу не узнал. Даже наличие в моих руках гитары не привело его к догадке. Он учтиво пожал мою руку, не спросив имени, но весь его вид – напوماжено-наглаженный и одновременно скрыто-удивленный – явно намекал, что маленькая разбойница в шикарном платье ошиблась дверью. Но будучи человеком, хоть и грозного вида, но весьма сдержанным и легко спихивающим решение проблем на хрупкие плечи супруги, решил дожидаться ее появления.

Та не замедлила явиться в украшенный холл, всплеснула руками и с чувством произнесла.

- Во всех ты, душечка, нарядах хороша, а сегодня так и вовсе неотразима?

Павел тарачил на меня глаза, потом хлопнул себя по лбу огромной пятерней и воскликнул:

- Лучок! А я-то думаю, где видел эти необыкновенные глаза?! Ну, мать, ты даешь! Еще краше стала!

- Неужели? – повела я бровью.

- Нет, ты всегда была очаровательна, но сейча-а-ас! Куда мужики смотрят?

- На своих жен! – брякнула я. – Надеюсь, сегодня найдется хотя бы один молодой и холостой?

Сконфуженное переглядывание супругов дало понять, что мне сегодня не отломится.

- Темная лошадка пришла?

- Пока нет, ждем с минуты на минуту. Проходи, все почти уже в сборе.

Мы перешли к привычному братанию и высказыванию предположений, кто сегодня появится в доме Родыгиных?

Натка сказал, что гостей будет двое. Мы возмущенно зашумели, выразив недовольство новыми гостями, которые заставляют общество их ждать. Чтобы нас утихомирить, Павел предложил выпить по рюмашке за уходящий год. Мы в ответ - за гостеприимных хозяев. За каждого в отдельности. За их прекрасных дочерей.

- Хорошо, что мы не разводим аквариумных рыбок, а то вы бы перепились до боя курантов, - рассмеялась Натка, чокаясь с каждым гостем.

В половине двенадцатого в дверь позвонили.

Хозяйка ввела в гостиную опоздавших.

Едва пара переступила порог, я чуть не выронила бокал.

«Темной лошадкой» был Иван Родионов, рядом стояла его молоденькая супруга, которая без боевой раскраски выглядела еще моложе. Мне показалось, что у нее припухшие глаза. Наверное, долгие споры о внешнем облике привели к скандалу и слезам. В тоге они опоздали, но муж вышел в схватке победителем. На девочке было одето скромное платье приличной длины, длинные волосы стянуты в лошадиный хвост.

- Знакомьтесь! Это Иван Родионов и его очаровательная супруга Маргарита.

Натка исчезла в кухне. Я выскользнула вслед за ней.

- Откуда ты их взяла? – придушенным шепотом спросила я.

- Что значит, взяла? Они не куклы, чтобы в магазине покупать, и не попрошайки, чтобы на улице подбирать.

- Прости, я неправильно выразилась: откуда ты их знаешь?

- Девочку я впервые вижу, а Ивана видела пару раз, когда забегала к Пашке в банк.

- Так они вместе работают! – догадалась я. Я забыла, что Павел Родыгин был заместителем начальника службы безопасности крупного банка.

- А ты с ним знакома?

- Виделись один раз, - промямлила я.

- Тебе неприятно его присутствие? Если да, то...

- Натусь, не переживай, все нормально, - поспешила успокоить я подругу, - напротив, я рада его увидеть, как раз хотела с ним кое-то обсудить.

- Все деловые разговоры сегодня под запретом!

- Я знаю.

- Ты... в него влюблена?

- Тю-ю-ю, совсем с ума сошла! Он мне в сыновья годится!

- Тю-ю-ю, - передразнила меня хозяйка, - тоже мне мамаша нашлась! Если ты его растормошишь, я буду только за! Пашка говорил, что девочка его извела совсем! Заставила на себе жениться, заявив и, что она беременна от него. И он, как джентльмен...

- А на самом деле?

- Кто его знает?! Ваня любит мальчика, ничего не хочет слышать о боевом прошлом своей супруги. Мне кажется, она до сих пор не угомонилась.

- Также Пашка рассказывал?

- Он об этом рассказывать не станет. У меня есть свои осведомители в банке... Все Ивана жалеют, а он ходит с повязкой на глазах, все в клювике в дом несет. Он сынишке и за отца, и за мать.

- Маргарита сама еще ребенок.

- Я Ирочку в девятнадцать лет родила, но мне в голову не приходило, чтобы по подружкам мотаться. Впрочем, я никого не осуждаю. Это их жизнь. Если их всё устраивает...

- Сразу видно, Ваня хороший парень.

- Хороший, - согласилась Натка, усмехнулась и добавила, - но слабохарактерный.

- Девчонки, вы чего здесь уединились, скоро президент будет выступать!

Павел обнял нас за плечи и повел в гостиную. Мое настроение грозило испортиться. С приходом Родионова я ощутила присутствие своего «самовара».

А может, это судьба! – успокоила себя я, исподтишка наблюдая за четой Родионовых. – Надо бы выбрать удобный момент и пообщаться с бывшим полицейским. Не важно, что у него срок службы в полиции с гулькин нос, он больше соображает в деле поиска, чем я.

В первую встречу Родионов показался мне забитым жизнью человеком с массой проблем, который выстрелил из лука и попал не в ту лягушку. Попал-то он и не в ту, но сегодня он выглядел иначе - веселым компанейским парнем. Только этот парень почему-то никак меня не выделял из многочисленных гостей. Или делал вид, что мы не знакомы. Я открыто смотрела на него, он встречался со мной глазами, но не спешил их отвести, задерживал внимание, по лицу пробегало мимолетное напряжение, будто он силился вспомнить, где меня видел.

Ясно – новый имидж создал проблемы узнавания. Интересно, как на мое изменение прореагирует Жаворонков?.. А причем здесь Жаворонков?! Гуляет он где-то на стороне, пусть себе гуляет. В смысле не гуляет, а встречает Новый год, это разные вещи. А может, и гуляет, а от меня скрывает. Что ж, желаю ему счастья в семейной и личной жизни!

Линия настроения снова поползла вниз, как горка снега при таянии с карниза.

Проходя мимо меня Натка шепотом спросила:

- Что-то не так?

- Все нормально, - натянуто улыбнулась я, даже скулы свело, словно съела кислущий мандарин.

- Точно? А то ты бледная очень.

- Душно.

- Давай выйдем на лоджию подышим.

- Не надо привлекать к себе внимание, - сказала я и благодарно пожала подруге руку.

- Ну, смотри, если что, я рядом.

В написанный хозяйкой сценарий всегда вносились коррективы. Находился гость, фонтанирующий идеями и экспромтами. Сегодня таким фонтаном неожиданно явился

Иван. Его супруга, напротив, вела себя скованно, сидела в уголке с бокалом шаманского и медленно потягивала его. Видимо, ей была дана такая установка. Значит, Маргарита дорожит браком с Родионовым, а я, как всегда, ошиблась в своих скоропалительных выводах.

Ваня предложил сыграть в свою игру. Он будет про себя говорить алфавит, один из нас его остановит. Выбранная буква будет служить началом игры.

- Игры во что? – не дослушав затейника до конца, поинтересовалась я, пытаюсь любыми способами привлечь его внимание.

- Для игры в пародии! Для начала мы вспомним всех известных людей, чья фамилия или имя, без разницы, начинаются на эту букву, после чего найдется человек, способный сделать пародию.

- А если желающий не появятся? – занудным голосом спросила я.

- Мы выберем его сообщца. Но думаю, желающие найдутся. Судить мы строго не будем, главное условие – рассмешить!

- Поэтому нужно выбирать колоритных персонажей, - подсказала я.

- Верно!

- А реквизит? А грим?

- Это необходимо, - поддержала меня Натка, - но кое-что у меня есть...

- Обойдемся минимальными средствами, чтобы не тратить много времени на преобразование.

Раз я такая «болеющая душой», то на меня была возложена важная миссия – я должна была останавливать Родионова.

Он оказался парнем хитрым. Если я быстро его тормозила, он неожиданно называл букву «Ю», если выдерживала паузу, а потом говорила «Стоп!», он с серьезным видом говорил: Буква «В». Нас это еще больше веселило, азарт разгорался все сильнее и сильнее, желающие сделать пародию находились каждый раз, долго искать их было не нужно. Решили оставить политиков и других серьезных личностей в покое, сосредоточились на нашей и зарубежной эстраде.

От смеха у меня уже болели ребра и живот. Особенно одному участнику игры удалось пародия на Челентано. Большую роль играла фонограмма, которую услужливо предложила хозяйка. Натка любила послушать музыку, поэтому у нее было огромное количество музыкальных дисков, которым нашли применение. Участникам лишь оставалось умело открывать рот и делать похожие телодвижения. «Челентано» делал сногшибательные движения, «завел» публику, которая превратилась в его подтанцовку.

- Что они творят! – вытирая слезы, кричала Наталья, при этом активно хлопала в ладоши и подбадривала певца и танцоров.

В следующий раз выпала буква «П». Кто-то назвал Петросяна, и на него сразу замахали руками. Кто-то – Пугачеву, но она проходила на букву «А» - Алла. На нас напал ступор. Потом посыпалось – Пенкин, Потап, можно с Настей, Пьер Нарцисс...

- Стоп, стоп, стоп! - призвала к порядку Наталья. – Почему надо заикливаться на эстрадных исполнителях? – спросила она, обращаясь ко мне. И незаметно подмигнула.

С чего бы это? Заметила мой интерес к сослуживцу мужа? Но сводней подруга никогда не выступала, всегда стояла за сохранение семьи и за умение прощать друг другу ошибки. Но своего супруга держала в ежовых рукавицах, несмотря на то, что Павел «на сторону» никогда не смотрел, жену боготворил, детей обожал. Более примерных отцов и мужей я не встречала. Возможно, еще таковым был Митька. Но почему-то Элка Мейбель от него ушла? Или она так полюбила моего первого супруга со всеми его недостатками, что забыла о достоинствах своего? Нет, в разводе всегда виноваты оба супруга. Как бы я не строила из себя жертву мужского произвола, понимаю, какой подарочек получали все мои мужья.

- Натусь, что ты предлагаешь? – подобралась я, словно уже была готова идти на край света с одним из гостей.

- Я предлагаю... - хозяйка выдержала интригующую паузу, - изобразить пришельцев из прошлого! Заметьте, буква «П» фигурирует!

- И что дальше? – заинтересовался Иван Родионов, переводя взгляд с меня на Натку, с Натки на меня, будто пытался разгадать наш сговор.

- Два человека наряжаются в костюмы начала прошлого века и идут на улицу... Идут на улицу дышать свежим воздухом! – пристально глядя на меня, с нажимом произнесла подруга.

- Ну, идут! И что? – не поняла я. В моей голове вертелась уговаривающая фраза из легендарной комедии: «Брюки превращаются, превращаются брюки...»

- Задача пришельцев заключается в следующем - они должны спросить у первого встречного, я подчеркиваю – у первого встречного: «Правда ли, что они попали в двадцать первый век?» Каждый из нас в это время напишет на клочке бумаги возможные ответы этого первого встречного. Надеюсь, друзья мои, вы будете сдержанны в выражениях.

- Народ на улице уже в подпитии, может выразиться неадекватно, - на полном серьезе подсказал Павел.

- Нужно написать близко к тексту, - смилостивилась его супруга. – Где надо поставить многоточие. Мы культурные люди, хоть, тоже в подпитии. Как вам моя задумка?

Все дружно загалдели, выражая поддержку.

- А кто пойдет на улицу? – спросил недавний Челентано.

- Пойдут те, кто профилонил предыдущие конкурсы! Ишь, пристроились на теплых местах руководители! – она указала на меня и Родионова.

Я непроизвольно проследила за реакцией супруги Ивана, которая попивала шампанское и изучала гостей сквозь стекло фужера.

- Я согласен! – кивнул головой молодой мужчина.

- Тогда я тоже согласна. Но во что нам переодеться?

- Лучок, ты наденешь мою длинную шубу, думаю, такие в те времена тоже носили, и шляпку с вуалью. Помнишь, я ее на прошлый Новый год себе соорудила? Чем не дама из дореволюционных времен?! А Ваня... С Одеждой Ивана будет посложнее.

- Я дам ему свое драповое пальто, - предложил «Челентано», который находился на седьмом небе от успеха и не хотел, чтобы про него быстро забыли.

- Пальто это хорошо, - задумчиво протянула хозяйка, оглядывая гостей. Плечи одной женщины обволакивал лисий хвост. – Мила, дай-ка сюда шкурку! – приказал Натка. – Мы приложим ее к драповому пальто, Ваня станет похож на Шаляпина. Помните, на портрете кисти Кустодиева?

- Там на Шаляпине была шуба, - вставила Мила с обидой: расставаться с лисьим хвостом ей не хотелось, он искусно прикрывал ее конопатые плечи. Но пришлось подчиниться.

- Один черт, шуба или пальто с лохматым воротником, - отмахнулась Натка, - нужен головной убор. У кого есть предложения?

- У нас есть старая меховая шапка. Куполообразная. Наташа, ты ее обшила голубой материей и прилепила блестящие снежинки, когда была снегурочкой, - вспомнил Павлуша. - Надо быстренько всё содрать и будет шапка для Шаляпина. Точно, как у Кустодиева.

- Сейчас мы всё исполним, сейчас мы всё соорудим, – потирая руки от радости, воспела хозяйка. – Неплохо бы еще шапочку найти, - с милой улыбкой обратилась она к мужу.

- Она в прихожей лежит, я подумал, вдруг тебе в голову придет идея вновь стать Снегурочкой.

- Я двух снегурочек воспитала, пришел их черед, - деловым голосом доложила мать, указав на дочек, и приступила к превращению головного убора внучки Деда Мороза в головной убор великого оперного баса.

Когда мы нарядились в «дореволюционные» костюмы, Натка критически нас осмотрела и выпроводила за порог. Мы услышали, как она сказала.

- А теперь, дамы и господа, девочки и мальчики, прошу записать на бумаге свои предположения...

Родыгины жили в тихом переулке, несмотря на то, что это был центр города. Надо было пройти несколько метров, и сразу окажешься на оживленной улице. Неподдалеку находилась главная городская площадь с главной новогодней елкой.

По переулку не шатались прохожие в поисках приключений, поэтому мы отправились в более оживленные места.

Рядом с Иваном я чувствовала себя неловко. И теперь радовалась, что он меня не узнал. Иначе пришлось бы объяснять, что я – заезжий гастролер – делаю у Родыгиных, считающий меня своей? К одной лжи приклеивается другая ложь, и так далее. Пока не заврешься окончательно. Поэтому я решила пока помалкивать.

А как же желание посоветоваться со знающим человеком?

- Как вас странно друзья называют – Лучок? Вас зовут Лукерья? Я вас узнал, но не сразу. За короткое время вы очень изменились.

- В лучшую сторону? – не сдержалась я от вопроса.

- Вы и тогда были очень красивой, а сейчас... необыкновенно хороши!

Дипломат, - мысленно фыркнула я, гордо расправив плечи. Наткина шуба величественно мела тротуар.

Иван загородил мне дорогу.

- Ничего не хотите мне... рассказать?

Наверное, ему хотелось получить объяснение причины нашего визита в его дом? И он мягко предложил мне во всем признаться.

Об этом я и думала весь вечер.

- Это займет много времени, двумя предложениями не ограничишься.

- Я мы разве спешим? Надо дать людям возможность придумать несколько версий ответа первого встречного.

- Тогда слушайте...

-... И тот человек назвался Арсением Ивановичем Родионовым? – удивился он, выслушав мою историю. – Он был похож на моего отца. И скрылся после того, как вы попросили предъявить паспорт... Странно, странно...

- Не знаю, что и думать, - развела я руками.

- Сейчас не время строить догадки. Давайте обменяемся номерами телефонов, встретимся и всё хорошенько обсудим.

- Давайте.

- А у моей матери вы не были?

- Нет. Мы и не собирались к ней.

- И правильно, она такая мнительная. Поведаете свою историю о сослуживце отца по имени Сергей, она разволнуется... Ни к чему это. Я сам у нее про папиных родственников спрашиваю. Вдруг был среди них изгой, с которым знаться никто не желает. И не вспоминает никто...

Мы бодро зашагали дальше.

Мне стало легко и весело. По-настоящему весело, а не искусственно, как последние недели. Я разделила свои думы на два...

И первый встречный, и второй, и третий нас не слушали. Они поздравляли нас с Новым годом и лезли обниматься.

Мы уже отчаялись встретить нормального человека. Но он нашелся.

У обочины дороги, прямо под уличным фонарем, стоял пожилой мужчина и провожал взглядом несущиеся автомобили. Мы с Ваней решили, что он кого-то ждет, и посчитали возможным завести с ним беседу.

Мы степенно приблизились к нему. Решили, что именно так прохаживались пары в начале прошлого века по мостовой.

- Добрый вечер, - хорошо поставленным голосом поприветствовал незнакомца Иван Арсеньевич Родионов.

Я склонила голову в приветствии.

Мужчина оторвался от промелькнувшего авто, смерил нас оценивающим взглядом и буркнул:

- Здравствуйте.

- Извините, что отвлекаем вас от важного занятия, но не могли бы вы ответить на один, казалось бы, простой вопрос?

- Ну? – «приветливо» отозвался незнакомец и сдвинул на затылок кепку, намекая, что весь во внимании.

- Неужели вы живете в двадцать первом веке? – придушенным шепотом спросил «дворянин» в шикарном пальто с лисьим воротником.

Мы напряглись, ожидая ответа. То, что он не будет поздравлять нас с новым годом и вешаться на шею, мы поняли сразу, поэтому и выбрали его – устали бродить по улице. Я просчитывала в уме варианты ответа, но пока наш визави не спешил порадовать или огорчить кого-то из гостей Родыгиных. Или нас с Ваней. Предварительно мы высказали свои предположения. Мой спутник утверждал, что нам скажут: Закусывать надо! А я думала, что нам предложат выпить еще, чтобы легче было разобраться в сложной ситуации.

Мужик внимательно осмотрел нас снизу вверх, потом сверху вниз, вернул на положенное место кепку, осуждающе поцокал языком и отвернулся.

Цоканье нас не успокоило.

Пришлось вступить мне.

- Вы нам не ответили, а мы не знаем, что и думать. Шли по улице, и вдруг что-то рядом взорвалось, мы зажмурились, а когда открыли глаза, то поняли, что... оказались в другом месте. И ладно бы в другом месте, а то в другом времени. Спросили у одного господина, а он сказал, что... все вокруг встречают две тысячи четырнадцатый год. А мы шли из гостей, где встречали тысяча девятьсот четырнадцатый год.

Мужик покосился на меня, хмыкнул и отвернулся. Хмыканье нас тоже не устроило.

Азарт разгорелся еще сильнее.

Незнакомец выпадал из общей массы гуляющих - был трезв, как стекло, и хмур, как ноябрьское небо, поэтому рано или поздно должен был прореагировать на наше заявление.

- Что же нам делать? – испуганно обратилась я к своему спутнику. – Как вернуться назад?

- Даже не знаю, что тебе ответить, - сдержанно произнес он. – Но судя по странным движущим средствам, мы точно перенеслись вперед по времени. И одеты все люди иначе.

Мы топтались рядом с мужчиной и не собирались искать другую жертву. Нам эта жертва очень импонировала своим поведением.

- Кажется, я придумала! – глупо воскликнула я и захлопала ресницами, - надо найти деда Мороза и попросить исполнить наше желание.

Незнакомец снова хмыкнул и поднял воротник куртки, словно отгородился от нас. Но покидать натоптанного места не собирался.

- Девочка моя, ты еще такой ребенок! – ласково промурлыкал мой спутник и провел ладонью по моей щеке.

- Я замерзла, - занудила я и притопнула ножкой.

- Иди ко мне, моя куколка, я тебя согрею.

Ваня распахнул полы своего пальто и запустил меня в теплое нутро.

Подобная близость мне понравилась, но, увы, не вызвала батутных прыжков сердца, как это было с Митькой Жаворонковым, с которым я изображала дружеское безразличие. С Иваном я могла спокойно изобразить блаженство.

А Митя так и не позвонил мне больше. И я ему не перезвонила.

- Да, перемахнуть сто лет это не шутка, - доложил мне Родионов, прижимая меня к себе. Провел взглядом по звездному небу, как это делают люди, когда наблюдают за конверсионным следом самолета, и снова сосредоточился на мужчине, которому был обращен наш диалог.

- Не шутка, - поддержала я его, непроизвольно подключаясь к изучению звездного неба. Мои губы случайно натолкнулись на мужской подбородок, я не сдержалась и чмокнула этот гладко выбритый подбородок, приятно пахнувший чем-то знакомым. И едва не извинилась.

Ваня не остался без ответа - поцеловал меня в губы. Слегка мазнул, будто это и не поцелуй, а так. Я дернула головой в сторону стоящего рядом незнакомца, оправдывая свое поведение.

Родионов приподнял вуаль шляпки и прошептал.

- У тебя очень красивые глаза. Необыкновенно красивые.

Кажется, я это уже слышала.

Он сказал совершенно искренне, в правила игры это не входило. Я ожидала, что он тоже покосится на мужчину, но он продолжал изучать мои глаза, будто любовался своим отражением. Но я точно знала, что не любит. Самолюбование в его привычки не входит.

Я сама не любила постоянно смотреться в зеркало, чтобы проверить, все ли нормально с моим лицом, и меня жутко раздражали люди, которые постоянно проверяют: вдруг у них неожиданно стал расти нос? Столько лет не рос, и неожиданно начал, будто съел что-то ускоряющего для роста отдельных частей лица. Раздражение усиливалось, когда дело касалось мужчин.

Я не знала, что ответить на комплимент. Поблагодарить? Глупо. Промолчать? Нетактично. Радостно захихикать? Так благородные мадам не делают. И они никогда не обнимаются при всем честном народе.

Промашечку мы с вами дали, господин Родионов.

Я высвободилась из приятных объятий симпатичного дворянина и встала в позе фарфоровой куклы, устремив взгляд на незнакомца, который все свое внимание устремил на автомобили. Сдались они ему!

- Если мы, действительно, попали в двадцать первый век, то нам просто необходимо найти человека, который поможет нам здесь освоиться, - обреченным голосом сказала я, обращаясь к спине незнакомца. - Хотя бы даст нам приют на одну ночь. А там посмотрим.

Спина пришла в движение, намекая на недовольство. Видимо, «найти приют» у этого человека нам не суждено. Как не суждено услышать его голос.

Я взяла Ивана под руку и потянула подальше от этого безразличного мужчины. Но Иван уперся и не сдвинулся с места.

- Последняя попытка, - шепнул он мне на ухо.

- Господин, вы не нуждаетесь в нашей помощи?

Господин повернулся и снова посмотрел на нас удивленным взглядом, будто впервые увидел.

- Вы, - он ткнул в нас пальцем, - не можете мне помочь! Терпение и только терпение!

Мы заинтересовались.

- Вы кого-то ждете? - с участием спросила я.

- Жду! - важно сообщил мужчина, придвинулся к нам вплотную, обдав запахом пота. Наверное, напряженное ожидание зашкаливало, гормон стресса делал своё дело. Или причина гораздо проще - он пренебрегал правилами личной гигиены. Мне пришлось сдать немного назад, а странный субъект между тем решил поделиться с нами великой тайной, сократив расстояние до минимума. - Мне было сообщение!

- Какое сообщение? - хором заинтересовались мы, позабыв о собственных «проблемах».

- Инопланетяне должны прилететь, - сдавленным шепотом доложил он и многозначительно подмигнул.
- Так вам надо на аэродром, - посоветовал ему без улыбки Ваня.
- Мне приказано ждать здесь! – мужчина указала пальцем на место, где он стоял. Только сейчас мы заметили букву «В», нанесенную белой краской на асфальте.
- Это вы сами написали? – заинтересовалась я.
- Нет, это они. Для меня. Сказали, что подъедут на обычном автомобиле, подхватят меня и довезут до своего космического корабля.
- Как все запущено-то, - тихо проговорила я, отворачиваясь от мужчины. – Вань, пойдём отсюда.
- Погоди... - он снова обратился к незнакомцу. – Вас дома ждут, волнуются. Шли бы вы...
- Сам иди в свой четырнадцатый год!.. Тоже мне проблема! – захохотал мужчина, - они перенеслись на сто лет вперед! Радуйтесь, столько войн перемахнули, репрессий избежали. После четырнадцатого года, после первой мировой войны всё в стране пошло наперекосяк. Вот так то!... А теперь идите отсюда, вы мне мешаете сосредоточиться! – он отчаянно задергал кистями рук, словно отмахивался от надоевших мух.
- А вы кто по профессии? – спросила я, не реагируя на его приказание.
- Я всю жизнь физикой занимаюсь, милая девушка, - совершенно нормальным голосом произнес человек.
- Сделал открытие и крыша поехала, - сообщила я на ухо Ивану.
- Нельзя его здесь бросать. Надо отвести его домой, - таким же способом отреагировал на мою догадку Родионов.
- Как ваша фамилия? - просюсюкала я, словно разговаривал с маленьким ребенком, который никак не мог вспомнить, как его зовут и где он живет?
- А вам зачем? – нахмурился мужчина и несколько раз клацнул зубами. То ли хотел меня напугать, то ли окончательно продрог на морозе. Я сама успела околеть, несмотря на роскошную длинную шубу Натуси.
- Я просто так спросила, из интереса.
- Алиферук моя фамилия. А зовут Геннадий Титович.
- Как?! Г...геннадий Т..титович?! – совсем обалдела я. – Геннадий Титович, неужели это вы? Я вас не узнала! Вы очень изменились, - затараторила я, не допуская мысли, что передо мной мой бывший свекор, с которым прожила под одной крышей два с половиной года. Из бодрого, довольно упитанного мужчину он превратился в трухлявую скелетообразную развалину.
- А ты кто?
- Я Лукерья, когда-то была женой вашего сына Феликса. Помните? А как поживает Изольда Христофоровна?
- Алиферук-старший окончательно запутался, как девушка, перемахнувшая через столетие, может быть женой его сына?
- Я не знаю никакой Лукерьи! – зло бросил он, - а моя супруга... Моя Изольдушка умерла. – По его морщинистым щекам быстро побежали слезы. Он не обращал на них внимания.
- Умерла! – ахнула я, - не может такого быть! – не поверила я: женщины, подобные моей бывшей свекрови, живут вечно, потому что питаются кровью молодых девушек, выбирая их в спутницы своего отпрыска.
- Умерла, - печально подтвердил он, понурился, - почитай почти год прошел.
- Почему Феликс выпустил вас из дома одного?
- Феликс?! – он задумался, вспоминая человека с таким именем. – А, это мой сын! Так он уехал в Америку, а меня отдал.
- Кому отдал? – испугалась я.
- Докторам на растерзание. Напоследок сказал, что там таким сумасшедшим и место! А я не сумасшедший! – взвизгнул он. – Он сам сумасшедший, раз Родину бросил. Искать счастье на чужбине могут только круглые дураки! Вот!

- Что с ним делать? – спросила я у Родионова.

Мы не успели ничего придумать, как возле нас остановился полицейский автомобиль.

Иван обрисовал им ситуацию, один из ребят мягко подхватил Геннадия Титовича под руку и повел к машине.

- Вы приехали?! - радостно завопил Алиферук. – Наконец, вы приехали!

- Вы не волнуйтесь, - обратился к нам полицейский, - мы его уже несколько часов ищем, вернем на место в целостности и сохранности. Он безобидный, но хитрый. Уже несколько раз сбегал из лечебницы. Никто не может понять, как ему это удается?! Жаль, старикана, говорят, крупный ученый был...

- Ваня, что-то мне расхотелось веселиться. И расстраивать гостей не хочется. Что делать?

- Ты молчи, я сам придумаю историю. Ты только кивай и улыбайся. Улыбаться ты в состоянии?

- В состоянии. Но мне очень захотелось домой, на свой любимый диван.

- Так уже половина пятого утра. Новогодняя ночь почти прошла. Скоро все разойдемся по домам, потерпи немного.

Нас давно ждали.

Родионов поведал им трогательную историю о том, что нам попала женщина, которая заверила, что ее муж изобрел машину времени. Он может нас отправить назад, но прежде надо выпроводить из квартиры Владимира Ильича Ленина и Иосифа Виссарионовича Сталина. Не слышали о таких? И слава Богу! Лучше с ними не встречаться...

Мы еще спели несколько песен, в репертуаре были сплошь лирические произведения.

Потом мы дружно попрощались с хозяевами. Ваня прихватил свою пошатывающуюся супругу, мы вместе вышли на улицу.

- У тебя необыкновенный голос.

- Как и глаза, - подсказала я.

Маргарита висела на его плече и спала. Ее полуприсутствие меня раздражало.

- Я тебя провожу, - сказал он, будто был один.

- Не нужно, я легко доберусь на такси. Вези Риту, она устала.

- Нельзя оставлять жену без внимания, - назидательно произнес Иван, будто это я оставила свою вторую половину наедине с бутылкой шампанского.

- Ей просто было не интересно в нашей компании. Мы для нее старенькие.

- Или она для НАС слишком молода... Я тебе позвоню?

- Я надеюсь на твою помощь, - деловым голосом произнесла я. – Езжайте уже!

Они сели в такси и уехали. Я пошла пешком. Хотелось поразмышлять о случайностях судьбы.

И о Митьке, с которым завтра или уже сегодня должно состояться лежачее ничегонеделание. Или все отменяется? Ему есть с кем лежать на ковре и вспоминать смешные случаи из прошлого года.

А я позвоню и спрошу беспечным голосом: «Ну, что, дорогой друг, все остается в силе?..»

Всех знакомых я поздравила еще накануне, включая Жаворонкова, которому послала СМС-сообщение. Родителям позвонила сразу после боя курантов. Пожелала им крепкого здоровья, они мне - исполнения желаний! Благодарствую! У меня этих желаний, как грибов в лесу после затяжных дождей.

Дмитрий не соизволил меня поздравить, очень занят.

Я запоздало вспомнила о мобильнике. Достала его из сумки, чтобы проверить пропущенные входящие звонки. Звонили многие, а от приятеля пришла СМС-ска. Все, как обычно, без изысков - поздравляю, желаю. И с грамматическими ошибками. Или опечатками. Был пьян или кто-то отвлекал внимание.

Спасибо и на этом. Не забыл.

Внутренняя расслабленность привела к тому, что я едва не заснула на ходу. В результате остановила такси и поехала домой...

Меня разбудил телефонный звонок.

- Ку-ку, дорогая! – услышала я.

Ответное приветствие застряло в горле и вызвало надрывный кашель.

С трубкой в руках я двинулась в сторону кухни, судорожно налила воды из чайника и сделала несколько глотков, чтобы унять кашель.

- Ты заболела? – заботливо поинтересовался Жворонков.

- Сам ты заболел! – возмутилась я. – Нормально можно было поздороваться?! Что это за глупое «Ку-ку, дорогая!» Эта дорогая точно уже ку-ку после твоих приветствий.

- Извини, я не подумал. Ты столько раз мне говорила это сочетание, что оно мне к языку приклеилось.

- Приходи ко мне, у меня есть растворитель, я живо удалю ненужное с языка, - не растерялась я и подумала: здорово я ввинтила приглашение. Вот сейчас и узнаю, ждешь ли ты меня в гости или нет?

- Приходи лучше ты ко мне, - предложил Дмитрий.

- А в прошлом году мы у кого валялись первого января?

- У меня.

- Значит, в этот раз встречаемся у меня.

Жворонков быстро согласился, что было удивительно: он всегда предпочитал свою территорию. И это меня радовало: не боится, что нам помешает неожиданно пришедшая без приглашения зазноба. Некому приходить? Или он продолжает встречаться на нейтральной территории, прикрываясь болезненной мамашей?

Это его дело, я вхожу в его дом и ладно. Развивать тему далее не было смысла, иначе растеряю бодрость духа, внезапно посетившую меня после короткого промежутка сна. И, естественно, не малую роль в позитиве сыграл звонок любимого человека.

Я выпила кофе, стоя у окна и любясь солнцем, лежащим на крыше соседней высотки. Потом приняла контрастный душ. Телефон я притащила в ванну, чтобы он был под рукой. Вдруг кто-то позвонит?

И не кто-то, а Иван Родионов.

Я не разбрасываюсь чувствами, как крестьянин семенами в весеннюю пору. Мне хотелось обсудить кое-какие моменты относительно нашего начинающего расследования. Ни с кем другим я больше не буду обсуждать свои опасения, высказывать предположения. В новогоднюю ночь я упустила из вида покушение на Марту Ризванюк. В силах Родионова навести справки относительно этого преступления. Если в соседской квартире был обыск, все было перевернуто вверх дном, то становится ясно, что это был элементарный грабеж, ко мне он не имеет никакого отношения. А если все предметы мебели остались на своих местах, если кубышка с деньгами на месте, то это наводит на нерадостные выводы.

И Ваня позвонил, когда я облачалась в махровый халат. Он поздоровался, спросил, как дела, я тоже «шаркнула ножкой», поинтересовалась самочувствием супруги. Он коротко ответил, что она спит, а сын еще гостит у бабушки и прабабушки.

- Сейчас поеду к ним, - счастливым голосом доложил Родионов, видимо, соскучился по малышу.

Я рассказала о своей соседке.

- Думаешь, это как-то связано с визитом к тебе рыбака? – спросил Иван, не называя моего визитера именем своего отца.

- Не знаю, просто странно все совпало. Марта Архиповна занимается кредитованием уже много лет, а в квартиру влезли только сейчас.

- В числе ее кредиторов мог появиться новый человек с богатым преступным прошлым, которому убить также легко, как тебе вынести мусор... Но постараюсь узнать, что накопили мои коллеги.

- Спасибо.

- Я хочу разобраться в этом деле. Меня оно тоже касается, раз твой подозрительный гость превратился в Арсения Ивановича Родионова.

- Может, все-таки совпадение? Его, правда, так зовут, и искал он Машу.

- Для начала надо выяснить, были ли случаи утопления в близь лежащих водоемах? Нашли ли тело? Если были и нашли, то установили ли личность погибшего?

- Я тебе очень благодарна, Иван! – с чувством сказала я. Прямо камень с души свалился, не знала, с какой стороны подобраться к этому делу.

- А ты сегодня что делаешь?

- Ко мне гости придут, - промямлила я. Сразу ясно, что это не гости, а гость, а встреча носит интимный характер.

Но дальнейшие объяснения могли усугубить ситуацию, поэтому я быстро попрощалась и занялась приготовлением легких закусок.

Бутерброды с икрой и с красной рыбой, мясная нарезка, апельсины-мандарины, консервированные ананасы, киви, бананы, яблоки. И большая бутылка мартини. Подумала и присоединила бутылку сладкого шампанского.

Оглядела убранство стола на низких ножках и осталась довольна. Прекрасная хозяйка! И шустряка.

Натянула новые джинсы и красную футболку. Полюбовалась великолепным педикюром и решила, что буду ходить босиком и сверкать круглыми пятками. Пятки разжигают у мужчин страсть похлеще, чем другие части тела.

Митька опешил, увидев мое внешнее преображение. Долго вертел меня в разные стороны, восхищался и прижимал к себе. А я таяла в его объятиях, как мороженое в руках медлительного человека. Compliments сыпались мне на голову, как конфетти.

Он притащил коробку конфет, бутылку шампанского, фрукты и... упакованный в фольгу горячий шашлык, который он купил по дороге ко мне.

Слюни едва не закапали на вкусно пахнущее мясо.

Мы сели прямо на пол возле столика, чтобы потом медленно отваливаться на подушки, как это делают на Востоке. Но прием пищи у нас происходит иначе - на столе как-то сподручнее.

Между делом я поглядывала на друга, оценивая внешние потери за период истекшей новогодней ночи.

Можно подумать, он придет ко мне весь перемазанный помадой и с синяком под глазом по причине недоразумений с внезапно вернувшимся мужем его новой пассии.

Митька выглядел, как обычно, свеженьким, бодреньким, будто не гулял всю ночь, а прилежно спал на левом боку, подложив ладонь под щеку. Он не был ничем озабочен. Спрашивать, как прошел праздник, я не стала.

Рассказала о встрече с Алиферуком-старшим. Не стала уточнять, с кем я прогуливалась по главной улице города, просто сказала, что с одним из гостей. Но не забыла упомянуть супругу гостя, которая не стала участвовать в игре.

- Значит, Феликса можно исключить. Как раньше мы исключили Фурмана, - сделал вывод из моего грустного рассказа Жаворонков.

- Знаешь, Митя, я решила забыть про этот нелепый случай, - потупив глазки, пролепетала я.

- И хорошо! – поддержал мое желание приятель. – Я тебе сто раз говорил, что Родионов что-то напутал. И к гадалке не ходи!

Последняя фраза Дмитрия привлекла мое внимание.

Как я раньше об этом не подумала? Надо сходить к гадалке!

Пока друг рассказывал о своих любимцах – мышках, козочках и птичках, я прикидывала в уме, к кому бы обратиться за советом? Кто из моих знакомых в сложные минуты жизни прибегает к советам магов и чародеев?

Мне уже начал мерещиться дедок, похожий на старика Хотаббыча, который вырывает волосок из бороды и призывает черные силы, обступившие меня со всех сторон, кануть в бездну.

- Что ты еще желаешь, дорогая Лукерья? - будто бы спрашивает меня колдун.

- Я хочу, чтобы меня полюбил... один человек, - будто бы отвечаю я, но пока завуалировано, даже в мыслях не могу назвать его имя.

- Не стесняйся, скажи, кто он? – сладким голосом будто бы просит меня Хоттабыч.

- Это...это Дмитрий Жаворонков.

И тут вмешивается Митькин голос. Он выныривает из-за Хотаббыча, я вздрагиваю от неожиданности и искоса поглядываю на умиротворенное лицо колдуна, поглаживающего свою бороденку. Понятно, чьих это рук дело.

- Лучок, я должен тебе кое в чем признаться... Вчера я познакомился с необыкновенной девушкой.

- Как мои глаза?

- При чем здесь твои глаза?

- Все восхищаются моими глазами и говорят, что они необыкновенные, вот я и...

- Согласен, у тебя необыкновенные глаза, - без споров согласился приятель, скрывая раздражение – он мне про Фому, а я ему про Ерему.

А я не желаю слушать про девушку, с которой он вчера познакомился. Ох, чуяло мое сердце!

- Кажется, я влюбился, - глупо скалясь, признался он.

- Как ее зовут? – сквозь зубы поинтересовалась я. От слез у меня намочла шея. Но почему глаза совершенно сухие?

- ... Лучок, ты меня слышишь? Вот балда, пролила на себя шампанское!

Я открыла глаза и непонимающе осмотрелась. Надо мной навис Жаворонков. Он прикладывал к моей шее салфетку, высушивая пролитый из фужера шипучий напиток.

Я не помню, в какой момент задремала.

- Как ее зовут? – четко выговаривая слова, спросила я у Мити.

Он убедился, что полностью высушил меня и вернулся на свое место.

Мы оба лежали на ковре, устроив головы на подушках, а подушки приткнули к дивану, чтобы было повыше. Нас ничего не разделяло. Столик переместился в сторону, левее меня.

Я протянула руку и поставила на него бокал с остатками шампанского.

- Ее зовут Липа.

- Странное имя, - недовольно буркнула я, будто это меня нарекли таким именем. Хотя, кто бы говорил. – Это Олимпиада что ли?

- Олимпиада, - кивнул он, - но Липа как-то милее. Наверное, глупо было называть её таким именем.

- Это не нам судить. Родители ее так называли, что уж...

- Её отца зовут Василием, а мать – Марусей. Смешно? - не слушая меня, вдохновенно изрек он.

Наверное, уже успел с ее предками познакомиться, и они произвели на него приятное впечатление, - с грустью подумала я. - Кто бы из трех бывший мужей млел при одном упоминании моих родителей.

- Что здесь смешного?! – взбрыкнула я. – Вася и Маруся - нормальные имена.

- Имена то нормальные, но повадки скажу тебе! Чуть что коготки показывают... Удивительно, что Липа появилась на свет в самом конце декабря. Обычно потомство бывает в августе...

Он мне что-то говорил и говорил о замкнутости Василия и Маруси, о том, что они любят одиночество, только в период размножения воссоединяются. В этот раз «воссоединились» раньше обычного – осень была теплой. И непонятно, когда это произошло? Теперь-то уж можно сосчитать. Но зачем? И самое интересное, что о беременности Маруси узнали незадолго до родов.

Скорее всего, наше общение с Митькой походило на общение людей, говорящих на разных языках. Я покосилась на початую бутылку шампанского – выпили мы не так много, где-то две трети. С такой дозы не напиваются до такой степени, чтобы ничего не соображать.

- Дмитрий Сергеевич, - проникновенным голосом начала я, дождавшись паузы в его бойком и вдохновенном рассказе, - а вы о ком сейчас говорили?

Он оторвал голову от подушки, затем и вовсе уселся и протянул.

- Я о камышовых котках. А ты о ком подумала?

- О каких... камышовых котках?

- Я уже полчаса распинаюсь, что у нас в зоопарке появилось пополнение в семействе камышовых котков. Семейством его можно назвать с большой натяжкой. Они одиночки, но воссоединяются...

- Это я поняла, - перебила я приятеля. - А Олимпиада это кто?

- Дочь камышовой кошки Маруси и камышового кота Василия! Липа – необыкновенное красивое существо.

- Это не девушка? И ты с ней не знакомился в новогоднюю ночь?

- Лучок, ты... ты меня не слушала?

- Слушала. Ты сказал, что познакомился с необыкновенной девушкой в новогоднюю ночь и влюбился в нее.

- Я такое говорил?

- Ничего не понимаю! Неужели я задремала и мне все приснилось? Слушала сквозь сон обрывки фраз и решила, что ты говоришь о девушке.

- Наверное, всё так и было, - хмыкнул он.

- Надо же, на пару минут глаза закрыла... Нет бы что-то другое привиделось.

- Что именно? – хитро прищурившись, спросил Митька.

Я уже открыла рот, что признаться, но вовремя прикусила язык.

- Почему замолчала?.. А я знаю, о чем ты подумала?

- О чем же?

- Не оставляешь затею с расследованием.

- При чем здесь расследование! – разозлилась я.

Это же надо быть таким слепцом!..

Глава шестая

Новый знакомый, старый знакомый

После расставания с Жаворонковым, а произошло это далеко за полночь, я долго не могла уснуть. Бродила по квартире, как привидение, и размышляла над последней фразой, которую он обронил перед уходом.

Я не стала его уговаривать остаться, не могла совладать со своим голосом, который подскажет ему – я собираюсь нарушить границу дружбы. Но что-то в моем взгляде было такое, что Митька не сдержался и сказал:

- Я желаю тебе в этом году стать другой.

- В смысле? – скрипучим голосом спросила я. Куда-то девался хрустальный звон.

- Не надо себе ничего придумывать. Не надо усложнять жизнь.

- А что я придумываю? – решила уточнить я, догадываясь, что к расследованию это не имеет отношения.

- Ты... ты... - он замялся, не мог подобрать дипломатичных слов. А я стояла перед ним, как нашкодивший ребенок - скрестив пальцы перед собой и исподлобья поглядывая на «воспитателя». – Ты пытаешься себе внушить то, чего на самом деле нет... - Помолчал, погладил меня по плечу - то ли извинялся так, то ли сочувствовал, и, не трогаясь с места, произнес полувопросительно, - ну, я пошел?

Потоптался, не дождался ответа, чмокнул меня в щеку и ушел.

Я не сомневалась, что он имел в виду мои чувства к нему.

Значит, Жаворонков считает, что я себе придумала любовь?

Сначала я жутко обиделась, потом разозлилась и мысленно стала награждать его эпитетами. Эпитеты получались добрыми, совсем не злобными, но меня несколько успокоили, словно помогли отключиться от источника электрического тока. Но я успела «зарядиться» под катушку, поэтому дрема, которая несколько часов держала меня в объятиях, улетучилась вместе с уходом приятеля.

Что он мне хотел сказать? Чтобы я не тешила себя надеждой? Что шансы у меня нулевые - его сердце занято? Раз и навсегда. Кем занято: бывшей супругой или новой знакомой, с которой отношения пока не складываются. Но он не теряет надежды...

Я тоже не теряю надежды...

А если Митька прав? Я искала себе новый объект для любви и быстро его нашла, чтобы далеко не ходить. Вживила в себя любовь к другу и стала ее лелеять.

Чувства проверяются на расстоянии. Чем дальше, тем проверка более надежная. Поэтому мне нужно на время уехать. Например, к родителям. Триста с гаком километров это не абы какая величина, но всё же. Заодно отъежусь перед сложным делом.

Взвинченность ушла, но желание скрутиться калачиком и закрыть глаза у меня не появилось. Я переключилась на соседку, пострадавшую в схватке с преступником. Конечно, в схватке, никак иначе, потому что Ризванюк со своими капиталами, накопленными в результате многолетнего труда, просто так не расстанется. Еще повезло, что черепушка крепкой оказалась. Вот тебе и старушка девяноста двух лет от роду.

Итогом рассуждений стало утверждение, что мужчина, который назвался мне Арсением Родионовым, настоящий домушник, что я предполагала изначально. Почему-то он выбрал наш подъезд предметом своего интереса. Я перебрала в уме всех жильцов и поняла, что кроме ювелира Григорьева и подпольной миллионерши Марты Ризванюк грабить больше некого. Насколько я осведомлена, на имущество Григорьева никто не покушался. Или всё еще впереди? Говорят, что снаряд в одну воронку не попадает. Так то снаряд, а у нас домушник, которому приглянулся наш подъезд. Я точно знаю, что в соседнем доме одну квартиру обворовывали дважды, причем с небольшим промежутком времени. Скорее всего, в предыдущий раз не всё прихватили, решили вернуться. А через некоторое время вор влез еще в одну квартиру в том же подъезде. Полученная из уст всезнающих пенсионеров информация не дала повода усомниться, что там проживали обычные люди среднего достатка. Отсюда вывод – кражу совершал не профессионал. Профессионал нашел бы более подходящий вариант. Чтобы одним разом сорвать большой куш.

Я почувствовала себя крутым детективщиком, который в кругу коллег рассуждает о преступлении, которое им всем поручено раскрыть.

А вдруг преступник снова наведается в наш подъезд? И выберет не квартиру Григорьева, а мою? Пока я буду лакомиться мамулиными блинчиками и пирожками, он вынесет всё. Я критически осмотрела свое жилище. Не совсем убого, но и не дворцовые хоромы. Пожиться особо нечем.

Я представила, как домушник бродит по моей квартире и недовольно клацает языком. Потом открывает холодильник, изучает его скромное содержимое, оставляет на столе энную сумму денег и записку следующего содержания: Нельзя жить так бедно. Купи себе что-нибудь!

Я глупо похихикала, присоединив свой голос к мерно гудящему холодильнику, сыгравшему не последнюю роль в моем сочинительстве.

Однако всё сошлось: недаром Родионов просочился ко мне в квартиру. Так сказать, с разведывательной целью. Понял, что «ловить» здесь нечего, и смылся. Чертов рыбак. Из этого следует, что я могу спокойно уехать на несколько дней...

На удивление, я проснулась рано. Рано для новогодних каникул, которые лично у меня будут длиннее обычного. Часы показывали девять утра. Я проспала всего часов пять, но сомнамбулу не напоминала. Резво сорвалась с дивана, умылась, позавтракала, всунув в себя все скоропортящиеся продукты, коих оказалось не так много.

Собрала вещички, прихватила подарки и отправилась на автовокзал. В нужном направлении автобусы курсировали два раза в день. В одиннадцать и в восемнадцать часов. Если я бы не успела к первому автобусу, то к шести вечера могла передумать и завязнуть в городе.

До вокзала я добралась за пятнадцать минут. Кроме меня в трамвае ехали еще три человека: мужчина с мутными глазами, женщина в красивом полушубке и старушка, которая постоянно крутила головой, боясь пропустить нужную остановку. Кроме меня все были без объемных сумок.

Значит, они до вокзала не доедут, - подумала я и не ошиблась: до конечной остановки водитель трамвая вез меня одну.

Иначе обстояло дело у билетных касс, здесь толпился народ, выстроившись изгибающей змейкой. Я пристроилась в хвосте за шумной бабенкой, которая без устали трепалась по мобильному телефону, оглашая здание вокзала своим громким голосом. Уверена, что она легко заглушила бы сводный хор. Сзади меня пристроился молодой парень с планшетом в руках. Он никого вокруг не замечал, чтобы не отстать от очереди решил упереться костяшками пальцев мне в спину. Я служила ему осязаемым ориентиром. Куртку я сняла, поэтому хорошо чувствовала его прикосновение, и мне это не нравилось. Я отодвигалась, он не отставал, следовал за мной, как приклеенный. Я с неудовольствием покосилась на него. Не могла предположить, что он уловит мой взгляд. Всегда считала, что людей-зомби не так просто вернуть в реальный мир. Парень принял мое неудовольствие на счет трещащей без устали бабенки, хотя, взгляд был адресован ему.

- Во, орет! – изумился он с долей восхищения.

- А мы еще ругаем подрастающее поколение, - скривилась я, подключаясь к беседе. – Что с них взять, если в свое время родителям не привили правила поведения в общественном месте.

Парень слегка «завис», не сразу переварив мою информацию. Потом выдал:

- Вы такая молодая и так умно рассуждаете!

Можно подумать, между молодостью и умом не может быть связи - они «находят» друг друга в более сознательном возрасте, когда все ошибки уже совершены.

Я посчитала, что вести диалог далее не имеет смысла и отвернулась от него. Но просто так он от меня не отстал. Без сожаления расстался со своим планшетом, спрятав его в спортивную сумку, висящую на плече, и вкрадчивым голосом спросил.

- Девушка, а как вас зовут?

- Молодой человек, зачем вам знакомиться с женщиной, которая вам в матери годится? - брякнула я, недолго думая.

- Женщинам не свойственно прибавлять себе возраст, - совершенно нормальным голосом, изрек он. Я вновь повернулась в его сторону и с удивлением заметила проблеск ума в его глазах. Исчезла заторможенность, которая была следствием погружения в нереальный мир. Сейчас он «выбрался» из сети и превратился в человека, адекватно реагирующего на слова окружающих.

Я смутилась и сказала не без кокетства.

- Я не прибавляю.

- Неужели так сложно назвать свое имя, - с детской обидой пробасил он.

- Аполлония Викентьевна, - гордо вздернув подбородок, назвалась я.

- Красивое имя - Аполлония! – с чувством отметил он. - Насколько я знаю, оно древнегреческое. И означает - посвященная богу Аполлону.

Я не рассчитывала заполучить себе в собеседники человека, напичканного хрестоматийными поверхностными знаниями. Именно, поверхностными, в их глубину я не верила.

Оценила мимолетным взглядом его молодежный прикид: грубые ботинки, узкие джинсы, куртка нараспашку, под ней «капустная» одежда, слои которой отчетливо видны в вырезе.

Удостаивать ответом я не собиралась, тем более подошла моя очередь. Я и не заметила, как болтливая бабенка рассталась со своим мобильником, перед тем, как купить билет на автобус, а теперь и вовсе отошла от кассы, освободив мне место.

Я быстро купила билет, посмотрела на часы, убедилась, что у меня совсем мало времени, и автобус уже скоро подадут на посадку. Вышла на улицу и стала прохаживаться вдоль здания, не выпуская из вида выход. Я не хотела еще раз увидеть парня, просто было интересно узнать, куда он направляется?

Наверное, студент, - предположила я, - едет к родителям, чтобы набраться сил перед сессией. С чем-то мы с ним схожи. И чего я на него накинулась?! Человек не собирался заводить со мной лямуры. Попросил назвать имя, чтобы знать, как ко мне обращаться, а я себе напридумывала. Недаром Митька говорит...

Парень из здания вокзала не вышел, объявили посадку на нужный мне автобус, я села в третьем ряду у окна и стала ждать отправления, внимательно изучая свое любимое колечко, которое мне подарил отец по случаю окончания университета. Рядом пристроился человек. Я подняла глаза и увидела того самого парня, который... не заигрывал со мной, а пытался завести непринужденную беседу у билетных касс.

- Привет! – улыбнулся он так, будто встретил свою давнюю знакомую.

Я, напротив, нахмурилась и монотонным голосом произнесла.

- Только не говорите мне, что вам тоже нужно в Заболоченск!

- Я подслушал у кассы в какой населенный пункт вы купили билет, и не придумал ничего лучше, как присоединиться. Никогда не был в Заболоченске! – восхитился он, словно всю жизнь мечтал посетить город с названием, которое способствовало сделать скоропалительный вывод.

Надо было позвать с собой Митьку, - подумала я. - Но как бы в таком случае я проверила чувство? Как бы догадалась, настоящее оно или надуманное?

Парень смотрел на меня во все глаза, торжествующая улыбка не сходила с его уст.

Нет, надо было все-таки пригласить в попутчики Жаворонкова.

При этом быстро нашла себе оправдание: пусть бы мать проведаль! Больше о своих подопечных заботится, чем о матери.

Да, Митька был фанатично предан профессии. Возможно, это послужило причиной охлаждения отношений с супругой. Мы, женщины, обожаем, когда слова любви подкреплены действиями, и предпочитаем не делить своих мужчин с кем бы то ни было. Даже с парнокопытными, водоплавающими, прыгающими, летающими и с другой живностью.

У меня возникло острое желание покинуть салон комфортабельного автобуса. Парень заметил мою нервозность и поспешил успокоить.

- Да, не волнуйтесь вы так. Я не маньяк, среди белого дня не набрасываюсь на симпатичных коротко стриженных брюнеток, одетых со вкусом.

- Я не брюнетка, у меня каштановый цвет волос, - не к месту уточнила я, мысленно восхваляя себя за смену имиджа.

- Неужели? Я совсем не разбираюсь в таких тонкостях, - задумчиво проговорил он, изучая мои волосы. Его детская непосредственность меня забавляла.

Я уже решила, что он прихватит пальцами прядь и станет рассматривать ее на просвет. Но он этого не сделал, устроился поудобнее в кресле и заявил.

- Меня Федором зовут... А вас, правда, Аполлонией?
- Правда, - буркнула я, раздражаясь от того, что мне начинает нравиться его соседство.
- А мне кажется, что вы солгали!
- А вы провидец?
- Нет, в скором будущем я стану юристом.
- У нас в стране юристов, как грязи на улицах в осеннюю непогоду.
- Спасибо за лестный отзыв о людях моей профессии.
- Пожалуйста.
- Так все-таки, как вас зовут?
- Я же сказала...
- Я слышал. А по-честному?

Он напомнил мне маленького мальчика, который допытывается у матери, куда она идет и скоро ли вернется?

- По-честному, всё более прозаично. Мое имя – Мария.
- Машенька! Как прелестно!
- Если бы назвала другое имя, вы бы тоже начали восторгаться?
- Нет, почему вы так решили? Если бы сказали, что вас зовут Калерия, то не стал бы. От этого имени веет холодом. И жесткостью. Да извинят меня все Калерии на свете.
- Из вас выйдет неплохой адвокат.
- Благодарю!
- Теперь ваша очередь говорить по-честному, - сказала я и невольно улыбнулась.
- Вы о поездке в Заболоченск? Не волнуйтесь, я не спонтанно решил присоединиться к вам, хотя, такую женщину не хочется отпускать. Я еду к бабушке.
- Примерный внук.
- Она меня воспитала, - с легко уловимой гордостью доложил Федор. – Родители постоянно находились в экспедициях, они геологи.
- А вы не захотели идти по их стопам.
- Не захотел, предпочитаю оседлый образ жизни.

Молодой человек мне нравился всё больше и больше. Не как мужчина женщине, а как... подчиненный требовательному начальнику, угодить которому не возможно. Ну, и сравнение нашло. Не сравнение, а глупое оправдание своего неумеренного интереса, пришедшего на смену презрению и испугу.

Мы не заметили, как автобус миновал пустые улицы города, миновал стационарный пост ДПС на выезде, прибавил скорость и помчался по трассе.

Салон был заполнен наполовину, видимо путешествуя на короткие расстояния народ предпочитал долгие заграничные перелеты или преданию лени на своем диване перед экраном телевизора.

Мы перекинулись еще парой ничего не значащих фраз и занялись каждый своим делом. Федор вытащил из сумки ненаглядный планшет, а я – детектив.

Сначала я никак не могла сосредоточиться на чтении, контролировала каждое движение, мимику, потом забыла обо всем - захватил сюжет.

Поездка предполагала всего одну остановку, где-то на середине пути до Заболоченска.

Когда автобус остановился, Федор предложил мне прогуляться, но я отказалась. Он не стал уговаривать, вышел из салона и стал прохаживаться вдали. Его главная ценность – планшет – остался лежать на сидении.

Одним глазом я смотрела в книгу, другим наблюдала за новым знакомым. Мне показалось, что он тоже поглядывает в мою сторону, хотя, усиленно делает вид, что любуется небом. Особо любоваться было нечем, с самого утра небо лежала на крышах домов, желая испортить новогоднее настроение людям. Потом немного прояснилось, но солнце так и не выглянуло. Под ногами хлюпало, температура воздуха повысилась. На белом фоне сугробистого снега выделились скрюченные кусты вперемежку со стройными березками и другими деревьями, чью «национальную принадлежность» мне

угадать было затруднительно по причине отсутствия листвы. В этих вопросах я была не сильна, хотя, в школе обожала составлять гербарии. Но столько лет прошло...

Сегодня я веду себя, как вредная старушонка - скорблю о былых временах, возмущаюсь поведением невоспитанных людей. Надо находить радостные моменты в любом возрасте, тем более в тридцать пять, а заниматься перевоспитанием других людей и не имею права.

Между тем Федор медленно приблизился к маленькому строению автовокзала, возле которого выстроились несколько автомобилей. Водители высматривали жертвы, поэтому один из них сразу прицепился к парню. Федя что-то ему сказал и повернул в обратную сторону. Водитель, не покидавший салона, сразу завел двигатель и уехал. С чего бы это? Я изогнулась, чтобы его рассмотреть, но упустила момент.

Нужен он мне, как любителю пива кока-кола, - успокоила я себя.

Моя бдительность действовала мне на нервы. Раз собралась играть в детективов, то теперь всех подозревать без разбора?

Лучок, успокойся! – охладила я свой сыщицкий порыв. – Это обычный попутчик. Он не связан с домушником Родионовым. Он едет в бабушке. И только...

Федор вернулся на свое место, посетовал на дрянную погоду, которая собиралась в скором времени превратиться в настоящую непогоду, обрушив на землю обильный снегопад с дождем. Что и случилось, когда мы подъезжали к Заболоченску.

Попутчик предложил сопроводить меня до родительского дома, но я отказалась. Номер телефона все же продиктовала. Федька сразу «забил» его в память мобильного, не надеясь на собственную память, и вызвонил меня: «не отходя от кассы» хотел проверить, не одурачила ли его. Не одурачила. На экране высветилась чередка цифр.

- Когда вы думаете возвращаться? – спросил он.

- Пока не знаю. В ближайшие дни возвращаться не планирую.

- Может, в кино сходим? Или на каток?

- На каток с удовольствием. Сто лет не стояла на коньках.

- Тогда я завтра позвоню?

Я кивнула и пошла к остановке...

Как приятно очутиться среди людей, которые тебя искренне любят! Наконец, я смогла расслабиться...

Уже засыпая после долгих разговоров и обильной еды, услышала, как вибрирует мой мобильник, лежащий на тумбочке. Надеялась, что звонит Жаворонков, решивший покаяться за свое неджентльменское поведение, но высветился незнакомый номер, Федора я занесла к уже знакомым. Покопавшись в уме и не придя к определенному выводу, все же ответила.

О, Боже, это был Жорка Волков! Вот его номер я не занесла в память мобильного, несмотря на то, что обещала позвонить. Завтра или послезавтра, или послепослезавтра.

- Лукерья, извини, что раньше не позвонил, - сразу покаялся он, опустив приветствие. – Мы с ребятами в такую глушь заехали! Связи не было. Думал, вернусь раньше, но... не получилось, - быстро нашелся мой воздыхатель.

Можно подумать, я рыдала в подушку, в промежутках мечась по квартире от окна к окну в ожидании сердечного друга, коим он себя возомнил.

- Георгий, ты на часы смотрел? - с осуждением в голосе спросила я.

- Ой, батюшки, - сконфуженно изрек он, чем привел меня в замешательство: я думала, что он брякнет, смотрел и добавит, что для объяснений в любви нет временных ограничений.

Мне сегодня везет: попадают все сплошь интеллигентные кавалеры. Я представила звериную физиономию Волкова, мысленно заменила его повседневную одежду, с которой он сроднился на многие годы, а именно, стиль кежоу, на смокинг с подобающими атрибутами. А рядом себя в бальном платье и элегантных туфельках той же загадочной фирмы, что и обувь пострадавшей от бандитской руки Марты Ризванюк. И нашла нашу пару весьма изысканной. Может, не изысканной - физиономию Жорки не затмит никакой светский наряд, но на нас точно все будут обращать внимание.

Между тем Георгий что-то вещал, я полуспала, полуслушала, полумечтала, изредка поддакивая.

- Так я забегу на минутку? – вырвал меня из этого вторичного состояния вопрос Волкова.
- Куда ты добежишь? – испуганно поинтересовалась я, усаживаясь на своей подростковой кровати.

- Не добегу, а забегу, - поправил меня мужчина, - к тебе забегу? Хочу отдать подарок. Извини, что запоздал, но...

- Жора, погоди! – перебила я его, - я сейчас у родителей. За тридевять земель от дома. – последнюю фразу я добавила нарочно, чтобы он не поспешил в свой автомобиль, желая преодолеть расстояние в триста с лишним километров, разделяющие нас. Хотя, что такое триста километров для влюбленного мужчины?!

Это я к чему сейчас добавила? Очнись, Луша-клуша!

Я нарочно назвала себя ненавистным уменьшительным именем, чтобы избавиться от лирического настроения.

- Как! Ты уехала и ничего мне не сказала?!

- Я пыталась тебе дозвониться, но ты был вне зоны доступа, - схитрила я.

- Мне на телефон приходили сообщения о пропущенных звонках, но от тебя ничего не было, - обидчиво заявил поклонник.

- Странно, - протянула я.

- И что теперь делать?

- Ждать моего возвращения.

- А когда ты вернешься?

- Через неделю, не раньше, - брякнула я, едва не назвал более продолжительное время, которое способно охладить его чувства ко мне.

- Я хочу тебя увидеть, - совсем тихо произнес он, я едва расслышала. – Лукерья, я соскучился.

От напряжения я закусил губу. Не скажу, что внутри родилось отторжение. Напротив, его признание не вызвало привычного чувства ярости и трепетного страха. И изъяснялся он сегодня на нормальном языке, без всяких непереводаемых словечек, не доступных моего ума, будто провел время не на охоте, а усердно занимался с репетитором, ставившим правильную речь.

Новый год, сам того не подозревая, внес коррективы в наши отношения.

Какие отношения?! О чем ты?! Нет никаких отношений, и никогда не будет! Как можно сравнить утонченного Дмитрия Жаворонкова с этим плебеем?!

Но грубить Георгию мне не хотелось, про свои угрозы в его адрес я давно забыла. Зачем осложнять... отношения с человеком, с которым пересекаешься каждый день? Снова стану высматривать из окна его машину, прежде чем выйти на улицу? Или выглядывать из-за угла, чтобы добежать до своего подъезда? Надо вести себя корректно и соблюдать при этом дистанцию.

- Лукерья, ты почему молчишь?

- Не знаю, что тебе ответить.

- И правильно! Не нужно спешить. Ко мне надо привыкнуть.

- Привыкнуть? – хмыкнула я.

- Если тебя что-то не устраивает, ты только скажи, я изменюсь.

Оказывается, все еще хуже, чем я думала.

- Жора, я пока не готова обсуждать эту тему.

- А когда будешь готова?

- Если ты начнешь каждый день задавать один и тот же вопрос, то никогда.

- Не начну! – по-пионерски отрапортовал он. – Я буду терпеливым. Так правильно?

Мамочка моя, да это не тигр, это ласковый котенок!

- Правильно, а сейчас, спокойной ночи!

- Спокойной ночи. Можно я завтра позвоню?

- Можно, - смилостивилась я, чтобы оградить себя от дальнейших уговоров.
- Только я собралась уснуть, как дверь моей комнаты приоткрылась и появилась голова мамы.
- Доченька, это звонил твой жених?
- Все-таки, в отдельном проживании от родителей есть свои преимущества - никто не лезет к тебе с вопросами. А с другой стороны, никому не интересна твоя жизнь. Друзья-приятели спрашивают на лету, как дела, так, для проформы. И ты спрашиваешь для проформы. И всему виной занятость. Никто не может уделить тебе время, чтобы внимательно выслушать. Никто, кроме родителей, которые оставят все дела, сядут рядом и будут слушать и слушать, не обращая внимания на быстро вращающиеся стрелки часов. Они так долго ждали, когда их чадо решится впустить их в свою жизнь, что теперь готовы ни спать, ни есть.
- Подслушивала! - едва сдерживая улыбку, заявила я.
- Не дожидаясь приглашения, мама вошла в мою спальню, присела на краешек кровати, приготовившись выслушать мою исповедь.
- Мне нечего тебе рассказать! Это звонил Георгий. Он живет в соседнем подъезде. Хотел поздравить меня с Новым годом и вручить подарок, но меня дома не оказалось.
- Он тебе нравится?
- Жорка? Да, ты что! Нет, конечно!
- Тогда зачем ты его обнадеживала? Надо было сразу расставить все точки над «I».
- С ним лучше не спорить.
- Не пугай меня, доченька!
- Мам, не волнуйся, все нормально. Жорка хороший парень, он и мухи не обидит, - слукавила я, - не хотела его обижать.
- Я представила миленький «кулачок» Волкова, который вместе с мухой прихватывает целый отряд летающих насекомых, и содрогнулась.
- Как поживает Митя? – с напускным равнодушием поинтересовалась мама. – Вы вместе приехали?
- Нет, Митя не смог вырваться. У них в зоопарке в семействе камышовых котов появилось пополнение. Митька говорит, что в это время года это большая редкость. И семейством их назвать никак нельзя. Они одиночки воссоединяются только... в определенные моменты. Детеныша назвали Липой. В смысле, Олимпиадой.
- Прелесть какая! – искренне восхитилась мама. Она никогда не позволяла мне «держать в доме животных», хотя, я исправно таскала малюсеньких чахлых котят и дурноватых дворовых щенков. Она любила их на расстоянии. – Митя не собирается жениться? – пряча глаза, спросила она.
- Своей личной жизнью он со мной не делится.
- А ты с ним?
- Чтобы делиться личной жизнью, нужно ее иметь.
- Очень жаль, что ты занята только работой.
- Не только.
- Лукерья, когда...
- Мам, не продолжай! – перебила я ее. – Я знаю, что за этим последует. Когда вас не станет, я останусь одна-одинешенька...
- Мама поджала губы. От обиды. Мне захотелось ее задобрить.
- Я сегодня в автобусе познакомилась с приятным молодым человеком.
- Чем он занимается? – спросила моя мамочка, вмиг забыв о моей резкости.
- Скоро получит диплом юриста.
- Сколько ему лет? - продолжила опрос она без прежнего вдохновения.
- Лет двадцать с небольшим.
- Он так молод?! Зачем размениваться на неподходящие варианты?

- Я знаю, что у нас разные «весовые категории». Знаю! И не собираюсь заводить с ним романы.

- А зачем ты мне о нем рассказала? – резонно спросила мать.

- Просто так, чтобы разговор поддержать. Он пригласил меня на каток.

- И ты согласилась? – с недовольством в голосе поинтересовалась она, будто Федя предложил мне безумные кувырки на его спальном ложе.

- Мам, он пригласил всего лишь на каток! – с ударением на последнем слове произнесла я.

- Лукерья, не надо размениваться по мелочам, иначе пропустишь что-то важное. И... - мамочка замялась.

- И?

- И не нужно заикливаться на одном человеке, тем самым терять время.

- Иначе я снова пропущу что-то важное, а от этого человека ждать нечего!

- Да, пропустишь, потому что не заметишь это важное.

- Я так понимаю, что под одним человеком ты подразумевала Митьку?

Мама вздохнула, пристально посмотрела на меня и ласковым голосом сказала.

- Уже давно пора спать. Приятных снов, девочка моя!

Она, как в детстве, поцеловала меня в висок и вышла, осторожно прикрыв за собой дверь.

А я вспомнила ее излюбленную фразу - мать своему ребенку плохого не посоветует!

Не посоветует. И со стороны видит то, чего я не вижу. Эх, Митька, Митька.

А причем здесь Митька? Эх, Лучок, Лучок... Насильно мил не будешь...

Но почему он решил, что мое отношение к нему нельзя назвать любовью, что это самообман? Или самовнушение. Я внушила себе, что люблю Жаворонкова. Он сначала не замечал, или делал вид, что не замечает, а когда моя сдержанность стала уступать место намекающей навязчивости, то предложил мне измениться и задуматься.

Но почему он считает, будто я его не люблю? Ответ прост – он меня не любит и дает понять, что шансов у меня нет. Лучше мы останемся друзьями, чем у меня окончательно «съедет» крыша, и я начну вешаться ему на шею, а он меня обходить стороной. Как я Жорку Волкова.

Думать о Жорке не хотелось - своими думами, еще не ровен час, начну себе внушать любовь к нему!

Неужели любовь можно себе внушить? Наверное, можно, раз Митька так считает. А он знает меня лучше, чем я сама себя знаю...

И опять мне приснился пузатый крокодил.

Что за наваждение? – во сне подумала я, ожидая появления усатого циркача. В отличие от прошлого сна, когда с деревьев облетала листва, на этот раз установилась зима. Озеро сковал мороз, лед был очень красивым, каким-то расписным, будто незадолго до моего появления по нему скользил виртуозный фигурист. Пока я изучала узоры, фигурист вернулся и начал вдохновенно кататься по льду, изображая отстраненность на лице. Крокодил внимательно за ним следил, словно был судьей и готовился выставить оценки. Я пригляделась к фигуристу и поняла, что это Федор, мой попутчик. Я окликнула его и помахала рукой, он помахал мне в ответ и натянуто улыбнулся. Только сейчас я заметила на его плече пару новеньких фигурных коньков. Именно, о таких я мечтала в детстве.

- Присоединяйся! – крикнул парень и подъехал ко мне, выдав из-под коньков порцию брызгающего снега.

В это время мое внимание привлек крокодил.

- Лукерья, не разменивайся по мелочам! – призвал он меня голосом Георгия Волкова, хотя, фраза принадлежала моей матери.

От неожиданности я выпустила из рук коньки и повернула голову в сторону судьи-крокодила. Теперь это был не крокодил, а человек в костюме крокодила. Где-то под

выступающей пастью виднелось большое отверстие, из которого выглядывало лицо Жорки.

- Я же просила тебя не быть навязчивым! - напомнила я соседу.

- Я забочусь о тебе! Остерегайся этого парня!

- Что только не придумает мужчина, чтобы женщина забыла о его сопернике.

- С соперниками у меня разговор короткий, мне разные уловки ни к чему.

Жорка-крокодил пошел на фигуриста Федора.

- Георгий, не смей! У меня с этим парнем ничего нет! Мы только хотели покататься на коньках. И всё!

- А знаешь, что после таких катаний бывает?

- Что бывает? - искренне заинтересовалась я.

- Люди пропадают, - обреченно изрек «крокодил» и снова посмотрел на «исписанный» лезвиями коньков лед. Различие было в том, что во взгляде не было прежнего восхищения. Я проследила за его взглядом и закрыла рукой рот, чтобы подавить крик. Подо льдом я увидела лицо утопленника.

В ушах прозвенел его голос:

- Луша, я так тебя любил! Ты слышишь меня! Знай, любил и... давно пора вставать! Лукерья, просыпайся!

Я дернулась и проснулась. Мама раздвигала портьеры, впуская в комнату утро, солнечный свет, радость. От вчерашней серости не осталось и следа. Она открыла окно, вдохнула морозный воздух, одновременно выгоняя остатки моего неприятного сна, улыбнулась и сказала.

- Доброе утро, доченька! Как спалось?

- Хорошо, - скрипучим голосом, растерявшим привычную звонкость, ответила я. Многосерийный сон с постоянным участником крокодилем начинал меня нервировать. Скоро появится фобия.

Мамуля стояла у окна и что-то изучала во дворе.

- Что ты там увидела?

- Представительного мужчину! – загадочным голосом сказала она.

- В вашем районе представительные мужчины – большая редкость? Или дело в чем-то другом? Неужели ты стала засматриваться на чужих мужиков?

- Какие мои годы! – усмехнулась мама.

- А папа как смотрит на твои новые интересы?

- Папа мне доверяет!

- Ну–ну, продолжайте в том же духе, Зоя Афанасьевна, - нехотя вылезая из-под одеяла, проямлила я. Мне тоже захотелось посмотреть на представительного мужчину, который привлек внимание мамы.

- Только этого мне не хватало! – закатила я глаза, едва изучив неповторимую фигуру господина Волкова. – Но как он меня вычислил?

- Запеленговал твой мобильник! – просто объяснил отец, появляясь в комнате. Он тоже любопытствовал – взглянул в окно, чтобы увидеть представительного мужчину по фамилии Волков.

Жорка водил глазами по окнам нашего дома, что заставило меня отпрянуть. Любопытные родители не двинулись с места.

- Это ты с ним ночью по телефону болтала? - заинтересовался папа.

- Эй, Штирлицы, отойдите от окна! – прячась под одеялом, пробубнила я.

- С ним, с ним, - за меня ответила мама, - А он ничего! Симпатичный, - оценила она по достоинству Волкова, не забыв спросить мнение супруга, - да, Поликарп?

- Нормальный мужик! – ответил отец, - с таким будешь жить, как за каменной стеной.

- Скорее, за семь замками... Что-то я не поняла: вы меня уже замуж выдаете? – прогундосила я, показывая один глаз.

- Дело привычное, да, мать? – улыбнулся отец и подмигнул матери.

- Для нашей дочери пословица «семь раз отмерь, один раз отрежь» не подходит, она режет без примерки.
 - Зато опыта набирается, - парировал отец.
 - Это ничего, что я здесь? – взвыла я, - неприлично обсуждать человека в его присутствии в третьем лице.
 - Хватит валяться! Быстро поднимайся и приводи себя в порядок! А отец тем временем выйдет на улицу и пригласит твоего знакомого в дом.
 - Ни в коем случае! Хотел сделать сюрприз, пусть идет до конца. Осталось самое легкое – вычислить квартиру! Всего-то из ста сорока квартир найти нужную. А я тем временем улизну на каток!
 - В кого ты у нас такая «добрая»? – спросила мать.
 - В тебя! Кто мне четверки ставил за диктанты?! Забыла? За такое же количество ошибок мои одноклассники получали пятерки с минусом, а я – четвертак. Думаешь, не обидно?
 - Ты еще вспомни, как ходила в детский сад, а там тебе не давали роль Снегурочки. Каждый Новый год ты мечтала стать внучкой деда Мороза, а была снежинкой.
 - Умеешь поднять настроение.
- Мамуля не обратила внимания на мое бурчание, ее интерес был направлен на привлекательного мужчину с мечущимся взглядом. Не поворачиваясь в мою сторону, он сказала.
- А что касается твоих четверок, то ты сама знаешь, почему я так поступала. Не хотела, чтобы меня заподозрили в предвзятости.
 - А у меня появились комплексы из-за твоей принципиальности.
 - Это какие же комплексы?
 - Мне казалось, что ты меня не любишь. Что... я вам не родная, что меня взяли из детдома.
 - Какая ты у нас глупышка! – мамуля, наконец, отошла от окна, присела рядом и стала меня тормошить. – Ты самый-самый любимый и родной человечек! А про школьные отметки за диктант давно пора забыть. Такая уж я уродилась - не могу поступиться принципами. Это дома ты была моей дочерью, а в школе одной из учениц, пусть и прилежных.
 - Хотя бы раз поблажку сделала, - осудительно покачала я головой.
 - Ты, действительно, столько лет таила в себе обиду? – удивился отец.
 - Это не обида, это микроскопическая обидка. Хотелось по русскому языку получать только отличные оценки, но от волнения, от желания доказать, что я могу, что я не хуже вундеркинда Убейконева, получалось только хуже.
 - Зато ты добилась гораздо большего в жизни, чем Убейконева. Он переводился из одного института в другой, все искал себя и... нашел.
 - Что-то не так?
 - Накануне нового года встретила его мать. Я давно ее не видела, даже сразу не узнала. Она выглядит, как старуха. Понятно, что нам не по двадцать пять лет, но я себя столетней старухой не считаю. Еще вполне.
 - Вполне, - подтвердила я, прерывая рассуждение о возрасте и возможностях женщины. – Что она тебе рассказала о сыне?
 - Посадили нашего вундеркинда.
 - Ничего себе, - протянула я.
 - Уже несколько лет срок отбывает за торговлю наркотическими веществами.
 - Вот тебе и Вадик, вот тебе и главная школьная достопримечательность!
 - Его мать мне по секрету рассказала. Просила никому не говорить. Городок у нас маленький, стыдно ей.
 - И долго ему еще сидеть?
 - Будто бы скоро должен выйти.
 - К ней вернется?

- Сомневаюсь. Но что самое интересное, она, как всякая мать, не верит в его вину, утверждает, что ему наркотики подбросили.

- Кому это нужно?

- Завистникам.

- А Вадька занимал высокую должность?

- Кто об этом знает! Мать уходит от ответа, но кто-то говорил, что он никаких высот не достиг. Хотел многого и сразу.

- Чего только в жизни не случается, - опечалилась я.

Мне было искренне жаль одноклассника, подававшего большие надежды. Был он «Фока на все руки дока», в том смысле, что и котелок варил здорово, и руки росли из нужного места, и чувствовал себя, как рыба в воде и на уроках литературы, и на уроках физики, и на уроках географии. У любого отличника есть склонности к гуманитарным дисциплинам или к точным. Преуспеваешь в одном, в другом надо приложить усилия, чтобы выйти на высокий уровень. Вадим везде был докой. Ездил по всем олимпиадам, занимал призовые места. Естественно, ему была прямая дорога в столичные вузы. Как оказалось, всеядность не всегда полезна.

Я снова подумала о своем выборе. С раннего детства меня запрограммировали на музыку. Я не противилась. Мне нравились восторженные похвалы в мой адрес. Я лучше всех в школе пела, лучше всех играла на фортепьяно, потом на скрипке.

Позже поняла, что не лучше. Есть более одаренные ребята. Но благодаря самолюбию, пыжилась, чтобы превзойти эти дарования.

Но почему задумалась об этом только сейчас? Незаметно подобрался кризис разочарования?

- Так и будешь мечтать до вечера? – спросил меня папуля, появляясь в дверном проеме.

- Поликарп, что будем делать? - игнорируя собственное чадо, поинтересовалась мама у отца.

- Ты о Георгии?

- О ком же еще!

- Но Лукерья не хочет, чтобы мы его приглашали в дом.

- Лукерья очень не хочет! – сладко зевнув и потянувшись, сказала я, облачилась в халат и пошла в ванну. Пусть поостынут в своем рвении к сводничеству. Все их хитрости мне наперед известны.

Ох, ты будешь за ним, как за каменной стеной. Ох, как он тебя любит, раз не стал ждать твоего возвращения. Не поленился, вычислил, где ты находишься. Ох, какой у него букетище! Небось, и подарочек не забыл прихватить, о котором твердил по телефону.

Я не волновалась по поводу того, что после омовений увижу в родных стенах Волкова. Без моего согласия родители его не пригласят. А давать согласия не собираюсь. В некоторых вопросах я кремень, как в случаях с нерадивыми учениками.

Я уже жалела, что приняла вознаграждение от отца бывшего лодыря, который кардинально изменился и начал подавать надежды. Да, в этом была моя заслуга, я долго с ним воевала, много требовала, больше чем с других. И не только с ним воевала, но и с его грозным отцом, у которого все преподаватели были ручными. Но благодаря моей несговорчивости, мальчик осознал, что в этой жизни не всё дается легко. Правильнее будет - редко, что дается легко. Надо трудиться и трудиться. Потолка для роста нет. Наверное, я уловила в нем зачатки таланта, потому боролась за него. Он славный мальчишка. Никогда не огрызался, никогда не говорил, что пожалуется отцу. И без него нашлись ябеды, желающие подобраться к общему куску пирога.

Ну, взяла «премию», и что? Я ее заслужила. Но это было первый и последний раз. Обещаю. Я тоже принципиальная, как Зоя Афанасьевна.

На кухне меня ждали сырники со сметаной.

Позавтракав, я пошаталась по квартире, удостоверилась, что автомобиль Волкова стоит на прежнем месте, а его самого нет, и решила включить мобильный телефон, который отключила посреди ночи, чтобы хорошо выспаться.

Не успела положить телефон на место, как он зазвонил.

Это был вчерашний попутчик.

- Маша, добрый день!

Я вздрогнула при упоминании этого имени, позабыв, что так назвалась, когда Федя не поверил в Аполлонию.

- Привет, - не шибко радостно ответила я.

- Идем на каток?

- Прямо сейчас?

- Зачем откладывать.

- Ладно, я согласна. Но... если что-то изменится, я тебе перезвоню, чтобы ты не ждал.

- А что может измениться?

- Мало ли, - ушла я от ответа.

Вдруг на моем пути встанет Жорка, рыщущий по дому в поисках возлюбленной?

- Федь, ты мне больше не звони, у меня батарея садится, а зарядное устройство я дома забыла. Буду мобильник включать только в экстренных случаях.

- Понял, до встречи, - коротко ответил парень, а я стала собираться на каток.

Из головы не выходил Волков. Вот, привязался! И здесь от него покоя нет. Веду себя, как шпион на вражеской территории, который находится на грани провала.

Стоя на пороге, я сообщила родителям, куда иду и с кем.

- Кто такой Федя? – спросил отец.

- Я тебе потом расскажу, - ответила за меня мама, - береги себя, доченька.

- Не долго! – вставил заботливый отец, позабыв, что я взросленькая девочка, три раза «ходила» замуж.

Я пренебрегла услугами лифта, чтобы не оказаться в объятиях Жорика, стоящего на первом этаже. Стала спускаться с восьмого этажа, соблюдая правила конспирации.

Приглушенные дверями квартирные звуки то затихали, то возникали снова по мере моего продвижения вниз. Лифт мягко скользил туда-сюда с остановками. Когда он проезжал мимо, я быстро сбегала на лестничный пролет, чтобы не столкнуться с человеком, решившим выйти именно на этом этаже. Когда лифт без остановок ехал выше, я облегченно вздыхала, шепотом называла свое поведение полным дебилизмом, и шуршала дальше.

Добравшись до второго этажа, я напрягла слух, чтобы удостовериться, что никто не стоит в ожидании лифта. Мне почудилось какое-то шевеление, но лишь почудилось – в подъезде повисла напряженная тишина.

Слоноподобный Волков будет слышен за версту. Но это обстоятельство меня не успокаивало. Откуда я знаю, где он находится в данный момент? Может, терпеливо обошел один подъезд и в данную минуту выходит из него и направляется в мой. Я сейчас добегу резкой пороссячей рысью до выхода, мысленно ликуя от удачного завершения опасного спуска, распахну подъездную дверь, и... уткнусь лбом в крепкую мужскую грудь.

Ну, чему быть, того не миновать. Не менять же планы из-за некоторых хитрых личностей, обожающих преподносить сюрпризы.

Осталось самое сложное – три последних лестничных пролета.

Балетными шажками я преодолела один, автоматически скользнула напряженным взглядом по почтовым ящикам, словно давно потеряла надежду получить письмо, и уже собралась совершать следующий спуск, как в поле моего зрения попали щегольские мужские туфли, совершенно неподходящие для сезона. Я сразу решила, что человек приехал на автомобиле, тем более подошвы были совершенно чистые, лишь с легким налетом пыли, которую он «подцепил» в подъезде. Мне стало интересно: что делает

хозяин таких туфель в углу, за мусоропроводом, который давно перестал существовать. Теперь жители дома выносили пакеты с мусором в уличные контейнеры. Судя по тому, что я видела обувь и ноги чуть выше колен, а не все ноги, то можно предположить, что мужчина присел отдохнуть. Наверное, устал после затянувшегося застолья, не дойдя до собственной квартиры. Или супруга не пустила на порог, пожелав отправиться туда, где он был и набрался под завязку. Чистая обувь заставляла усомниться в этом предположении.

Я забыла, куда шла и с кем боюсь встретиться, заряжаясь решительностью помочь человеку. Сегодня мой слух работал на всю катушку. Мне показалось, что храп не слышен. Но не все мужик храпят, как набирающий обороты двигатель транспортного самолета.

Я сделала осторожный шаг навстречу отдыхающей личности. Пренебрегая собственной безопасностью, дипломатично покашляла. Мужчина не дернулся. Всегда завидовала людям, которых не разбудит игра на ударной установке.

Приближаться я не рискнула, изогнулась, вытянула шею. Заметила распахнутую куртку, полы которой веером сложились по бокам. На полы куртки наехали полы пиджака, обнажив нежно-голубую сорочку и край синего галстука. Я изогнулась еще сильнее, едва не потеряв равновесие. Пришлось ухватиться за крышку мусоропровода. Не успела скривиться от отвращения, потому что мое внимание привлекла струйка крови, показавшаяся из-под веерной складки куртки. Чтобы не рухнуть на пол, я присела на корточки. В этом положении мне хорошо было видно лицо мужчины.

И это лицо мне было знакомо...

Глава седьмая

Про пуганую ворону

Георгий Волков походил на безмятежно спящего человека, на лице которого застыло едва заметное удивление. Если бы не струйка крови.

Я включила телефон и позвонила отцу.

Поликарп Тимофеевич Троянов был не только самый заботливым отцом на свете, но и лучшим хирургом города Заболоченска.

Только я отключилась, как папа уже стоял рядом.

- Иди домой! – голосом, не терпящим возражений, произнес он.

- Пап, Жора... жив? – спросила я, дрожа от волнения.

Отец приблизился к Волкову и приложил пальцы к сонной артерии.

Время резко замедлилось. Прошел год, пока я, наконец, услышала:

- Жив, но пульс слабый... Дочка, иди домой!

Я не подумала вызвать лифт, а опять поплелась по лестнице. Только теперь не вниз, а вверх.

Я слышала, как отец вызвал машину скорой помощи, потом позвонил своему другу, который служил в полиции...

Когда я вошла в квартиру, мое лицо сказала маме о многом. Думаю, она решила, что мое безразличие к Волкову было наигранным. Будучи в курсе событий, не стала задавать уточняющие вопросы, обняла меня за плечи и отвела в кухню. Усадила на свой любимый диванчик и стала хлопать дверцами шкафов, позабыв на нервной почве, где у нее хранятся лекарства. Меня охватило онемение, я хотела сказать, что Жора жив, но не могла произнести ни слова. Клячала зубами с равномерными промежутками. Мама влила мне в рот лекарство – смесь валерианы и корвалола. Она всегда предпочитала эту адскую смесь новомодным успокоительным средствам. Смесь произвела молниеносный эффект, причем неожиданный – молчание превратилось в непрерывную болтовню. Для начала я с придыханием сообщила, что мой знакомый жив, но пульс едва прослушивается. Потом перескочила на мой спуск по лестнице, который интересовал слушательницу меньше

всего, она взирала на меня с пониманием и сочувствием и не перебивала. И только я хотела перейти на обрисовку наших сложных отношений с Волковым, о котором мои родители слышать не слышали, как вернулся отец.

- Я еду в больницу, - бросил он на ходу и стал собираться.

- Мы с тобой, - опередила меня мама.

Папа знал, что спросить с женой бесполезно, только поторопил нас.

Машина скорой помощи увезла раненого Волкова. На месте преступления остались полицейские, один из которых проводил нас подозрительным взглядом, когда мы выгрузились из лифта на первом этаже.

- Что ты им сказал? – спросила я у отца, когда мы шли быстрым шагом к гаражу.

- Сказал, что спустился в почтовый ящик за газетой, увидел раненого мужчину, вызвал своих коллег и позвонил в полицию.

- Хорошо, что не стал впутывать в это дело нашу девочку, - поспешила вмешаться мать, - иначе они сразу решат, что все случилось из-за нее.

- Ты считаешь, что я мог направить расследование по ложному пути? Ты ошибаешься, Зоя. То, что пострадавшего обнаружил я, а не моя дочь, это единственная ложь. Не хотел, чтобы они начали ее трясти прямо сейчас, чтобы узнать, кто стоял между ними? И мог ли этот третий убрать со своего пути соперника? Лукерья не в том состоянии, чтобы давать показания. Пусть придет в себя.

- Боже, они все равно будут ее допрашивать!

- Будут, но позже, когда она немного успокоится. Я хорошо знаю свою дочь.

- Твой намек мне не нравится, - брякнула я. – Да, я могу наболтать лишнего, но не стану обвинять себя в убийстве или в том, что наняла исполнителя, способного решить мою проблему.

Родители обменялись понимающими взглядами, что заставило меня замолчать и подтвердило опасения отца о моей неуёмной болтливости в период волнений.

- Ты назвал полицейским имя пострадавшего? – спросила моя родительница у моего родителя, не включая меня в диалог.

- Назвал. И, конечно, добавил, что это друг моей дочери. Дочь гостит у нас, а он приехал за ней... Георгий Волков? Я ничего не перепутал? – снизошел он до обращения ко мне.

- Всё верно, - кивнула я и в сердцах ляпнула, - что же происходит в последнее время вокруг меня?!

- А что происходит? – хором спросили родители.

Отец замер с ключом в руках, не успев открыть гаражный замок. А мама ухватила меня за руку, будто боялась, что я сбегу и не дам честного ответа на вопрос.

- Я не так выразилась, - поспешно стала оправдываться я, - не вокруг меня, а, вообще, в мире. Людей грабят, убивают. Недавно залезли в квартиру моей соседки. Думали, что ее дома нет, а она нарисовалась в коридоре. Те, недолго думая, шмякнули ее чем-то тяжелым по темечку, прихватили ценности и ушли.

Картина преступления получилась сжатой, но живописной.

- Это ты о ком говоришь? Неужели о старухе-процентщице? – спросила мать, отец тем временем открыл замок и проник в гараж.

- Да, о ней. Хорошо, жива осталась, но пока в сознание не пришла.

- Как не стыдно поднимать руку на восьмидесятилетнюю старушку!

- Ошибаешься, мам, ей девяносто два!

- Тем более!

- Жажда наживы отключает мозги.

- У таких людей мозги давно покинули голову, если, вообще, когда там были.

Отец вывел автомобиль, мы сели и поехали в больницу, где хирург Троянов собирался провести операцию...

Поликарп Тимофеевич распорядился, чтобы нас напоили чаем, но мы отказались, вышли из ординаторской и уселись возле операционной.

- Как такое могло случиться?! – шепотом возмутилась мама. – Столько лет живем в этом доме и ничего подобного не происходило. Тихие нормальные соседи... Бедный Георгий! Приехал человек в незнакомый город и получился ножевое ранение в спину... Может, его кто-то выследил из местной шпаны? Или преступник следы ведут из вашего города?.. Лукерья, он... не бандит?

- О его дружках-товарищах я ничего не знаю. Никогда их не видела. С соседями Жорка держит нейтралитет, старается не вступать в конфликты. Один раз хотел разобраться с собутыльниками местного выпивохи, но те взяли большинством, он ретировался. Местное «радио» в лице всезнающих бабушек никогда не сообщало о связях Волкова с криминальным миром. А они знают больше, чем есть на самом деле. Им хватает одного намека, чтобы короткий рассказ превратить в длинный роман, напичканный событиями... О наших отношениях никто не знает. Их и отношениями не назовешь. Он роняет при встрече реплики, я, молча, пробегаю мимо. В последнее время мы нормально поговорили всего один раз и то по телефону. Вчерашний звонок я в расчет не беру. В общем, ухаживанием это никак не назовешь, по крайней мере, бабули наводящих вопросов мне не задавали. Они догадываются, что мы разного поля ягоды, мало ли, кто кому симпатизирует. Это я к тому рассказываю, что мстить Жорке никто не станет, потому как нет причины. Да, и некому мстить... А почему Георгия пырнули ножом? Ответ ясен. Бродил, бродил он по дому, выискивая меня, пока не постучал в квартиру, где проживают люди, желающие поправить здоровье после праздников, а денег на поправку здоровья нет и в ближайшем будущем не предвидеться. И что делать? Позаимствовать у богатого незнакомца, который по своей воле деньги не отдаст. На Жорку взглянешь и сразу понятно – мужик не доедает последний кусок хлеба. Одежда на нем дорогая, приличная, сама видела – вырядился в самое лучшее, будто свататься приехал. Во дворе стоит машинка, тоже ничего, внутренний карман топорщится от увесистого портмоне, наверное, хотел меня сразить щедростью.

- У нас таких, кажется, нет, - без прежней уверенности сказала мать.

- Можно подумать, ты успела ознакомиться с личными делами всех жильцов ста сорока квартирному дому. У них на лбу ничего не написано, - отмахнулась я. - К вашим благополучным жильцам могли прийти неблагополучные гости. Или другой вариант - случайные люди нашли в одном из подъездов укромный уголок, чтобы в тиши уединения раздавить бутылочку. Они-то и выследили Волкова. Когда зашел в наш подъезд, на него набросились, ударили ножом и обокрали.

- С таким крепким парнем не так просто справиться, ты правильно сказала «набросились» - их было минимум двое. Один отвлекал внимание, другой нападал.

Родившаяся в голове версия меня несколько успокоила – причина покушения на Власова была не во мне, это обычное ограбление.

Позабытый мною Федор напомнил о себе. Не выдержал, позвонил, сообщил, что очень замерз. Я извинилась и сказала, что у меня изменились планы. Парень натянуто попрощался, видимо, обиделся. Подумаешь! Знал бы он, что случилось! Но посвящать его я не стала.

Дальнейшее ожидание проходило в полном молчании. Мы с мамой совсем извелись от неведения, а когда волнение достигло максимума, стали прохаживаться по коридору, напоминая двух нервических особ с манием преследования. Эта мания появлялась каждый раз, когда дверь операционной оставалась за спиной. Мы постоянно оглядывались, ожидая появления хирурга.

Наконец, к нам вышел усталый отец. Я издали впилась взглядом в его лицо, пытаюсь угадать, что он скажет. Лицо было осунувшимся, а глаза были задумчиво - отрешенными, что дало мне повод для радости – раз отрешен, значит, доволен исходом операции, не

настраивается на успокоительный монолог, а задумчивость относится ко мне. Я не ошиблась.

- Все хорошо, - сказал хирург Троянов, когда мы встретились на середине коридора. – Операция прошла успешно, организм молодой, справится... Не думаю, что вас интересуют профессиональные тонкости...

Я хотела поделиться с ним своими умозаключениями, чтобы успокоить и заверить, что преступление не имеет ко мне отношения, а заодно еще раз убедить себя – не может быть связи между визитом ко мне рыбака Родионова и ранением Волкова. Но я не успела ничего сказать.

- Меня интересует! – вклинился в монолог хирурга молодой мужчина в гражданской одежде, но я сразу поняла, в каких органах он служит.

Я наградила следователя неприветливым взглядом и отвернулась.

- Пап, а когда с ним можно поговорить?

- Не сейчас! – отрубил хирург Троянов, - идите домой, а я пока задержусь.

И повернулся к полицейскому. На лице не отразилось особой радости.

- Что вас интересует?

- Меня интересует состояние здоровья прооперированного Георгия Волкова... Но прежде хочу задать несколько вопросов вашей дочери Лукерье Поликарповне Трояновой?

- А если я не в том состоянии, чтобы давать ответы на ваши вопросы?! – язвительно произнесла я.

- Всего пару вопросов и вы можете идти. Кем вам приходится пострадавший Георгий Волков?

- Соседом по дому.

- Всего лишь соседом?

- Всего лишь.

- И этот всего лишь сосед приехал за несколько сотен километров, чтобы повидать вас? Не забыл прихватить букет цветов, нарядился в свой лучший костюм...

- Откуда вы знаете, лучший он или худший? – перебила я следователя. - Может, для вас он лучший, а для Волкова почти домашняя пижама! – добавила с вызовом.

Мама незаметно дернула меня за рукав, а отец наградил строгим взглядом, но извиняться я не собиралась. Полицейский был мне неприятен. Его «понимающие» глаза подозревали меня в соучастии, он горел желанием навесить мне на руки «браслеты», отвести в участок и произвести допрос с пристрастием, чтобы добиться признательных показаний.

- Еще есть вопросы? – гордо вздернув подбородок, спросила я, - или пора пригласить своего адвоката?

Не забыла при этом назвать имя «адвоката». Им являлся близкий друг отца. Для меня просто дядя Вася, он же заметная фигура в правоохранительных органах города Заболоченска.

У следователя пропало желание надевать мне наручники и вести на допрос с пристрастием.

- Можете быть свободны, - промямлил он, перекладывая папку из одной руки в другую. Чтобы показать полное безразличие к должности «адвоката», добавил, - ПОКА можете быть свободны.

- Благодарю! – язвительно ответила я, развернулась и с чувством собственного достоинства двинулась по коридору.

- Извините, - сказала мама и устремилась за мной.

Я не испытывала сожаления из-за своего дерзкого поведения. Ранее никогда не прикрывалась влиятельными знакомствами, это случилось впервые. Уж, очень хотелось сбить с него спесь: молод, заслуг с гулькин нос, а апломба-а-а!

Прихватив верхнюю одежду и преодолев несколько коридоров, мы оказались в приемном отделении.

- Лукерья! Лукерья Троянова! – остановил меня женский голос.

Я развернулась и заметила розовощекую особу, с женственной округлой фигурой, чего не скажешь обо мне, с лучистыми глазами и приятной улыбкой.

Ее внешность мне никого не напоминала. Я обратилась с мысленным вопросом к матери, стоящей рядом, но весь ее вид говорил, что эту женщину она не знает, но усиленно пытается вспомнить.

- Ой, здравствуйте, Зоя Афанасьевна! – расплылась розовощекая еще сильнее и кинулась моей мамуле на грудь.

- Нонна, это ты? – сдержанно поинтересовалась Зоя Афанасьевна, автоматически прижимая к себе особу и похлопывая ее по спине, словно успокаивала, чтобы та не перешла к дальнейшему проявлению зашкаливавших чувств.

- Я! – воскликнула Нонна, расцеловала маму в обе щеки и перекинулась на меня.

Я благосклонно позволила себя обнять, но лицо особой радости не выказало.

- У вас что-то случилось? – запоздало опомнилась моя одноклассница Нонна Нагавкина.

- У нас все нормально, - сдержанно ответила Зоя Афанасьевна таким тоном, будто внушала мне, что ничего страшного не произошло. Ну, пырнули Жорку ножом, с кем не бывает, главное, что всё обошлось.

- А-а-а, вы навещали Поликарпа Тимофеевича! – догадалась она. – Какой он прекрасный человек! А хирург какой замечательный! Все говорят, что у него золотые руки!

Нам стало приятно, мы расслабились, словно приняли пилюлю забывчивости, позволившую вмиг забыть о проблемах.

- А ты здесь работаешь? – спросила я, решив, что Нонка - медсестра, не врач высшей категории - это точно, потому что училась она кое-как, на троечки, больше сосредотачивалась не на учебе, а на своем внешнем виде, желая преобразиться.

Нонна Нагавкина всегда была костлявой девицей с тонюсенькими ручками и ножками. Оттого цвет лица был нездоровым - пепельным, как и ее волосы. В одежде также не присутствовали краски. В итоге всё сливалось, и невыразительная девица напоминала привидение, которое никак не может оставить этот мир, потому что в других мирах были проблемы с питанием. Обжорливая одноклассница не могла себе позволить ограничение в еде. Нам казалось, что родители постоянно морят её голодом, отъедается она в школьной столовой. В чем, в чем, а в деньгах они ее не ограничивали. Нонка перекусывала на каждой перемене, а перекус включал в себя такой рацион, что я за день столько не съедала. Выражение «не в коня корм» - это про Нагавкину.

Будучи классным руководителем, Зоя Афанасьевна один раз не выдержала и нагрянула на квартиру Нагавкиных. Время было вечернее, время подходило к ужину. Ужин в этой семье был обильным и калорийным. Необходимость в уточнении, как питается в домашних условиях ученица, отпала сама собой. Но мама порекомендовала родителям Нагавкиным показать дочь врачу. Те согласились, показали, о результатах я не узнала, хотя, мать была в курсе, но со временем непомерный аппетит у девушки угас, а она, напротив, начала прибавлять в весе. Дело было незадолго до окончания школы, и я не захватила переход из худышки в пышечку...

- Нет, что ты я здесь не работаю, - замахала руками Нагавкина, - приходила свекровь проводить. Она лежит в кардиологическом отделении.

- Что-то серьезное? – подобралась мать, готовая сию минуту ринуться к отцу, чтобы тот поднял на ноги всю больницу, а особенно всех кардиологов.

- Обычная профилактика. Она время от времени сюда ложится, чтобы от внуков отдохнуть. Они у меня хулиганы! – радостно доложила Нонка с таким видом, будто они с рождения свободно болтают на нескольких иностранных языках.

- Я не знала, что ты вышла замуж, - удивилась Зоя Афанасьевна.

- Так мы с вами давно не виделись. Я уже десять лет замужем, у меня два сына – девять лет и семь с половиной. Младший во второй класс ходит, а старший - в четвертый. У них фамилия отца: он - Шурочкин, и дети Шурочкины, и я Шурочкина! – расцвела она счастливой улыбкой, я ей даже позавидовала - как мало надо человеку для счастья.

Заметив мой потухший взгляд, она не преминула забросать меня вопросами, - а ты, Лукерья, чего такая хмурая? Замужем? Или всё в девках ходишь?

Чтобы прервать поток вопросов, я решила сразу раскрыть все карты.

- Была замужем три раза, и все браки были неудачными. Фамилию не меняла, так и осталась Трояновой, - монотонным голосом перечислила я, как на собрании, где мне предложили коротко пересказать биографию.

- У тебя красивая фамилия, не то, что у меня – Нагавкина. – Нонна свела брови на переносице, выражая недовольство своей девичьей фамилией.

Причина была мне известна: каких только прозвищ к ней не приклеивали, склоняя фамилию на все лады. Тихая девочка не давала резкий отпор, в ответ смущенно улыбалась.

Сейчас Нонна стала совсем другой. Теперешней Шурочкиной «палец в рот не клади», на каждую реплику у нее моментально рождается длинный монолог. Но она себя сдерживает, сказывается присутствие классного руководителя. Зоя Афанасьевна строго поглядывала на бывшую ученицу, я замечала у той прежний смущенный взгляд.

Смущение не заставило ее откланяться. Напротив, она перекинулась от матери ко мне, взяв меня по руку. На смену счастливой улыбке пришло настороженное участие.

- Наверное, родители безумно рады, что ты к ним в гости приехала. Поговаривают, что ты редко бываешь в нашем городе, все больше по заграницам... концертируешь.

Не знаю, какое слово она хотела сказать взамен «концертируешь», которое с трудом у нее выговорилось, но я опешила: и от того, что обо мне судачат, и от того, что осталось «за кадром», в уме Нонки Нагавкиной. Все-таки Нагавкиной, так привычнее.

- С чего ты это взяла? – выдавила из себя я.

- Так... говорят, - промямлила одноклассница, - а что? Врут люди?

- Врут! Я преподаю в обычном музыкальном училище! – с гордым видом произнесла я, впервые возгордившись своей профессией. Не всем же быть Коррерасами и Домингами, кто-то должен был им поставить голос на начальном этапе.

- Бывает, - обронила Нонка, которая никогда не отличалась дипломатичностью, а я на своей шкуре испытала, каково разговаривать с болтушкой без тормозов, и провела параллель между собой и Нонной, которая сейчас смотрела на меня с сочувствием, словно я открыла ей величайшую тайну – я серьезно больна, и спасти меня может только чудо.

Её неудачная реплика о моих гастролях по всему миру разбудила немного поутихшее неудовлетворение собой, своей жизнью, своей карьерой, замешкавшейся на нижней ступени восхождения к олимпу, и едва ли я когда-нибудь достигну этого олимпа.

Митька как-то обронил, что я самолюбивый человек, ранимый человек, амбициозный человек. Могу себя критикнуть, но не терплю уколов, подковырок, сочувственных беспочвенных взглядов. И могу «раздуть из мухи слона». Как сейчас. Нагавкина сказала, будто я мировая знаменитость, тем самым зародив во мне обиду на себя и на нее, злость на себя и на нее. Но злость на Нонку была сильнее – это она «наступила на любимый мозоль».

Сразу родился вывод: у меня психика, хоть, и неустойчивая, но я человек вменяемый, мстить бывшей однокласснице не стану, несмотря на то, что она задела меня «за живое». Чего не скажешь о человеке, которого могли больно ранить мои смешки или неосторожное замечание. И началось: Родионов с неизвестной Машей и утонувшим рыбаком, соседка Марта Ризванюк с пробитой головой, странное письмо, в котором автор представляется моим настоящим отцом, и Жорка с ножевым ранением...

Что дальше?

Как я не пыталась развести эти случаи, у меня это не получалось. Они сходились в одной точке, и этой точкой была я – злыдня, насыпавшая соль на чужую рану...

Мы поспешно попрощались с Нагавкиной, причем инициатором была моя мать, которая заметила мое угнетенное состояние. На прощание Нонна сунула мне визитку, чему я очень удивилась, но она пояснила, что часто выезжает к клиентам на дом, чтобы «нарисовать лицо».

Она наносила макияж женщинам перед ответственными мероприятиями, как то вступление в брак, юбилей или первое знакомство с мужчиной, на котором должна его сразить своей неземной красотой.

Для Нонки это была подработка, но подработка оплачивалась выше, чем основная работа в театре, где она официально числилась гримером. Много лет назад желание избежать обидных кличек подвигло безликую девушку познать секреты мастерства визажиста. К основной профессии она пришла позже.

Обо всем этом Нагавкина докладывала нам на ходу, пока мы не подошли к ее автомобилю. Предложила нас подвести, но мы отказались. Ее болтовня нас тяготила.

Я думала, что следующая встреча с бывшей одноклассницей состоится еще лет через двадцать, когда я очередной раз «вернусь с гастролей», но ошибалась...

Наутро мы с отцом отправились в больницу. Жорка пришел в сознание еще накануне, следователя допустили к нему, сократив допрос до минимума. Хирург Троянов завесу тайны не открыл, сказал, что на тему покушения с пострадавшим не разговаривал, а дача показаний происходила без его присутствия.

Еще вчера я порывалась провести Волкова, но родители охладили мой порыв. Весь вечер я бродила по комнатам, то присаживалась рядом с мамой на диване, чтобы сосредоточиться на старой комедии, которую транслировал один из главных каналов страны, то стояла у окна и любовалась звездным небом, которое намекало, что завтра будет ясно и морозно. То ходила взад-вперед перед телевизором, мешая просмотру фильма. Мама снимала с переносицы очки, брала их за дужку и привычно вращала в руках, изображая напряженную задумчивость. Вопрос вертелся у нее на языке, но под взглядом «домашнего» доктора сникала, снова водружала очки на место и с превеликим вдохновением включалась в просмотр кинофильма, который знала наизусть.

Отцу надоели мои блукания и наигранная сосредоточенность супруги, он выключил телевизор и пригласил нас на кухню, чтобы в приятной обстановке выпить чаю со сладким пирогом, который испекла санитарка тетя Паша в благодарность хирургу за успешную операцию на желудке своему мужу. Она знала, что другие подношения мой отец не возьмет.

А я взяла подачку от папаши вундеркинда... Воспитание, данное родителями, дало временный сбой.

Ой, ладно, я же сказала, что это было в первый и в последний раз. А на какие шиши я бы преобразилась? Назрела необходимость смены имиджа в связи с переменой сферы деятельности.

Я делаю скоропалительные выводы? Возможно...

Вечер прошел в приятной беседе на различные темы, исключая тему нападения на Власова.

Объевшись наивкуснейшего пирога с черникой, думала, что не засну или всю ночь будут сниться кошмары, например толстый крокодил в новом сопровождении, но мне никто не привиделся. Поэтому я хорошо выспалась, несмотря на то, что легла за полночь, а пробудилась в начале восьмого.

Телефон на ночь не отключала, надеялась, что позвонит Дмитрий Жаворонков, о котором я старалась не думать, мысленно внушая себе, что расстояние в триста километров быстро вылечит рану, полученную при прощании. Но едва ли удалит из сердца любовь.

Митька не звонил. Федор тоже не звонил. Один обо мне забыл, другой обиделся на меня...

Георгий встретил меня извиняющейся улыбкой, будто он был повинен в ножевом ранении, которое создало мне проблемы.

Я присела на стул рядом с его кроватью, поколебалась, но всё же склонилась и поцеловала его в щеку. Жорка сразу схватил меня за руку. Такому дай только повод. Пожатие было требовательным. Изображать сострадание мне сразу расхотелось. Но для приличия я спросила.

- Как себя чувствуешь?

- Гораздо лучше, - ответил он, приложился губами к моей руке, а потом прижал мою ладонь к своей небритой щеке.

Выдергивать руку я не решилась, пусть мое доброжелательное отношение сыграет свою роль в быстром выздоровлении. Но чего скрывать - мне было лестно и приятно. Даже в таком незавидном состоянии мужчина не забывает о своем чувстве ко мне. Из чего следует, что все по-настоящему, без выдумки, без игры.

Я сочувственно посмотрела на перевязанную бинтами грудь, снова чмокнула его в щеку, более искреннее, погладила по голому плечу и спросила.

- Помнишь, как все случилось? Если не хочешь рассказывать, не нужно.

- Рассказывать особо нечего. Я знал, в каком городе живут твои родители, запеленговал твой мобильник, один товарищ помог, я в этих делах не очень смыслю, он же вычислил номер дома, но возникли проблемы с номером квартиры. Тогда решил: поеду и найду! Примитивно начну обходить все квартиры, пока не натолкнусь на тебя или на доброжелательного человека, который мне подскажет, где проживают Трояновы. Так и поступил. Первый этаж в вашем доме нежилой, значит, в каждом подъезде минус четыре квартиры и то хорошо. Я скрупулезно обошел один подъезд, где никто не признался, где живет хирург Троянов, вероятно, моя бандитская внешность не расположила к откровенности. Потом перешел в следующий. Как я понимаю, на этот раз конечная цель поисков была близка. Я хотел доехать на лифте на верхний этаж и оттуда начать поиски. Вызвал лифт и только тут заметил согнутого в три погибели мужика у почтовых ящиков. Он стоял ко мне спиной, лишь чуть повернул голову в мою сторону, а на лице такая гримаса боли, что я бросился ему на помощь. Спросил, чем могу помочь, а он отвечает: Друг, у меня спину прихватило, не могу шага ступить, помоги дойти до квартиры, это недалеко. Я приблизился к нему, прикинул, как бы его прихватить, а тут мне в спину что-то воткнулось, в глазах потемнело, боль страшная все тело прожгла, будто каленым мечом проткнули насквозь. Больше ничего не помню.

- Значит, кто-то подкрался к тебе сзади?

- Получается так, но шагов я не слышал.

- У тебя что-то украли?

- Мне показали то, что осталось при мне, когда я оказался в больнице...

- И что? – поторопила я Жорку.

- Денег нет, кольца нет. Хорошо, ключи от автомобиля не взяли.

- Вот гады, ударили ножом в спину, забрали все деньги, и не погнушались кольцо с пальца стянуть. Дорогое было кольцо?

- Кольцо-то? - переспросил он и отвел глаза. Перед этим все время сверлил меня взглядом, «наделал» огромное количество отверстий на моем лице, на шее, на свитере, будто хотел добраться до моих мыслей, до моей души, до моего сердца.

Сердце давно переключилось в пятки. От страха. Это с виду я такая безбашенная, никого и ничего не боюсь.

Боюсь, еще как! Но не подаю вида.

- Что ты мнешься? Не было никакого кольца? Выдумал? Но зачем?

- Было кольцо. Я его... купил... тебе... в подарок.

- С какой стати? Такие дорогие подарки шапочным знакомым не дарят.

- А может оно не дорогое, обычная бижутерия, - буркнул он, наверное, обиделся за шапочное знакомство, а он то думал...

У меня родилась ответная обида: потенциальный жених, коим себя возомнил Волков, решил подкупить меня обычной бижутерией!

- Если бы оно было копеечным, похитители на него бы не позарились, - выдала я, наградив раненого мужчину осудительным взглядом своих необыкновенных глаз. При этом сверкнула белоснежными зубами. Контрольный выстрел сделал свое дело: Жорка нервно стал тискать мою руку, признаваться, что кольцо имело хорошую цену, благо не стал ее называть, иначе я бы ушла. Я милостиво разрешила тискать свою руку и прикладывать ее к горячей щеке.

- Жорик, у тебя температура, надо срочно вызывать отца!

- Нет у меня температуры, я горю от твоего присутствия... Я так рад, что меня ранили, ты пришла ко мне, сидишь рядом, я люблю тебя, держу за руку. О таком я не мог и мечтать.

- Никогда бы не подумала, что ты ТАК ко мне относишься, постоянно говорил какие-то гадости.

- Это не гадости, это комплименты, ты не поняла. Извини, если что не так... Ты девушка благородная, это мы из народа.

Мне вспомнилась одна революционная песня под громким названием «Смело, товарищи, в ногу», которую любила напевать одна моя коллега по музучилищу – ровесница Ленина. Там были такие слова: Вышли мы все из народа, дети семьи трудовой...»

Сработал рефлекс, я задумчиво промурлыкала эти строки, чем вызвала недоумение у представителя народных масс.

- Ты такая странная порой бываешь, - протянул он, но мою руку не отпустил. – Я тебя боюсь.

- Странная или страшная? – уточнила я.

- Ты красивая и необычная, - выкрутился он. – Лукерья, можно я тебя поцелую.

- Можно, - сразу согласилась я, подставила щеку, приблизив к самому его лицу, чтобы он не дергался.

Но тяжело больной мужчина ловко повернул мое лицо, впился своими сухими губами в мои губы и заставил замереть. Не могу с точностью сказать, сколько продолжался наш поцелуй, но меня он впечатлил.

Когда я выпрямилась на стуле, то долго не могла совладать с желанием вновь прильнуть к его губам.

Мы открыто смотрели друга, словно следили за реакцией. Краешек рта Жорки подергивался, будто он с трудом сдерживал торжествующую улыбку, а я нервно потирала кисти рук, намекая на то, что они замерзли и нуждаются в согревании. Но только он хотел их обхватить своими огромными лапищами, как я подсунула их под себя, как это делают дети.

- Пить не хочешь? – отстраненным голосом поинтересовалась я, раскачивая ногами.

- Не хочу. Я хочу...

- Мне уже пора, а то отец будет меня ругать.

- Мне повезло, что у тебя такой отец. Тут одна нянечка рассказывала, что если бы не он, неизвестно, чем бы все закончилось.

- Не преувеличивай! Но папа, действительно, хирург от бога. Его много раз приглашали переехать в Москву, но он отказывался.

- Лукерья...

- Что?

- Ты очень красивая. Всегда была красивая, а сейчас еще красивей стала. Когда ты вошла в палату, а подумал, что пролежал без сознания много-много времени, ты за это время изменилась и... успела выйти замуж. Но успокоил себя...

- Каким образом? – поторопила я его, когда он замешкался.

- Если бы ты вышла замуж, то я приложил все силы, что увести тебя от мужа. Я не могу без тебя. Я люблю тебя, Лукерья. Ты мне веришь?

- Верю, но...
- Я не хочу получить ответ прямо сейчас. Я все вижу, обо всем догадываюсь. И попытаюсь сделать всё, чтобы ты увидела меня под другим углом. Я помню, что ты меня просила не касаться этой темы, а я тебя прошу дать мне время, не отталкивать сразу.
- Никогда не думала, что ты можешь так изъясняться, - заморожено глядя на него, пролепетала я.
- Между соревнованиями я успевал посещать институт, - с долей хвастовства признался он, будто высшее образование сейчас является у нас великой редкостью. - Учился долго, но диплом всё же получил. Сейчас тренирую пацанов, ращу будущих олимпийских чемпионов по тяжелой атлетике. Сам дальше третьего места не поднялся, надеюсь, у них получится занять высшую ступень пьедестала... А косноязычен я только в твоём присутствии. Хочу сказать что-то умное, но не получается. Или немею, а чаще несую окопесу. Это я сегодня разговорился.
- Я пойду... Завтра снова приду.
- Я буду ждать...
- Приятно, когда тебя любят. Не хочу давать Георгию никаких обещаний, но повременю с отказом. До его полного выздоровления.
- Но что мне теперь делать? Бросать в Заболоченске Волкова одного как-то не прилично, косвенную вину в деле покушения я все равно ощущаю, тем более не прилично все заботы о нем навешивать на родителей. Но и терять драгоценное время, благосклонно предоставленное мне директором музыкального училища, тоже нельзя. С того памятного дня, когда ко мне пришел Родионов, минул почти месяц. Чем дальше, тем сложнее будет докопаться до истины...
- Неожиданно в моей жизни опять возник попутчик Федя. Он не выказал обиды, предложил пойти в бар. Я отказалась, сослалась на плохое настроение. Федор предложил мне его поднять с помощью веселой новогодней премьеры, о которой трезвонили все, кому не лень. Мнения были кардинально противоположными, что подстегивало лично посмотреть фильм и составить свое собственное мнение. Поэтому я согласилась. А то опять буду ходить по квартире и раздражать родителей.
- Я стала перебирать одежду. И тут...
- В ванне я не лежала, как Архимед, который в момент омовения открыл свой первый закон, но слово «Эврика» воскликнула. Да так громко, что в мою комнату влетела мама.
- Что с тобой, доченька? – испуганно спросила она.
- Все ок, хочу разыграть человека. Как ты на это смотришь?
- Дело твое. Меня радует, что ты стала приходить в себя после... этого ужасного происшествия.
- Жорка жив, быстро идет на поправку, в этом есть и моя заслуга.
- Что ты задумала?
- Я иду на свидание.
- Ты идешь на свидание? - переспросила мать, - с кем, я могу узнать?
- Ну, это будет не совсем свидание, - по обыкновению я вступила в противоречие с собой.
- С кем ты встречаешься? - продолжала упорствовать мать, призвать на помощь отца у нее не было возможности, он прописался в больнице.
- С Федором.
- Последний раз твоя несостоявшаяся с ним встреча закончилась довольно печально, - напомнила мне она. - Лукерья, я прошу тебя...
- Мам, ты не обижайся, но в данном случае я проявлю настойчивость, и пойду на эту встречу... Пойду, но встречаться с ним не буду. Сейчас позвоню нашему гримеру Нонке и попрошу ее помощи. Хочу измениться до неузнаваемости.
- Ты меня окончательно запутала! – сдержанно возмутилась мать.

- Что здесь непонятного! Хочу проследить за Федором. Не могу понять, чего он ко мне прицепился? Вспомни, ты сама говорила о значительной разнице в возрасте.

- Но в жизни всякое бывает. Может быть, он видит в тебе не столько привлекательную женщину, сколько интересного собеседника.

- В его-то двадцать два?! Нужен ему собеседник, как мне для прогулок по зимнему парку дряхлый старичок, который двигается со скоростью два шага за полчаса. При этом страдает провалами в памяти, от него неприятно пахнет нафталиновой одеждой, и надо постоянно поправлять ему шарф и спрашивать, не замерз ли он?

- Ты, как всегда, утрируешь. Таким старичкам нужна сиделка, необязательно молодая и привлекательная, а энергичная и заботливая.

- А я хочу узнать, что от меня нужно молодому парню? Неужели ему не с кем сходить на каток или в кино? Не поверю. Он утверждает, что вырос в этом городе, его воспитывала бабушка. Из чего следует, что он здесь не одинок.

- И что ты хочешь делать?

- Я же сказала – хочу за ним проследить. Узнать, где он живет, а главное – с кем? Если рассказ о любимой бабушке это не «утка», то я сниму свои подозрения.

- Я тебя одну не пушу!

- Здравствуйте, приехали! Как это будет выглядеть?

- Нормально это будет выглядеть. С помощью Нонны мы прибавим тебе несколько десятков лет, со стороны мы будем похожи на двух приятельниц. Меня он никогда не видел, а тебя, надеюсь, не узнает.

- Вообще-то, я хотела стать подростком.

- Это ошибка! Все роли в детских спектаклях играют худенькие невысокие девушки, которых девушками можно назвать с большой натяжкой. Им не менее сорока лет. Выглядит это смешно. Даже маленьких зрителей не обманешь, не говоря о взрослых мальчиках, к которым я отношу твоего знакомого Федора.

- Мне до сорока лет еще далеко, - протянула я. Пять лет казались мне долгим периодом. Именно, столько мне оставалось прожить до сорокалетнего юбилея. Даже значительно меньше, если учесть, что восьмого марта мне исполнится тридцать шесть.

- Далечно, - согласилась мать.

- Я стройная и невысокая...

- Ты стройная и невысокая.

- Но в чем-то ты права, мамуля. Женские повадки за мальчиковой одеждой не скроешь. Тем более я... начинающая актриса, - улыбнулась я.

- Так мы договорились?

- Договорились. Сейчас позвоню Нагавкиной и попрошу аудиенции.

- Она не Нагавкина, а Шурочкина.

- Знаю я, знаю, - пробубнила я, изучая визитную карточку одноклассницы.

Нонка с удовольствием откликнулась на мою просьбу. После разговора с ней подумала: А вы, Лукерья Поликарповна, пуганая ворона, которая и куста боится. Всех боитесь, всех подозреваете.

Но лучше перестраховаться, чем потом...

Потом суп с котом! Не надо сочинять небылицы!

В таком случае, к чему такие сложности? Зачем мне идти в театр к Нонке? Пойду напрямиком на свидание, посмотрю новогоднюю премьеру в обществе молодого кавалера, который на меня «запал».

Ну, уж нет! Решила, так решила...

Я сказала мамуле, что сразу ей перезвоню, когда экзекуция над моей внешностью подойдет к концу, и отправилась в местный театр.

Театр славился на всю область не только хорошей труппой и репертуаром, но и классическим подходом к известным произведениям, без новомодных тошнотворных штук, которыми стараются привлечь к себе зрителей многие провинциальные театры.

На спектаклях всегда был аншлаг. Никто не скучал в ожидании антракта и не спешил после первого акта в гардероб.

Здание театра являлось памятником архитектуры, было построено в начале прошлого века и поговаривают, что на его открытии присутствовало все венценосное семейство Романовых во главе с царем Николаем II. Но я в это не верю, потому что документальных подтверждений тому нет. Может, у меня в роду были все сплошь князья, да графы?! Кто мне поверит на слово? Если нет бумаг с печатями, то должны быть некие реликвии, подтверждающие мою принадлежность к дворянскому роду.

А здорово звучит – княгиня Лукерья Поликарповна Троянова. Нет, не очень. Княгинь таким именем не называли, больше крепостных. Эй, Лушка, подай барыне белила. Эй, Лушка, подай барыне воды!

Я представила себя в роли дворовой девушки, которая мечется по барскому дому, исполняя все приказы. На ней ситцевый пестрый сарафан, блуза на завязочках, на голове вылинявший платочек, завязанный под подбородком, ноги босые, пятки загрубевшие, взгляд испуганный, забитый.

Хорошо, что крепостное право отменили в 1861 году. И спасибо революции. А то так бы и металась по господскому дому мои дети, внуки и правнуки...

Все-таки, я с головой не всегда дружу. С какого перепуга задумалась о своем происхождении?!

В вестибюле меня поджидала Нонка. Она ухватила меня под руку и повела к себе.

Нагавкина не стала донимать меня вопросами. Обронила, даже лучше, что она сейчас на работе, заодно подберет мне соответствующий возрасту наряд. О наряде я как-то не подумала, мамина одежда мне не подходит по размеру.

Нонна предложила мне отключиться и ни о чем не думать.

Чтобы не вспоминать Жаворонкова и окончательно не испортить себе настроение, я решила переключиться на Волкова. Вспомнила его поцелуй, его признания... Незаметно на смену приятным воспоминаниям пришел Дмитрий Жаворонков, нагло оттеснивший Георгия. На руках он держал маленькую камышовую кошечку, названную Липой, постоянно гладил ее рукой и приговаривал.

- Видишь, Липа, эту тетю? Это очень плохая тетя. Она портит жизнь себе и другим.

Липа повернула голову в мою сторону. Долго изучала меня, словно не могла понять, как такая невзрачная особа может портить кому-то жизнь. Ну, себе, еще можно допустить, с такой-то внешностью...

- Ну, оцени мою работу! – вмешалась в мою дрему Нагавкина.

Я подошла к зеркалу и обомлела.

- Нравится? – спросила Нонна.

- Обалдеть! – восхитилась я, с трудом возвращаясь в тесную коморку гримера, где не были ни Митьки, ни Липы. - Нонна – ты гений! Ничего подобного я себе представить не могла!

- Спасибо, - просто поблагодарила меня одноклассница.

Положа руку на сердце, физиономия в зеркале меня не слишком порадовала, но Нагавкина так старалась, что я не могла удержаться от комплимента в ее адрес. Она поработала на славу – меня мать родная не узнает, ни то, что малознакомый парень.

Я, действительно, обалдела: не так от мгновенного старения, как от ужаса – неужели я через несколько десятков лет превращусь в мерзкую старушеницу, чем-то напоминающую Марту Ризванюк. Даже взгляд стал иным, каким-то старым, депрессивным. Под глазами мешки, носогубные складки такой глубины, будто их прорезали с помощью специального плотничного инструмента. На лбу продольные морщины. Уголки губ опущены. Все лицо «побито» мелкими пигментными пятнами. Для собственного успокоения я оскалилась и с особым удовольствием полюбовалась ровными белоснежными зубами.

- Не улыбайся, - пригрозила мне Нонка, - в нашей стране пенсионеры такой завидной челюстью не обладают. И шею не показывай, твой свитер ее тщательно скрывает, и это хорошо – шея выдает истинный возраст женщины. Но если хочешь, я могу ее заgrimировать?

- Не нужно! – слишком быстро отказалась я, - под высоким воротом свитера все равно шею не видно.

- Что скажешь о своем новом облике?

- Баба Яга в плохом настроении, - выдала я. На всякий случай осмотрела свою одежду, которая еще была на мне, чтобы удостовериться, что это я, а не старушка. Всё те же джинсы, тот же свитер, те же ботинки.

- Всю одежду, кроме свитера надо заменить, - вставила свое веское слово гример, проследив за моим взглядом. – Я думаю...

- Нонна, - перебила я ее, - только не надо превращать меня в старуху, приехавшую из деревни в город. Я не должна приковывать внимание окружающих. Лучше, если стану рядовой пенсионеркой, отважившейся совершить культпоход. - И снова пристально изучила свое лицо, не удержалась от замечания. – Кажется, ты переборщила с... возрастом... И со злодейством. От меня будут шарахаться дети.

- Могу переделать грим, - без обиды отозвалась Нагавкина.

- Не нужно, - смилостивилась я. – Надеюсь, с помощью нового гардероба баба Яга превратится в бабушку, у которой сегодня плохое настроение.

Я стала боком к зеркалу, согнула спину, разогнула спину, слегка ссутулилась.

- Замри! – приказала мне одноклассница. – И запомни свои ощущения. Редко кто из бабулек ходит с ровной спиной... Не знаю, что делать с глазами?! Как я не старалась, они тебя выдают.... Может быть, очки нацепить? У нас есть с простыми стеклами, без диоптрий.

- Подслеповатая баба Яга – это что-то! – язвительно заметила я.

- Почему сразу баба Яга! – возмутилась Нонна. – Злобная старушонка, всего лишь.

- Что-то мне подсказывает, что во время гримирования у тебя перед глазами стоял некий образ.

Нагавкина замялась, но потом призналась.

- У нас готовится к выпуску премьеры спектакля для детей, у меня никак не получался один образ...

- Ясно, на мне экспериментировала. Тебе самой нравится?

- Это то, что нужно! Хочешь узнать, для какого персонажа создавался грим?

- Подожди, я сама угадаю. Но не баба Яга?

- Нет. Сделай свирепый взгляд.

Я подчинилась. Не думала, что смогу такое сотворить. Если бы я посмотрела на своего недоброжелателя таким взглядом, он бы моментально вспыхнул и сгорел дотла.

- Ведьма! – заморожено глядя в зеркало, пробормотала я

- Значит, я - гений, - без ложной скромности заявила Нагавкина, резко соскочила со стула, словно ее оттуда столкнули, и на ходу протараторила. – Лукерья, подожди меня здесь, я схожу за нашим костюмером, пусть оценит твой новый образ и подберет подходящую одежду.... Не волнуйся, это не будет ведьминский наряд.

Я заранее приготовилась оспаривать желание костюмера нарядить меня в юбку до пят, закашлаченное драповое полупальто и пуховый платок.

Но у костюмера – доброжелательной женщины далеко за пятьдесят - было свое видение одежды для современных пенсионерок. Обувь решили оставить мою – добротные ботинки на сплошной подошве. На смену джинсам пришли черные брюки свободного покроя, в качестве верхней одежды был выбран лисий полушубок, спрятавший мой свитер с легкомысленным орнаментом. Полушубок был темно-зеленого, почти черного цвета, выдавший виды, но не слишком б/у, смотрелся на мне отлично, скрывал стройную фигуру и вполне подходил для похода дамы преклонных лет в кинотеатр, что приравнивалось

для нее к посещению торжественного вечера, как в былые времена. Сначала мне дали примерить шляпку с полями, потом – обычную шапочку крупной вязки черного цвета. Остановились на втором варианте, несмотря на торжественность момента. Нонка настоятельно рекомендовала мне взять шарф в черно-белую клетку, который освежит мне лицо, а при случае прикроет орнамент на груди. Бабушки любят набрасывать на плечи шали или широкие шарфы. Я не стала спорить. Нагавкина не успокоилась – водрузила мне на нос очки. Я повозила их туда-сюда по переносице, выбирая подходящее положение. Возможно, очки кому-то идут, но не мне, причем в любом возрасте. В итоге я от них наотрез отказалась.

С помощью одежды ведьма, она же баба Яга, превратилась в интеллигентную городскую старушку. Если еще не хмуриться, а сдержанно улыбнуться, то и вовсе в зеркале появляется милое создание преклонных лет, не обремененное многочисленным семейством. Я не могла себе представить, что такая дама в полушубке будет нянчить внуков и вязать носки. Она читает Достоевского и Булгакова, посещает выставки, одним словом – живет полной жизнью, нагоняя упущенное время.

Я в последний раз полюбовалась на себя в зеркало, поставила гримеру и костюмеру пять с плюсом, и поняла, что Зоя Афанасьевна в мою компанию не вписывается. Честно признаться, мне не хотелось ее брать с собой, я искала причину и нашла ее.

Отрепетировала свой «возрастной» взгляд: слегка исподлобья, но без ненависти. Вложила в него удивление, похожее на детский восторг вперемежку с боязнью ко всему новому, и получила аплодисменты в свой адрес.

- Я заброшу твои вещи Зое Афанасьевне, - предложила мне Нонна. – Или оставить их здесь, завтра заедешь и переоденешься?

- Забрось, пожалуйста, и заодно передай маме, что я не могла ей дозвониться. Я верну одежду завтра, - пообещала я, подергав полушубок на груди.

Потом набрала номер Федора и сказала, что буду ровно в семь, как мы и договаривались.

И привычно отключила свой мобильник...

Глава восьмая *Нежданно-негаданно*

В былые времена в городе Заболоченске было два кинотеатра, к которым прибавлялся еще один в летнее время. Назывался он, естественно, летним. Крыша в нем отсутствовала, все зрители сидели на длинных лавках и увлеченно лузгали семечки. Во времена моего детства я обожала туда ходить. Не так смотрела на экран, как на мальчишек, сидящих на ветвях громадных деревьев, растущих за пределами летнего кинотеатра. Мальчишки-безбилетники походили на больших птиц-стервятников, которые поджидают появления добычи. Они так погружались в кинодействие, что забывали о своем опасном местонахождении. Ни единожды зазевавшийся зритель падал камнем вниз с ветки, но не получал увечий. Быстро вскарабкивался назад и продолжал всматриваться в экран. Меня такие падения-возвращения интересовали больше, чем сам фильм. К сожалению, эпоха летних кинотеатров прошла. Последний раз я была в таком бескрышном сооружении очень давно, мне в ту пору было лет десять.

В девяностые годы прошлого века один из двух кинотеатров перестал функционировать, а другой, названный в честь города, с трудом себя окупал – народ погружился в решение собственных проблем, к тому же появились первые видеосалоны.

Кинотеатр продолжал держаться на «плаву» благодаря расторопности директора, который поставил в фойе игровые автоматы. Потом у кинотеатра появился владелец, который его реконструировал. На первом этаже появились детские развлекательные игровые автоматы, на втором продавали попкорн и напитки, установили круглую барную

стойку, где любой желающий мог принять сто грамм и слегка перекусить перед трансляцией кинофильма.

Год назад в городе открылся трехэтажный торговый центр. На первом этаже был супермаркет и бутики, на втором – бутики и места для развлечений, на третьем – современный кинотеатр, включающий в себя четыре зала.

Федор назначил мне встречу, именно, в нем. Я хотела запротестовать – в «старорежимном» реконструированном кинотеатре было легче затеряться, но не стала настаивать, решив, что там не только легче затеряться, но и легко потерять человека.

После превращения в старушку я вновь изменила свое мнение. Мне показалось, что пенсионеры не посещают кинотеатров с современной начинкой. Но я ошибалась.

Людей пожилого возраста было не так много, как молодежи, но они были. Я немного успокоилась. Для начала осмотрелась. До назначенной встречи было еще полчаса, я нарочно пришла раньше, чтобы выбрать удобное для наблюдения место.

Вдоль стен стояли неудобные кожаные диваны, в которые так глубоко проваливаешься, что трудно подняться. Это я поняла, когда «утонула» в одном из них, а рядом пристроился болтливый мужичок со стаканом попкорна. Он лихо его поглощал, успевал каждого посетителя кинотеатра проводить внимательным взглядом, будто пришел сюда только за этим – поест сладкой кукурузы и изучить контингент, но не забывал при этом высказывать свои комментарии, словно имел на это право.

Меня раздражало всё: и его чавканье, и его мерзкие комментарии, но я терпела и утопала в диване. Каждый раз он поворачивался ко мне за поддержкой, видимо, мое не слишком милое лицо наводило его на мысль, что мы соратники в нелюбви ко всему человечеству. В другой раз я бы с удовольствием поставила его на место и посоветовала бы сидеть дома, но не теперь. Я не должна привлекать к себе внимание.

Когда его комментарии стали походить на трибунную речь, на нас стали поглядывать. Некоторые мужчины весьма грозно. Вскоре наша пара могла превратиться в главную достопримечательность фойе. Пришлось ретироваться. Я оставила громкоговорителя с надеждой на то, что кто-нибудь оставит кулаком отметину на его противной физиономии.

С величайшим трудом «пожилая» дама встала на ноги и больше не решилась вернуться в сидячее положение. Удивительно, но мужик с попкорном сразу стих, оставшись без моей молчаливой поддержки.

Я двинулась к кассам, не придумав ничего лучше. Встала чуть поодаль, словно никак не могла выбрать фильм, который мне хотелось бы посмотреть. Одновременно в четырех кинозалах показывали три кинофильма. Та комедия, которую мне предложил Федор, шла сразу в двух залах с разницей во времени в один час, что говорило о ее популярности. Чем меньше времени оставалось до начала сеанса, тем длиннее становилась очередь у касс и у барной стойки. Я начала паниковать – мой кавалер не появлялся. Зачем столько приготовлений?! У меня появилось горячее желание сбежать. Я уже начала совершать постепенное передвижение к выходу, не выпуская из вида билетные кассы, словно мой знакомый должен вырасти в том месте из-под земли. Поэтому не сразу заметила, что Федор прошел мимо, остановился и стал вертеться на месте, выискивая меня. Я посмотрела на часы. Без пяти минут семь. Когда мужчина с нетерпением ждет встречи с женщиной, он не приходит за пять минут до назначенного свидания, он приходит гораздо раньше. Но парень не опоздал, и на том спасибо, иначе меня здесь бы уже не было.

Я пристроилась в хвост очереди в одну из билетных касс, нервно пересчитывая стоящих впереди потенциальных зрителей, будто хотела попасть в маршрутное такси с ограниченным количеством пассажиров.

Основная часть зрителей уже заняла свои места, Федька посматривал на распахнутые двери зала, приклевывая, идти без меня или еще немного подождать. Решил подождать и двинулся расслабленной походкой к эскалатору, который поднимал вверх и опускал вниз любителей одного из искусств. Наверное, подумал, что я вот-вот появлюсь. Поток людей

уменьшился. Федор потоптался у эскалатора, уже занес ногу, чтобы спуститься вниз, но передумал. Достал мобильник и начал кому-то названивать. Судя по недовольному лицу и нескольким безрезультатным попыткам, он пытался дозвониться мне.

Я бы на его месте не стала ждать, а пошла бы в зал наслаждаться комедией, хотя, настроение, конечно, было бы испорчено. Из принципа бы пошла: почему я должна менять планы из-за безответственного человека?!

Парень прошел мимо меня, обдав легким ароматом парфюма. Я решила дождаться того момента, когда он зайдет в зал, а уже потом уйти. Где-нибудь пережду пару часиков, пока фильма закончится и тогда...

Тогда начнется самое интересное!

Но интересное не заставило себя ждать: Федор отказал себе в удовольствии посмотреть премьеру.

Я шла за ним на незначительном расстоянии и пыталась не сверлить взглядом его спину, чтобы он не почувствовал слежки. Ввиду отсутствия непрофессионализма, я не спускала с него глаз, боясь потерять среди большого количества людей, разгуливающих по торговому центру. Зимние каникулы подходили к логическому завершению, на улице было холодно, сидеть дома надоело, поэтому народ выбрал в качестве развлечения поход по магазинам.

Федька остановился у автомата для продажи кофе и других горячих напитков, бросил несколько монет и стал ждать, когда его стакан наполнится. Я зашла в бутик, встала неподалеку от входа, чтобы мой знакомый оставался в поле зрения, и, не глядя, начала ощупывать мини-юбки, чем вызвала перешептывание у девушек-менеджеров.

Тем временем парень подпер спиной стену и медленно тянул напиток. Потом вновь достал мобильный телефон.

Я слишком поспешно для своего возраста вылетела из бутика, вовремя опомнилась, превратившись в скучающую пожилую даму. Поэтому не услышала первую фразу, сказанную Федором неизвестному абоненту, но вторая поставила меня в тупик.

-... Откуда я знаю! – возмущенно добавил он в ответ на вопрос. Помолчал и недовольно пробурчал, - хорошо, я всё понял. Скоро буду.

Могу предположить, что речь шла обо мне. Он доложил неприятную новость – я не пришла на свидание, причина моей неявки ему была не ясна.

Парень допил кофе, выбросил в урну стакан и быстрой походкой двинулся к выходу. Я поспешила за ним...

Отмахав по заледенелому тротуару несколько кварталов, Федор зашел в небольшое здание отеля с громким названием «Вилла де Виль». Окна и входные двери были по-новогоднему украшены: сказочно, красиво и загадочно. Не хотелось проходить мимо, хотелось проникнуть в сказку, снять номер, сесть возле камина, смотреть на огонь, слушать интересные истории и наслаждаться горячим глинтвейном.

Федор зашел внутрь, а я осталась снаружи под пронизывающим ветром.

Не уверена, что он появится через минуту. Раз ему назначили здесь встречу, то придется ждать.

Так и околеть недолго. Как назло, забыла дома перчатки.

Я осмотрелась в поисках укрытия, непрерывно согревая своим дыханием замерзшие руки. Через дорогу была остановка общественного транспорта со стеклянной «будкой». За неимением лучшего, согласна и на будку. Но прежде чем перенести наблюдательный пункт на дальнейшее расстояние, мне захотелось изучить холл отеля с замысловатым названием. Я приоткрыла дверь и заглянула. Почти сразу сзади раздался недовольный голос.

- Так и будешь стоять?!

Я дернулась, дверь захлопнулась и прищемила мне палец. Я непроизвольно зажмурилась от боли, закусив губу, чтобы не завывать.

- Покажи, что там у тебя? – спросил тот же голос.

Я открыла глаза, не забыв про «отработанный» взгляд. Пытаясь сбавить колокольчиковые нотки в голосе, проговорила.

- Палец дверью п...прищемила, – для заикания была причина – замерзшие губы.

- Извини, мать, это я тебя напугал, - покаялся мужчина лет сорока-сорока пяти в короткой дубленке, джинсах, свитере и мягких ботинках, вальяжно зашнурованных. Я быстро оценила его одежду, не забыв мысленно усмехнуться касательно обращения. Ветер взлохматил его волнистые с проседью волосы, я удивилась его морозоустойчивости и заметила припаркованный вблизи внедорожник.

- Пойдем со мной, окажу тебе первую медицинскую помощь, - ласково предложил он с улыбкой. Не слушая моего отказа, прихватил за плечи и завел в холл отеля.

За стойкой, завидев представительного постояльца, осветилась улыбкой дама-администратор. Ее благожелательность слегка коснулась и меня.

- Добрый вечер, Сергей Сергеевич, - проворковала она.

- Добрый вечер, Ираида Кузьминична, - сдержанно ответил мужчина, как это делают обеспеченные джентльмены по отношению к обслуживающему персоналу женского пола: чуть галантности, чуть корректной вежливости, сдержанная учтивость и явный намек на существующую границу, переходить которую не желательно.

- Это ваша родственница? - не сдержалась от вопроса Ираида, особо не надеясь на получения ответа.

Но мужчина был в хорошем расположении духа.

- Это моя тетушка. Она отругала меня за то, что не остановился у нее, чтобы загладить вину пригласил ее к себе на ужин.

- Я не...

- Тетушка, не бойся, здесь тебя никто не укусит. Разве только дверь, - рассмеялся он своей шутке и попенял Ираиде за входные двери.

- Нам швейцар по рангу не положен, - покаялась дама-администратор.

- Я сам виноват, не успел придержать дверь. Она у меня шустрая, - кивнув в мою сторону, пояснил «племянник».

- Сергей Сергеевич, вам ужин в номер подать или предпочитаете посидеть в ресторане? – поинтересовалась Ираида Кузьминична.

- Тетушка, что тебя больше устраивает?

- Я не... - вновь начала я, но меня опять бесцеремонно прервали.

- Мы будем ужинать в номере! - ответил за обоих мужчина.

Он учтиво взял меня под локоток, но не смог сдвинуть с места.

- Что случилось? – прошептал Сергей мне на ухо. Мой ответ его мало интересовал, он сразу перешел к объяснениям. – Не надо меня бояться, сейчас согреешься, поужинаешь и пойдешь, куда хочешь... Промерзла небось до костей? – участливо спросил он, усиленно потирая рукой мои плечи, отчего я пошатывалась.

- Не думайте, я не побирушка, у меня и дом есть, - клацая зубами от его усердия, тихо промямлила я, потупив глаза.

- Никто тебя побирушкой не считает, - замотал головой мужчина. – Прошу не упрямясь, составь мне компанию.

- Но у меня... здесь дело, - шепотом пояснила я, посматривая в сторону Ираиды, которая делала вид, что мы ее не интересуем.

- Потом я решу все твои дела, - пообещал Сергей.

- Потом будет уже поздно.

- Чем я могу тебе помочь? – подобрался он, сообразив, что я не отступлю.

Не знаю, зачем я ему понадобилась, может быть, я напомнила ему мать или другую близкую родственницу, всё возможно. Боязни я не испытывала, нельзя всех подозревать в злом умысле, нельзя вокруг видеть одних врагов. Я устала от этого.

Но пересказывать последний месяц своей жизни, напичканный событиями разного рода, уж, точно не буду.

А как узнать, к кому пришел Федор?

- Сергей Сергеевич, если вы хотите мне помочь, то спросите у администратора, в какой номер направился молодой человек, пришедший незадолго до нашего здесь появления, и кто проживает в этом номере?

- Нет проблем!

Ираида сказала, что молодой человек пришел в десятый номер. В нем проживает... Романов Арсений Иванович.

Если бы не поддержка Сергея Сергеевича, я бы села на пол. Романов- Родионов... И Арсений Иванович...

- А вы... видели его паспорт? – не удержалась я от вопроса.

- Когда Романов вселялся в наш отель, у меня был выходной, его оформляла моя сменщица. Но могу с уверенностью сказать, без паспорта или другого документа, подтверждающего его личность, номер ему бы не предоставили. Не с потолка же она взяла его данные, занесенные в компьютер... Но если вас интересует что-то еще, я могу ей позвонить, - милостиво предложила женщина.

Сергей вопросительно посмотрел на меня.

- Спасибо, не надо, - неуверенно пробормотала я, не спеша отходить от стойки администратора. Подбадривающий взгляд спутника заставил меня разговориться. - А как он выглядит? Как выглядит Арсений Романов? – шелестящим шепотом спросила я, словно этот человек стоял у меня за спиной и усиленно пытался расслышать, что меня конкретно интересует.

- Обычный мужчина, - передернула красивыми плечами Ираида, а я сделала вывод – её внимание он не привлек. Теперь подбадривающий взгляд Сергея был адресован ей. - Среднего телосложения, среднего роста. Лицо... Непривлекательное лицо. Каких-то особых примет я не заметила. Говорю же – он обычный, мимо пройдешь не заметишь.

- Из чего следует – отвращения, как и приязни, он не вызывает, - внес свою лепту в наш женский диалог Сергей Сергеевич.

Я посмотрела на него с неодобрением. И сразу переключилась на даму=администратора, которая могла описать постояльца по фамилии Романов и по имени Арсений.

- У него нос здоровенный, глаза близко посажены, рот большой? – затаив дыхание, продолжала допытываться я, привычно сложив кисти рук венчиком, изображая здоровенный нос.

Дама задумчиво свела брови на переносице, восстанавливая неповторимый облик Родионова, и неопределенно заметила:

- Может быть, может быть. Я его видела всего пару раз, он из номера почти не выходит.

- Теперь всё? – устало вздохнул Сергей Сергеевич, обращаясь ко мне.

Я отрицательно покачала головой.

- Из какого города он приехал?

Ираида изучила данные на Романова и назвала город, в котором он проживает.

Оказывается, мы были с ним земляками. Как и с Федором.

- Если вам интересно... - начала говорить нам вдогонку администратор.

- Интересно! – сразу брякнула я, не дослушав до конца.

- Автомобиль Романова стоит на заднем дворе отеля. Государственный номер...

Я повторила набор цифр и букв несколько раз, чтобы запомнить.

- Я тебе запишу, - пообещал мне Сергей, увлекая меня к себе в номер.

Что я творю! – мысленно возмущалась я, но продолжала идти рядом с ним.

Строила предположения, зачем ему понадобилась? Неужели обществу молоденькой красотки он предпочитает общество пожилой женщины? Или он любит женщин старше себя? В детстве был лишен материнской ласки...

У меня стали заплетаться ноги. В итоге, я, в который раз за сегодня, чуть не упала, но Сергей вновь меня поддержал. Я хотела запоздало запротестовать, но он мягко, но настойчиво запихнул меня в свой номер.

В номере было то, о чем я еще недавно мечтала – камин, пусть и электрический, и два удобных кресла напротив него. Прямо, как на Бейкер-Стрит у Шерлока Холмса. Из гостиной вела еще одна дверь. Я догадалась, что там находится спальня.

Сергей сбросил дубленку и прямо в ботинках прошелся по номеру, внимательно осматривая его, словно искал десять отличий, появившихся за время его отсутствия. Заглянул в спальню, снова прикрыл дверь и быстро перевел взгляд на меня. Глаза у него были хитрые и колючие. Я поежилась, переступила с ноги на ногу и пошарила руками за спиной в поисках дверной ручки. В голове металась одна испуганная мысль – бежать, бежать, бежать.

Как назло дверная ручка отказывалась стать моим сообщником.

- Ну? Что будем делать, тетушка? – глумливо поинтересовался он, вытягиваясь во весь свой гигантский рост передо мной.

Момент побега был упущен.

- А что вы... предлагаете? – с трудом ворочая языком, спросила я.

- Палец покажи! – приказал мужчина, я сразу протянула правую руку и напряглась, будто мне предстоит сложная операция.

Палец был слегка красным, впрочем, как и все остальные, почти не болел, о чем я поспешила сообщить Сергею Сергеевичу.

- Значит, не болит? – задал он вопрос, в голосе чувствовалась угроза.

- Немного, - ответила я, не желая его злить. Раз ему хочется, чтобы палец болел, пусть болит.

Мужчина внимательно изучал мою руку, вертел ее в разные стороны, то ладонью вверх, то вниз, задерживая на положении вниз. Покрутил кольцо на среднем ушибленном пальце, словно раздумывал – забрать его сейчас или позже. С трупа. Паника приближалась к опасному значению, после которого я бездыханная паду ниц.

- Руки у тебя совсем молодые, - задумчиво пробормотал он.

Я ужаснулась: про руки-то я не подумала! Не собиралась ими размахивать перед лицом Федора.

- Я делаю специальные омолаживающие процедуры, - невнятно изрекла я.

Сергей снял с меня лисий полушубок и подвел к креслу. Пришлось устроиться с комфортом. Я сконфуженно куталась в шарф.

Мужчина обошел меня, загородил собой камин, не желая расставаться с моим полушубком – его первой добычей. Он стал пристально изучать мою ведьминскую физиономию. Я спокойно приняла его взгляд, но не удержалась – опустила глаза и начала разминать ушибленный палец, о котором давно забыла.

- Привет, Лукерья! – неожиданно сказал он, подпирая рукой подбородок и одновременно вода указательным пальцем по щеке. Где-то я этот жест уже видела. – К чему этот маскарад? Ты не могла настолько измениться после нашей последней встречи, что превратилась в даму преклонных лет.

Меня подкупило то, что он не назвал меня старушкой. Успокоило, что мы были знакомы.

- А вы... кто? – поспешно поинтересовалась я, судорожно копаясь в памяти.

- Не можешь меня вспомнить? Не мудрено. Мы виделись всего один раз. И случилось это... Дай Бог памяти... тринадцать лет назад! Точно – тринадцать лет назад, а будто бы было вчера... Как время летит?! – с ностальгией по прошлому произнес он.

То прошлое – момент нашей встречи - как назло не отложился в моей памяти...

Неловко перед человеком, который помнит ту единственную нашу встречу.

А вдруг он меня разыгрывает? На самом деле он член банды, которая подбирается ко мне всё ближе и ближе. Потому и знает мое имя, а я не могу вспомнить Сергея, с которым встречались тринадцать лет назад. Никогда не поверю, что женщина может оставить след в жизни мужчины, который не пытался ее найти. Я допускаю мысль, что наши пути с Сергеем пересекались. Но я о нем забыла уже на следующий день. В отличие от него.

Если я так запала ему в душу, то почему он не искал меня? Потому что всё выдумал на ходу, чтобы завлечь меня в номер! Сейчас сюда зайдет Федор с Романовым Арсением Ивановичем...

- Я узнал твое колечко, – прервал мою мысль на самом трагическом месте Сергей Сергеевич, за что я ему была благодарна: воображение грозило разойтись не на шутку.

- Колечко? – переспросила я, всматриваясь в дорожную моему сердцу вещь. Нахмурилась и заявила, - колечко, как колечко, никакой исторической ценности не имеет!

- Оно необычное. Никогда ничего подобного больше не видел... Я помню, тебе его подарил отец на окончание академии культуры.

- Мы вместе учились? - с надеждой спросила я, отлично понимая, что он старше меня на много лет, таких студентов у нас на курсе не было.

Он не спешил отвечать, открыто рассматривая меня с ног до головы. Я сильнее закуталась в шарф, прижала его к груди одной рукой, а другой стала очищать черные брюки от невидимых ворсинок. Поэтому прозевала момент, когда он слегка нагнулся, прихватил двумя пальцами шапку и стянул ее с моей головы.

- Нет, ну надо же быть такой приверженицей мальчишеского стиля! – то ли с осуждением, то ли с восхищением произнес он. – И стрижка та же, и цвет волос.

Я судорожно попыталась вспомнить, в какой период жизни была с короткими светло-каштановыми волосами. О цвете волос надо забыть, он имеет способность к частому изменению, а вот стрижка... Нечто подобное на голове у меня уже было, но не такое рваное. Хотя...

Перед самым получением диплома я решила кардинально преобразиться, и после об этом пожалела – мои ученики никак не воспринимали меня, как преподавателя, с этой стрижкой я походила на певучую птичку, побывавшую в переделке. После этого эксперимента до сей поры я так коротко не стриглась.

Академию культуры я окончила ровно тринадцать лет назад.

- Мы с вами встречались летом... - протянула я и назвала год.

- Да, это было летом, и с годом ты не ошиблась, - согласился он печальным голосом, из чего я заключила следующее – наша встреча оставила в его душе незаживающую рану. Именно, это явилось причиной мести. Неужели для этого нужно ждать тринадцать лет?! Но он мог отбывать срок за...

Как я сразу не догадалась! Я стала свидетельницей того, как он совершал преступление. На самом деле, я в тот момент ничего не поняла, а он решил, что с моей подачи его арестовали.

Я его не помню, а он меня отлично запомнил. Даже запомнил мое кольцо, которое по заказу отца сделал один ювелир. Поэтому Сергей сказал, что оно необычное.

Я встала с кресла и задушевым голосом продекламировала:

- Сергей Сергеевич, не буду вам мешать предаваться воспоминаниям, - и стала пятиться назад.

- Э-э-э, нет, так дело не пойдет! – прервал мои поползновения мужчина, вернув меня в кресло. Расстался с моим полушубком, пристроился на соседнее кресло, протянул ноги ближе к камину и с улыбкой, пришедшей на смену грусти, с чувством произнес, - сейчас посидим, поболтаем, ты мне расскажешь о себе, о своем муже.

- О каком муже? – спросила я, позабыв, что на тот период, о котором я думаю, у меня был один муж - Григорий Фурман.

- О каком?! О своем! Или у тебя их было несколько? – с усмешкой поинтересовался он. Не стал слушать ответ и принялся названивать в ресторан. Коротко сделал заказ и вновь повернулся ко мне. – Не волнуйся, сейчас всё будет!

- Я не волнуюсь, - передернула я плечами, любуясь переливами электрических огней в камине.

- Так что там о мужьях?

- Я трижды была замужем. Сейчас нахожусь в поиске, - призналась я, путаясь в своих мыслях. Не сдержалась и спросила.- Сергей Сергеевич, я никогда не поверю, что вы меня запомнили. Прошло столько лет...
- Понимаешь, Лукерья, тот день я помню до мельчайших подробностей. Я... жену похоронил. Не мог найти себе места, сел в машину и поехал, куда глаза глядят. Ночь. Улицы пустые, а я гоню, как сумасшедший и мечтаю об одном - разбиться в лепешку. Сразу и насмерть. И вдруг вижу – у мигающего светофора стоит девчонка и плачет. Обнимает светофор, как паренька, и плачет, уткнувшись лбом в холодный металл.
- Не холодный. Не успел остыть после жаркого летнего дня. – неожиданно я всё вспомнила. - Ты так резко затормозил, что я испугалась. Проследила взглядом по оставшимся на асфальте двум черным полосам, потом уже заинтересовалась водителем.
- А я вышел из машины и спросил у тебя: Что случилось?
- А я ответила: Поссорилась с мужем и ушла из ресторана.
- Ты увидела, как он целовался с твоей сокурсницей.
- Гришка не целовался, он ее в щеку чмокнул, а я черт знает что себе напридумывала. Он мне потом все объяснил. Григорий не выносил лжи.
- Он... умер?
- Типун тебе на язык! Он живет и здравствует с новой женой. У него всё прекрасно.
- А ты ведь даже не догадываешься, что спасла меня в тот день от смерти?
- Правда?
- Правда.
- Я помню, как ты мне рассказывал о своей жене. Лена, кажется?
- Лена. Ей было всего двадцать восемь лет. Подхватила инфекцию и сгорела за неделю.
- Ты женат?
- Пять лет назад женился. У меня растет сын.
Я поняла – человек счастлив.
- Удивительно, что судьба нас снова свела. Живем в одном городе и ни разу не встретились.
- Я давно оттуда уехал. В то же лето. У меня родители в Киеве живут, к ним и перебрался. У меня все нормально. В Заболоченск по делам приехал. А ты?
- А у меня здесь родители живут. Я к ним в гости приехала.
- А зачем за парнем следишь?
- Он встречается с дочерью моей подруги. Она малолетка совсем, а Федор достаточно взрослый. Решили узнать о нем побольше, из девочки слова не вытянешь. Только одно твердит – люблю!
- А он твоей подруге не нравится, я так понимаю?
- Скользкий он какой-то, себе на уме. Учится в моем городе, сюда изредка навещается к бабушке. Но и о нашей девочке не забывает.
- Зачем внешность менять? Или ты с ним знакома?
- Виделись пару раз.
- Как думаешь, что его привело в этот отель?
- Его пригласил Романов. Тот, который живет в десятом номере. Я подслушала их телефонный разговор, толком не разобрала, о чем они говорили, и решила всё выяснить до конца. Пошла за Федором, он привел меня сюда. – Я провела рукой по гостиной, будто Федька завел меня в номер Сергея. - Сережа, а ты этого Романова из десятого номера не видел?
- Я только утром сегодня приехал, никого из постояльцев не встречал. Такая тишина стоит, словно я здесь один живу.
Я прислушалась.
- И, правда, очень тихо. И автомобилей не слышно, несмотря на то, что проезжая часть совсем близко.
- На окнах хорошие стеклопакеты, - со знанием дела заключил мужчина.

- А если подкрасться к номеру Романова и попытаться узнать, о чем они разговаривают?
- Лучше не надо. И вообще... Забудь на время о Романове и Федоре. Я так рад тебя снова увидеть!.. Лукерья, одна просьба - ты могла бы смыть свой грим?
- Не знаю, удастся ли с первого раза, но я попытаюсь.

Сергей проводил меня до ванной.

Появилась я только через двадцать минут. Лицо горело от моего усердного умывания. И так стянуло кожу, будто мне наложили маску и забыли ее удалить. Сережа предложил мне крем после бритья. За неимением ничего другого, я согласилась, снова спрятавшись в ванной.

Тем временем нам принесли заказанный ужин.

Время пролетело незаметно. Мне было так комфортно с Сергеем, словно мы не расставались все эти тринадцать лет.

Лица я его совсем не помнила. Помнила рассказ о почившей супруге.

И две черные линии на асфальте.

Кажется, мелочь, но такие мелочи чаще значимых событий застревают в голове. Будто бы давно забыл о них, но неожиданно они возвращаются...

Когда я собралась уходить, поблагодарив его за вкусный ужин и приятную беседу, он вызвался отвести меня домой.

Я забыла, что избавилась от грима и вновь стала молодой женщиной. Поэтому не могла понять, почему так вытянулось лицо Ираиды Кузьминичны.

Я замешкалась неподалеку от её стойки и обратилась к своему спутнику.

- Сергей Сергеевич, даже не знаю, как вас благодарить! Вы чудесник! Вы волшебник! За несколько часов так преобразить женщину! Спасибо вам!

- Да, что вы, - отмахнулся он, - не стоит благодарностей.

Когда мы вышли на улицу, он усмехнулся и сказал.

- Ну, Лукерья, ну, выдумщица! Благодаря твоим восхвалениям у меня отбоя от клиентов не будет.

- Предлагаю сменить отель!..

В окнах горел свет. Я знала, какой горячий прием меня ждет дома.

Мы попрощались с Сергеем, не забыв обменяться номерами телефонов. Но и он, и я знали, что не станем звонить. Но если судьба нас снова сведет вместе, мы будем ей благодарны.

А судьба нас сводит в те моменты, когда мы нуждаемся в поддержке друг друга. Он вселил в меня уверенность, что я справлюсь, несмотря на то, что я его не посвятила в свои дела. О своих проблемах Сергей так же умолчал, но судьбу не обманешь. Надеюсь, я стала для него гаванью для передышки.

Возможно, я преувеличиваю свои возможности...

Не спеша я зашла в подъезд, оттягивая встречу с рассвирепевшими родителями, потерявшими меня в маленьком городе Заболоченске. И едва не закричал от неожиданности. От стены отлепился высокий мужской силуэт и спросил меня.

- Что это значит?

- Ты о чем? – справившись с дыханием и усмирив возбужденное сердце, поинтересовалась я взаимно у Федора.

- Я о том водителе, который тебя доставил до дома.

- Какое твое дело? – внятно высказалась я, подбираясь к лифту. Повернулась к парню, полюбовалась его рассерженным лицом и вспомнила, о чем еще хотела спросить его, - откуда ты знаешь, где я живу?

- Ты... мне сама назвала адрес, - без особой уверенности пробормотал он.

Сегодня я наговорила столько неправды, что чужую ложь чувствовала за версту, тем более на метровом расстоянии.

- Я не говорила тебе, где живут мои родители!

- Ты забыла! - внушительным тоном сказал Федор. – Лукерья, я...

- Довольно! Я не верю ни одному твоему слову! Скажи честно, что тебе от меня нужно? – фамилия Романова собиралась сорваться с моего языка, но я вовремя закрыла рот, чтобы не наболтать лишнего.

- Ты мне нравишься, - с грустью объявил он, сложив брови домиком.

- Надо признать, что актерских способностей у тебя нет. Как нет шансов привлечь мое внимание. Извини, что сразу тебе об этом не сказала, и дала повод, согласившись на встречу.

- Но почему? – взвился парень.

Я решила, что он сейчас расплачется, а мне придется вытирать ему слезы и высмаркивать нос.

- Мне... Мне нравятся мужчина постарше, – сообщила я и зашла в лифт.

Странно, - подумала я, поднимаясь на свой восьмой этаж, - то не было ни одного кавалера, то их стало слишком много. Поди, разберись, кто испытывает ко мне чувства, а кто идет на меня с копьём и закрытым забралом, выпустив впереди себя прикрытие?

Уже подходя в двери, я вспомнила, что Федор назвал меня Лукерьей. Не Машей – именем, которым я ему представилась...

После долгого разговора с родителями и убедительных обещаний быть послушной девочкой, я отправилась в кровать.

И твердо решила, что завтра попрощаюсь с родителями и вернусь домой.

Утро изменило мои планы. Отец сказал, что через два дня он может выписать Георгия из больницы. Добрый папочка сядет за руль его автомобиля и доставит нас до дома. Пришлось подчиниться. Оставшиеся дни я посвятила маме и Жорке. Но сначала вернула Нонне Нагавкиной вещи и поблагодарила ее за помощь.

Номер автомобиля Романова Арсения Ивановича мне записал Сергей. Я сохранила его, чтобы потом отдать Ивану Родионову. Пусть установит, на кого зарегистрирован автомобиль и где проживает владелец?

Меня тянуло к отелю «Вилла де Виль», чтобы увидеть Романова, но я себя останавливала. Без Ивана больше с места не сдвинусь.

Вместе с мамой мы навещали Жорку. Ни мама, ни Жорка не понимали моего поведения. Одна старалась улизнуть, чтобы оставить нас наедине, но я держала ситуацию под контролем. Другой поначалу испытывал неловкость от присутствия моей родительницы, затем нашел в этом выгоду – собрался просить у неё моей руки, но я вовремя пресекла его попытку, пожелала скорейшего выздоровления и увела из палаты смущенную мать.

Волков быстро шел на поправку. И был весьма рад, что скоро вернется в родной город, где ему никто не мешает обивать мои пороги.

Я пока не знала, как буду реагировать за его ухаживание. Враждовать с ним я не собираюсь - не хочу наживать в его лице врага, у меня таких «товарищей» и так хватает, но изображать чувства я не умею. Я умею их сдерживать до поры, до времени. Как с Жаворонковым.

При воспоминании о Митьке грусть навалилась на меня. Настроение, с трудом державшееся на плаву, пошло ко дну. Оставшийся до отъезда день я провела на диване с книгой в руках...

Отец заранее позаботился о Волкове, купил ему сорочку, свитер и брюки, угадав с размерами. Прежняя одежда пришла в негодность.

Георгий устроился на заднем сидении, папа сел за руль, я – рядом с ним.

Наш больной пытался завести разговор, но мы отвечали неохотно, в итоге он погрузился в сон, нарушая тишину салона богатырским храпом...

Вскоре я тоже задремала. Очнулась, когда мы въехали в город.

Отец сопровождал Жорку до квартиры, а я пошла к себе. По привычке заглянула в почтовый ящик. В нем лежало письмо. Адресовано оно было мне, но обратного адреса не было. Я так давно не получала писем, что поспешила узнать, что в нем написано?

Быстро пробежала глазами по исписанным строкам, изучила черно-белую фотографию. Вновь прочла письмо. Сунула всё в конверт, а конверт в сумку и потопала в квартиру.

Когда вернулась отец, я спросила у него.

- Папа, ты когда думаешь возвращаться в Заболоченск?
- Уже надоел? – усмехнулся он.
- Я серьезно спрашиваю!
- Завтра с утра поеду на автовокзал за билетом. Послезавтра у меня дежурство.
- Я поеду с тобой!
- Что случилось?
- Ничего! – смело глядя ему в глаза, ответила я. – Переступив порог своей квартиры, поняла, что не хочу быть одна. У меня есть еще несколько дней, чтобы побыть с вами.
- Кого ты боишься?
- Пап, никого я не боюсь... Если честно, то... не хочу находиться рядом с Волковым.
- Ты не рядом, он живет у себя, ты у себя.
- Для него это не преграда. Ждет не дожидается, когда ты уедешь, чтобы начать осаду. Пройдет несколько дней, он успокоится...
- Если он тебя любит, то не успокоится. А ты должна решить, нужен он тебе или не нужен. Сможешь ты ответить ему взаимностью или нет. Если нет, то так ему и скажи.
- Потом скажу, когда окончательно встанет на ноги.
- Лукерья, мне кажется или ты на самом деле, чего-то не договариваешь?
- Я хочу вернуться в Заболоченск! Причину я тебе назвала. Если она тебя не устраивает, то, как говорится в одном анекдоте, ты умный, придумай что-нибудь сам...

Глава девятая

Перемены и загадочные предсказания

Я так растворилась в очередной новости, которая пришла мне по почте, что безразлично восприняла звонок Ивана Родионова, несмотря на то, что ожидала его с нетерпением. С большим трудом сосредоточилась на сведениях, которые ему удалось собрать за время, которое я провела у родителей.

Ваня сообщил следующее: случаи утопления на неокрепшем льду в нашей области были, как без этого. Тем более водоемов хватает, а количество безбашенных рыбаков превышает количество осторожных. Озеро он нашел, все сходится – четыре остановки на электричке, потом лесом с полчаса. Но утонуть в нем невозможно при всем желании – оно мелкое. Ясно, что человек в сильном подпитии и в луже захлебнется, но настоящие любители зимней рыбалки – фанаты - спиртным не увлекаются, больше на горячий чай из термоса налегают. Много лет назад, лет пятнадцать-двадцать, озеро было одной из основных достопримечательностей области. Его даже сравнивали с озером Байкал. Естественно, размеры не те, но красота необыкновенная. Со временем озеро начало пересыхать. Защитников природы этот факт возмущает, они призывают власти обратить внимание, те обещают, но ничего не предпринимают. На мой вопрос, откуда почерпаны эти сведения, Иван Родионов сказал, что его отец часто ездил на это озеро на рыбалку, но предпочитал делать это в теплое время года. Он брал с собой маленького сынишку, но сынишка об этом позабыл, пока не стал искать водоем, о котором рассказывал человек, назвавший себя именем его отца. К тому же у Вани есть друг, вот он заядлый рыбак. Для него время года в расчет не идет. Когда Родионов о нем вспомнил, тот ему и рассказал о пересыхающем озере. Еще пару лет и о тамошней рыбалке можно забыть.

Теперь что касается Марты Архиповны Ризванюк. Старушка пришла в сознание, но ничего не помнит. Вообще, ничего! Ни свое имя, а уж тем более, что с ней произошло.

Врачи ничего не обещают. Возраст и всё такое. Но, всем на удивление, она отлично помнит, сколько денег у нее лежало в сейфе, сколько на счету в банке. Факт наличия сейфа в квартире старушки меня озадачил, я думала, что бабули держат денежки в чулке или под периной. На счету в банке я еще могу понять – живут по советской привычке, надеясь на хорошие проценты.

Следующая новость от Родионова сразила меня наповал.

Гражданка Ризванюк не просто старуха-процентщица, она владелица двух магазинов итальянской обуви. Не поскупилась, наняла хорошего управляющего, которому полностью доверяет, но руку на пульсе держит – контролирует бухгалтерию и отслеживает финансовые потоки.

Теперь мне стало понятно, откуда у бабульки такая дорогая обувь.

Жаль, что она ничего не помнит, кроме количества денежных средств.

Полицейские вскрыли сейф и выяснили, что преступник из него ничего не взял. Даже не предпринял попытку ограбления.

После длинного монолога Иван спросил, что я обо всем этом думаю? Я не удержалась от похвалы в его адрес, словно была нанимателем, а не коллегой. Скажем честно - от такого коллеги, как я, проку, как от бульдозера в морозы ниже пятидесяти, как в Магадане.

Но раз молодого мужчину заинтересовало мое мнение, я решила его озвучить. Но для начала спросила:

- Ваня, а у Ризванюк есть близкие родственники, которым достанутся после ее смерти квартира, магазины, кругленькая денежная сумма.

- Вообще никого нет! И нет завещания. Наверное, считает себя бессмертной.

- Я этому не удивляюсь. Кому-то приятно находится в обществе детей и внуков, а кто-то получает удовольствие от своего одиночества: не надо ни о ком заботиться, не о ком переживать.

- Это все демагогия, давай по существу, у меня мало времени.

Я слегка обиделась, но продолжила, как ни в чем не бывало.

- Значит, вот, что я думаю: человек, который пришел ко мне и назвался Родионовым, знал об этом озере не понаслышке. Бывал там, но раньше, когда озеро было полноводным и глубоким. Оно пришло ему на ум, когда он сочинил трогательную историю о рыбаке. Спросишь, что это нам дает?.. Пока не знаю. Как не знаю, почему он назвал меня Машей? Специально, чтобы я не приняла этот рассказ на свой счет, но озадачилась? Или случайно перепутал имена? Над этим вопросом я уже давно голову ломаю... Если он целенаправленно шел ко мне, то заранее собрал обо мне сведения. Знал, к кому идет. Пусть не докопался до мелких подробностей моей жизни, но к встрече тщательно подготовился. Так сказать, знал, «чем я дышу» и что из себя представляю. Следовательно, второй вариант отпадает.

- А чем ты дышишь? – заинтересовался Родионов.

- Порохом! – быстро нашла я ответ. – Поэтому спичку ко мне не подноси. А он поднес, то есть заинтриговал. Я закопалась в этом деле по самые уши. Но пока копаюсь, как слепой крот. Куда-то рою подземный ход, но, кажется, двигаюсь в неправильном направлении... Не могу понять главного – что ему от меня нужно? – не совсем искренне произнесла я, будто уже обо всем догадалась, но не хотела говорить.

- А если предположить, что он долго отсутствовал, а потом вернулся. Вернулся и... пришел к тебе. Но зачем?

- Хотел на меня посмотреть, - ляпнула я. – А про озеро и рыбака сказал для отвода глаз.

- С какой целью? – задался вопросом Родионов. – Ты, конечно, девушка привлекательная, кому угодно понравиться, даже несимпатичному мужику за пятьдесят, но зачем приходить к тебе в дом? Можно на улице полюбоваться, не сближаясь.

- Хотел услышать голос, рассмотреть поближе.

- Ты... догадываешься о причине его визита, но не хочешь рассказывать?

- Я скоро обо всем узнаю. И ты будешь первым, кому я расскажу. Если Арсений Иванович тот человек, о ком я думаю, то можно не волноваться о безопасности... И к покушению на жизнь Ризванюк это не имеет отношения.

- Ты чем-то озабочена?

- Я постоянно чем-то озабочена, - ушла я от ответа.

- В Заболоченске ничего не произошло? – спросил он, пытаясь найти причину моего подавленного настроения.

- Много чего произошло.

Я рассказала о знакомстве с Федором, которому назвалась Машей, а он знал, как меня зовут на самом деле и где живут мои родители. Был слишком настойчив, что меня несколько смутило. В отеле встречался с человеком, которого зовут Романов Арсений Иванович. Продиктовала Ивану номер его автомобиля. Пусть установит, кто является его владельцем и где проживает этот владелец? Я лично я решила, что администратору он предъявил поддельный паспорт. Возможно, Арсений Иванович это его настоящие имя и отчество, не зря я слышу их второй раз. Он меняет только фамилии, причем выбирает созвучные.

Хотела скрыть от Ивана покушение на Волкова в подъезде, но, пораскинув мозгами, скомкано выдала информацию.

- Нападавших он описать не смог? – спросил Родионов, возмущенно посопев в трубку.

- Я же говорю – один к нему стоял полубоком и изображал на лице страдания от радикулита, а другой подкрался сзади и пырнул ножом.

- Надо связаться со следователем, который ведет это дело, и узнать, есть ли подозреваемые... - деловым тоном сказал Иван. Не выдержал и возмутился: Лукерья, что у тебя происходит?! Вода с потолка льется?!

- Я сижу в ванной, а воду включила, чтобы отец ничего не слышал. Не хочу его посвящать в свои проблемы.

- Понятно.

- Я завтра возвращаюсь к родителям.

- Может, я поеду с тобой? – предложил Родионов.

- Я тебе уже сказала – моя жизнь вне опасности!

- Передумаешь, звони...

Мама встретила меня без особого удивления, хотя, отец обещал заранее ее не радовать, что дочь надумала вернуться.

Я уткнулась ей в шею и сказала.

- Я тебя очень, очень люблю.

- Я тебя тоже очень люблю, доченька. У тебя всё хорошо?

- Почему ты спрашиваешь? Ты же знаешь, что у меня «семь пятниц на неделе»: легко меняю планы по настроению.

- Материнское сердце не обманешь, оно всё чувствует. Как жаль, что ты выросла. Когда была маленькой, мы всегда были рядом.

- Мы и сейчас рядом, - вставил фразу отец.

Я не могла откладывать неприятный разговор. Но не хотела это делать при папе.

- Можешь оставить нас вдвоем? – попросила я его. Он кивнул и вышел, плотно прикрыв дверь.

- Я не знаю, с чего начать, - честно призналась я.

- Начни с главного, - посоветовала напряженная от неведения мать.

- Скажи, мой отец... это... мой настоящий отец? – сбивчиво спросила я, не расставаясь со своей сумкой, в которой лежало полученное накануне письмо.

- Это шутка?

- Я спрашиваю совершенно серьезно.

- Да, это твой настоящий отец. Тебя такой ответ устраивает? Или ты надеялась услышать признание и запоздалое раскаяние?

- Ты... не ошибаешься? – отчужденным голосом произнесла, сжавшись в маленький комок, внутри которого находилась сумка с письмом.

- Лукерья, ты хочешь меня обидеть? – вскинула брови мамуля и сердито поджала губы.

- Не хочу, – промямлила я.

Отбросив сомнения, достала из сумки конверт и протянула матери. Она не стала спрашивать, что это, просто взяла конверт в руки, достала короткое послание и начала читать, нацепив на нос очки. Уже после изучила черно-белое фото. Фотография была потертой и измятой. Наверное, ее долгое время носили с собой, однажды хотели избавиться, изрядно помяв, но потом передумали.

- Я не понимаю, кому это нужно? – напряженным голосом произнесла мать.

Я забрала из её рук фотографию и снова стала ее рассматривать. Фотограф стоял очень далеко. Хотел разом охватить всех участников события, случившегося на ступенях родильного дома.

Наверное, он запечатлел их в тот момент, когда женщина в пестром широком платье вышла из дверей. Рядом с ней стояла девушка в белом халате со свертком на руках. У основания лестницы находился мужчина с букетом цветов в руках. Он занес ногу на ступеньку, его взгляд был устремлен на женщину и на медсестру со свертком. Я подумала, что он может упасть. Угадать, кто этот мужчина, кто эта женщина в пестром платье, кого держит на руках медработник, не представлялось бы возможным, если бы... если бы к фотографии не прилагалось короткое пояснение. Я нем было четко написано, что мужчина с букетом это Троянов, женщина на выходе из родильного дома – его супруга, младенец – это я – Лукерья Троянова. В качестве фотографа-любителя выступал мой настоящий отец, который не решился назвать свое имя, но который всю жизнь мечтал познакомиться со мной и открыть правду. Снимал он чету Трояновых и маленькую дочь инкогнито. Расстояние было большим, поэтому изображение получилось не четким.

Я достала из стола лупу, желая рассмотреть лица людей на фотографии. Мама скептически поглядывала на меня. Беспокойство ее не охватило, вернее, охватило, но это было беспокойство за меня.

- Ты не то изучаешь, - нахмурившись, сказала мать.

- А что нужно? – буркнула я, выражая недовольство.

- Одежду на людях, деревья...

- И что?

- Как думаешь, когда сделала эта фотография?

- Тридцать пять лет назад.

- Я не об этом. Судить по фотографии о временном промежутке сложно. Только по одежде. Но в таких платьях ходили и двадцать лет назад, и тридцать... Я спрашиваю, какое время года на снимке?

- Какое? – переспросила я, отбрасывая лупу. – Лето, наверное. Судя по легкой одежде, по зеленым деревьям.

- И что это значит?

- Что? Я плохо соображаю, – я отбросила снимок и потеряла виски.

- Ты когда родилась?

- Восьмого марта, - удовлетворенно констатировала я, - а это значит... Это значит, что снимок - полная липа! Этими людьми не могли быть вы с папой, а младенец на руках – не я. Что у него было под рукой, более-менее подходящее, то она мне и послал.

- С первого до последнего слова эта писанина - сочинение сумасшедшего, – мама брезгливо взяла двумя пальцами письмо папочки-самозванца и потрясла его, будто хотела стряхнуть слова лжи, оставив чистый лист бумаги.

Я заморожено на него смотрела, надеясь, что вот-вот градом посыпятся буквы, но они не посыпались.

- Предлагаю выбросить эту гадость... Или у тебя есть сомнения?
- Нет, - отрицательно замотала я голосов, - у меня нет сомнений. А что мы скажем папе, если он захочет узнать о наших секретах?
- На то они и женские секреты, чтобы скрывать их от мужчин. Не нужно ему забивать голову разной ерундой.
- Кая я могла поверить в этот бред?!
- В этом кроется причина твоего возвращения?
- Mam, мне стыдно, - покаялась я.
- Ты правильно поступила. Хуже, если бы скрыла это письмо и продолжала мучиться... Одно не пойму, кому это нужно?
- Кто-то играет со мной в непонятную игру, - призналась я. – Пока не соображу, какую он преследует цель.
- Хочет втереться к тебе в доверие, - сказала мать, чем меня очень удивила. Об этом я не думала.
- Но зачем?
- Пока не знаю. Но меня успокаивает то, то он не станет покушаться на твою жизнь, раз хочет с тобой подружиться... Отдыхай, а я пойду.
- Я не стала запугивать мать и рассуждать, какое место в его игре занимают Ризванюк, Власов и Федор?
- Федора я еще могу пристроить: он послан Романовым для установления контакта.
- А Георгий?.. Георгий им мешал. Федор проследил за мной от автовокзала, на следующий день пришел к дому по приказу Романова и случайно услышал, как по подъездам бродит мужик с букетом и ищет Лукерью Троянову. Только конкурента им и не хватало. Федор звонит Романову, тот приезжает, изображает человека с радикулитом, а в это время его помощник Федя подкрадывается сзади...
- Теперь Ризванюк. Каким боком сюда вписывается Марта Архиповна?
- Что говорил об озере Иван Родионов? Было глубоким, сейчас пересыхает. Мой визитер, он же домушник, он же любитель зимней рыбалки, не знал об этих изменениях. Я сама предположила, что давненько не был в нашем городе. Не мог, не хотел, не было возможности. Зачем вернулся? Пока не знаю. Могу догадываться о том, что старушка Мирка была с ним знакома. Глаз у нее острый, память хорошая, особенно это касается далекого прошлого, как у всех старых людей, страдающих склерозом. Она его узнала, а он стукнул ее по голове, чтобы никому не рассказала о том, кто вертится возле моей квартиры. Стукнул в полсилы, надеясь, что ей и этого хватит, чтобы отправиться вслед за мужем, который её заждался.
- Мои догадки распирала меня. Звонить Ивану было поздно: у него жена, ребенок, который давно спит.
- Но желание поделиться своими неожиданными соображениями победило тактичность.
- Ваня сначала говорил шепотом, потом заговорил нормальным голосом, но приглушенно, наверное, нашел укромный уголок в своей запущенной двухкомнатной квартире.
- Я всё ему выложила.
- Какие у нас планы на будущее? – спросил Родионов, терпеливо выслушав мой скачущий с одного на другое рассказ.
- Ваня, ты не смейся, но я хочу сходить к гадалке.
- Куда? – задохнулся от возмущения он, словно я сказала, что пойду работать ночной бабочкой на панель.
- К гадалке, и не отговаривай меня.
- Хозяин барин, но...
- Почему ты замолчал? Хотел сказать, что считал меня умнее?
- Совсем не это!

Я представила ошарашенное лицо нового приятеля, почти такое, как в новогоднюю ночь, когда мы повстречали моего свекра.

С грустью вспомнила о старшем Алиферуке, с неудовольствием - о его сыне, а заодно - и обо всех мужьях.

- Ваня, давай забудем о моих предположениях. И начнем прорабатывать другие версии. Я хочу, чтобы ты навел справки о моем втором муже - об Игнате Сипетине. Его я как-то упустила из вида. С самого начала думала, что кто-то хочет загнать меня в тупик игрой в прятки. Довести своей игрой в «ку-ку» до умопомрачения. Если жизнь Игната после расставания со мной пошла сикось-накось, то я он мог найти «стрелочника». Вбил в себе в голову, что виной его неудач являюсь я, и решил мне отомстить.

- Он на это способен?

- Раньше не был, а сейчас не знаю. Люди имеют свойство меняться под бременем обстоятельств. Я не настаиваю на том, что Игнат замешан в этой истории, то проверить стоит.

- Стоит. На одной версии замыкаться нельзя...

Попрощавшись с Иваном, я подумала: скоро последует очередной выпад мужчины с необузданной фантазией? Он, действительно, рыбак. Бросает наживку рыбке Лукерье, а она ею пренебрегает. Бросает, а она ее игнорирует. Он надеется на то, что подберет такую наживку, от которой я не смогу отказать.

Игра начинает меня затягивать.

Только не теряй головы, Лучок!

Я осознала, как изменилась за последние дни. Из взбалмошной особы с неуравновешенной психикой медленно превращаюсь в серьезную женщину, способную здраво рассуждать на темы, касающиеся лично меня. Когда речь заходит о других людях, мы может дать дельный совет, всё знаем, всё предвидим. А когда проблемы возникают у себя, теряемся, пугаемся, совершаем ошибки.

Раньше бы что сделала? Двинула в отель «Вилла де Виль» в десятый номер, чтобы встретиться с Романовым-Родионовым. А сейчас я держу своими порывы в узде.

И с Иваном разговаривала на равных, умно рассуждала... Но зачем про гадалку ляпнула?

Что уж теперь... Но к гадалке все равно пойду, хоть, я стала другой.

Может, еще поблагодарить «рыбака» придется за способность вправить мне мозги?!

В качестве снотворного я выбрала заумную книгу, позаимствованную из папиной библиотеки. Она была написана известным психологом. Думала, что усну на третьей странице, но чтение меня захватило. Честно говоря, я мало, что смыслила в психологии, на терминах, вообще», «язык ломала», среди груды завалов информации, изложенной в данном научном труде, выбрала то, в чем нуждалась в данный момент.

Аффирмация... Красиво звучит. А это не просто красивое слово. Это фраза, содержащая формулу, при многократном повторении которой человек стимулирует положительные перемены.

У меня есть перемены, надо их простимулировать. Я задумалась над фразой-установкой и растерялась: как уложить в короткое предложение всё, что я хочу себе внушить?

Озарение пришло внезапно.

У меня всё получится!

Коротко, ясно и понятно...

С самого утра ко мне «прицепились» слова из известной песни: «Ну, что сказать, ну, что сказать, устроены так люди, желают знать, желают знать, желают знать, что будет!»

Бубнила и бубнила ее себе под нос.

Причина известна - я собралась идти к гадалке.

Мне в голову не пришло изучать газетку с объявлениями, чтобы найти в ней призыв колдуньи в двадцать каком-то поколении, мечтающей четко определить, что было, что

будет, чем сердце успокоится. Хотя... Подобные дамы с вампирским взглядом, с устрашающим макияжем, с черными одеждами и сидящим в клетке вороном отличаются от уличных цыганок, которые пристают к прохожим с таким предложением.

Цыган я с детства боюсь, несмотря на то, что меня ими никто не пугал, лестными речами они меня не обольщали с последующим выносом из дома всего нажитого родителями имущества. Но каждая параллельная встреча заставляла меня быстро проشمыгнуть мимо, задержав при этом дыхание. Откуда у страха к цыганам «ноги растут», оставалось для меня загадкой. Тем более непонятна задержка дыхания. О своей фобии я никому не рассказывала, даже Митьке, с которым делюсь всеми тайнами. Почти всеми тайнами. Он никогда не высмеет меня. А в обозримом будущем никогда не уколует воспоминанием о моем секрете, который я ему поведала в минуту отчаяния. Если я хотела услышать его мнение, то предлагала высказаться, если не хотела, то давала понять, что в рассказе поставлена жирная точка и вспоминать об этом не следует.

Таким образом, крикливая цыганка в ярком наряде отпала сразу.

Колдуньям из рекламных листов я верю так же, как специалистам по установке металлопластиковых окон, которые дают гарантию на пятьдесят лет. Особенно меня забавляет, когда об этой долгосрочном периоде они рассказывают ровеснице Марты Ризванюк. Копила, копила бабушка на окна, из которых не дует, потом заменила старые деревяшки на новые с гарантией, и думает: а как же мне проверить, сколько они простоят?

А так и проверить: живи, бабулечка, еще полвека! Из принципа! Чем не стимул?..

Если цыганки-гадалки отпадают, как и модные прорицательницы, то к кому обратиться бедной женщине с массой нерешенных проблем, чтобы ей подсказали, как эти проблемы разрешить? Кого стоит опасаться, кому надо довериться?

Мне показалось, что этот вопрос из разряда повышенной сложности. Почти как составить формулу некоего органического вещества. Химия всегда была для меня наукой за гранью понимания. Как и физика – любимая сфера моего третьего мужа.

Вот как устроены женщины?! Постоянно вспоминают прошлое. Вот зачем пришел на ум Алиферук? Был он у моей жизни и сплыл. Давно пора забыть о его существовании! Если не думаешь о будущем, то живи сегодняшним днем. Живи и радуйся, так нет... Чтобы не сказала, сразу привязываю представителя из прошлого. Почему? Потому что такая натура у женщин – теребить душу разными воспоминания. Обо всех говорить не берусь, но многие со мной согласятся.

Долой лирическое отступление! На повестке дня один вопрос: найди достойного человека, способного приоткрыть завесу тайных колдовращений вокруг моей персоны. Честно говоря, мой разум подсказывает: не нужно заниматься ерундой. Надо сесть за стол, взять чистый лист бумаги и записать все имеющиеся факты. Следующий шаг – коротко изложить свои соображения и возникшие в процессе обдумывания вопросы: что сделать в ближайшем будущем?

Но это я сделать всегда успею. Хочется послушать постороннего человека, так сказать, не посвященного, который посмотрит на меня и сразу всё поймет.

Ага, прямо так и скажет: Тебя зовут Лукерья Троянова. Тебе тридцать пять лет. Ты три раза была замужем, а сейчас безответно любишь мужчину, который...

Который забыл о моем существовании! Гадкий, противный ветеринар. Звучит, как Дуремар.

Вот возьму и позвоню ему! А почему я опять выступаю инициатором? Митька обо мне не вспоминает, а я постоянно лезу к нему с просьбами, с разговорами, с... любовью, которая на самом деле вовсе не любовь, а притянутое за уши самовнушение.

Не буду я ему звонить, лучше позвоню Нонке Нагавкиной. Она у нас девушка с обширным кругом знакомых, авось в этом круге найдется неординарная личность, способная разъяснить ситуацию. К кому я еще могу обратиться в Заболоченске? Старики

Хоттабычи по улицам не бродят в надежде повстречать девушку, которая нуждается в их помощи. А жаль. Вот было бы здорово!

На всякий случай я подошла к окну, чтобы убедиться в этом. Посмеялась и отошла.

Откладывая поход к гадалке до возвращения в свой город, я не хочу по причине изменчивости моего настроения. Раз решила идти, значит, иди...

Мне показалось, что Нонку моя просьба позабавила и озадачила.

- А тебе зачем? – удивилась она.

- Надо, - недовольно буркнула я, пожалев о звонке.

Хотела распрощаться и бросить трубку, но доброжелательная и отзывчивая Нагавкина приказным тоном сказала.

- Лукерья, приходи через два часа в театр!.. Нет, лучше, через три!

- А что мне делать в театре? – слегка выказывая обиду, спросила я. – У вас там работает на полставки прорицатель, который говорит, какой у актера сегодня день: удачный или не удачный? Стоит ему выходить на сцену или пусть его заменит актер из второго состава? Или вычисляет главного интригана, строившего козни против примы?

Нонна предостерегающе покашляла. Я знала, почему она не отвечает резкостью. Из уважения к моей матери, которая много для нее сделала. Надо брать с Нагавкиной пример – помнить добро и отвечать взаимностью. Даже по отношению к близким родственникам уважаемого человека.

Беру на заметку. Жаворонков так много для меня сделал, я не удосужилась навестить его мать. Клятвенно обещаю завтра к ней пойти...

Через три часа я сидела в камере Нонны.

Она встретила меня ликующим возгласом:

- Лукерья, тебе повезло! Серафима Матвеевна сегодня здесь!

- Я тронута, - оскалилась я, осадив бывшую одноклассницу. – Было бы еще неплохо узнать, кто такая Серафима Матвеевна?

- Она заслуженная актриса, почти четверть века служит в нашем театре. Занята всего лишь в трех спектаклях, сегодня вечером идет пьеса Островского «На каждого мудреца довольно простоты», где она играет.

- Нонна, ты забыла, о чем я тебя просила?

- Не забыла, - отмахнулась она с явным осуждением, словно я обязана была знать, какие две профессии совмещает уважаемая всеми заслуженная актриса. Моя визави выдержала паузу и проникновенным голосом начала, - наша Серафима Матвеевна... великолепно гадает на кофейной гуще! – Последние два слова она произнесла громче, чем было нужно, явно намекая, что после этого должны прозвучать аплодисменты в купе с заздравиными речами в честь выше упомянутой дамы-гадалки. Ни того, ни другого не последовало, напротив, я затаилась, а на Нонну посмотрела с сожалением. Она заметно «скисла», но от желаний свести меня с Серафимой не отступила, хотя, в голосе исчезло восхищение, явившееся следствием открытия великих тайн, происходящих в старых стенах театра. – Вот ты не веришь, а Серафима Матвеевна.... Она каждый раз это делает незадолго до спектакля, чтобы войти в форму. Это ее...

- Нонна, я не верю в гадание на кофейной гуще! – охладила я театрального гримера, не дослушав до конца. – Кто этим занимается? Люди, у которых развито воображение и фантазия. Кто слушает их бред? Скучающие люди, которые хотят развлечься и... войти в форму перед спектаклем, как и словоохотливая мадам гадалка.

- Зря ты так, - помедлив, хмуро заметила Нагавкина. – Уверена, тебе ни разу не гадали на кофейной гуще.

- Признаюсь честно, мне, вообще, никак не гадали, не считая детских увлечений картами, но в то время мы все себя считали умелыми гадалками. Кто более красочно рассказывал о сохнущем по тебе мальчишке, тот восходил на вершину.

- Забудь о детских забавах. Тут всё намного серьезнее... Вот послушай, - трагическим голосом изрекла Нонна, сделав глубокий вдох, будто собиралась проверить свои легкие. – Однажды Серафима Матвеевна нагадала Алевтине, Алевтина это наша уборщица, что она вскоре выйдет замуж. Скажешь, ничего удивительного в этом нет? Возможно, но в ту пору Алевтина собиралась отметить юбилей – пятьдесят пять лет...

- Любви все возрасты покорны.

- Не спорю, но незадолго до этого у нее погиб муж, с которым она прожила много лет. После трагедии Аля сильно заболела, вот и обратилась к Серафиме с просьбой: пусть та скажет, скоро ли они встретятся с покойным мужем? Но то, чтобы Алевтина стремилась покинуть этот мир и соединиться с любимым супругом, у нее есть дети и внук, есть о ком заботиться и есть, кому о ней заботиться. Доктора не могли установить диагноз, закармливали ее таблетками, а она таяла на глазах. Представляешь ее удивление, когда она услышала о замужестве?!

- Представляю, - кивнула я, не выказывая своей заинтересованности. И беспечным тоном спросила, - и что? Вышла твоя Алевтина замуж?

- Вышла замуж через несколько месяцев. Пришла в обувную мастерскую поставить набойку на каблук, пока мастер ей ставил, она сидела неподалеку и свои думы думала. О детях, о внуках, о супруге, о терзающих болях. Когда мужчина вернул ей отремонтированную обувь, она, не глядя на него, заплатила и собралась уходить. А он вдогонку спрашивает у нее: «Что, совсем худо?» - «Худо», - отвечает она и вновь садится на стул, позабыв, что собиралась уходить. Взяла и всё ему выложила.

- А он?

- А он предложил ей встретиться вечером после работы и погулять по парку. Алевтина согласилась, даже с работы отпросилась по этой уважительной причине. Уже после рассказывала, что она мужчину почти не запомнила, ее подкупила его трогательная забота. С тех пор, как не стало мужа, Алевтину никто так внимательно не слушал. Детям некогда, у них своих проблем достаточно, а посторонние люди на то и посторонние, чтобы выслушать и отчалить, позабыв о тебе на время.

- Выслушать и отчалить, - повторила я за Нонной. – Не все посторонние люди такие неискренние.

- Почти все! До поры, до времени, они тебя слушают, пока ты не начинаешь перебарщивать с жалобами. Им надоест, будь уверена. Они устанут от тебя и исчезнут.

- Может, никогда не надоест, - заупрямилась я, соотнеся высказывание к Жаворонкову.

- Если этот человек испытывает к тебе некое чувство, но возможно не надоест.

- Что ты подразумеваешь под неким чувством? – прикинулась я дурочкой.

Нагавкина хитро прищурилась, пухлые щечки еще больше разругались, будто я задала вопрос интимного характера.

- Ой, Лукерья, ой, лиса!

И погрозила мне толстым пальчиком.

- Мы отвлеклись от темы, - напомнила я.

Нонка с испугом взглянула на часы.

- Еще есть время, - успокоилась она, - а то наша Серафима не любит, когда опаздывают.

- Не поняла, - протянула я, - ты с ней уже договорилась о встрече?

- Договорилась, - потупив глазки, односложно ответила она, - не надо было?

- Ты расскажи еще об успехах вашей гадалки, - предложила я без особой охоты, якобы смилостивилась выслушать болтливую собеседницу, чтобы убить свободное время.

- Вот еще был случай, - с прежней загадочностью начала рассказчица, - у одной женщины сын пропал. Позвонил вечером, сказал, что скоро будет у нее и... пропал. Женщина заявила в полицию. Сама обзвонила все больницы, морги – нет такого! Кто-то ей посоветовал обратиться к Серафиме Матвеевне. После всех процедур, необходимых в деле гадания на кофейной гуще, Серафима долго молчала, уткнувшись в чашку, а потом спрашивает у печальной матери: «У вашего сына есть женщина?» - «Он два месяца назад

расстался с женой. Она уехала из города, а он с той поры себе места не находит. Страдает, изводит себя, на мое предложение найти себе другую отвечает жестким отказом, говорит, что лучше Яны никого нет». - «Значит, бывшую супругу вашего сына Яной зовут?» - «Яной», - кивает мать и с надеждой смотрит на гадалку. – «Не волнуйтесь, скоро ваш сын объявится. И не один», - успокаивает та её. – «Он жив?» - «Жив и счастлив, а когда мы счастливы, то часто запоздало делимся своим счастьем с близкими людьми»... Во, как сказала! – восхитилась Нагавкина словами заслуженной актрисы театра.

- Шалопутный сын объявился?

- Буквально через пару дней заявился к матери вместе со своей Яной. Бывшая супруга ему позвонила, когда он возвращался домой и спросила: «Может быть, нам попробовать всё сначала?» Он развернул автомобиль и помчался к ней, забыв о матери. Некоторое время им понадобилось, чтобы «прощупать почву». Прощупав, они вновь соединились и приехали к матери, чтобы сообщить ей радостное известие. А мать к тому времени могла отправиться к праотцам... Ох, детки, детки, - с осуждением добавила Нонна и с любовью взглянула на фотографию своих мальчишек.

- Как же она обо всем догадалась? – не скрывая удивления, спросила я.

- Кофейная гуща подсказала! – с чувством, смахивающим на восторг, сказала Нагавкина, чем окончательно меня убедила в необходимости отправиться к талантливой гадалке.

Тем более время аудиенции подошло...

Как я не хотела скрыть своего волнения, стоя у двери гримуборной заслуженной актрисы, у меня ничего не получалось. Я нервно почесывала шею за ухом – признак наивысшего волнения. Подобное случалось у меня всего два раза - когда я шла в первый класс и когда поступала в академию. Даже успела забыть об этом почесывании, в результате которого кожа уже начала зудеть. Я не нашла ничего лучше, как плюнуть на пальцы и растереть зудящее место. Будто бы отпустило.

Несколько раз перечитала надпись на табличке, где были указаны фамилия, имя, отчество и регалии: Лапидиус Серафима Матвеевна. Заслуженная артистка РСФСР. Именно, РСФСР! Значит, звание было получено еще до развала Союза.

Куда меня несет! Старушка давно из ума выжила, сейчас наплетет мне ерунды, а я стану эту ерунду пережевывать и привязывать к себе. Мнительности у меня предостаточно, как отдыхающих в курортный период на пляже.

- Это её сценический псевдоним, - шепнула мне Нонна, не раскрывая тайны настоящей фамилии актрисы.

Проходя по фойе, где на стене были вывешены фотографии всех актеров театра, моя спутница указала мне на Серафиму. С фотографии, явно сделанной много лет назад, на меня с укоризной поглядывала седовласая мадам с высокой прической и с большим жабо на груди, искусно прикрывающим ее шею. Мне показалось, что мадам сейчас зашевелится, достанет лорнет и станет пристально меня изучать. Потом спрячет лорнет, вызывающе вздернет подбородок и отвернется, чтобы не соприкоснуться взглядом с женщиной, не отвечающей ее повышенным требованиям.

Не отдавая отчета своим действиям, я придирчиво себя осмотрела, словно шла на первую встречу с потенциальной свекровью, от которой зависит моя участь – стану я ее невестой или нет.

Мы подобное уже проходили. Только первоначальное мнение обо мне резко отличалось от последующего.

Я нашла свой внешний вид подходящим для аудиенции гадалки: привычные джинсы, свитер и ботинки вполне годятся. На спектакль я бы преобразилась. Хотя, кто сейчас наряжается в вечерние платья?!

Нонка робко постучала дверь гримерки. Мне показалось, что это был условный стук – после первого следовала пауза, два других прозвучали без перерыва.

- Войдите! – услышали мы, вошли и поздоровались.

Дама с фотографии сидела на маленьком диванчике, перекинув ногу на ногу, курила и читала журнал. Быстро загасила в пепельнице пахитоску, отложила журнал и доложила.

- Безуспешно борюсь с вредной привычкой.

Лорнет она не достала, потому как очки уже сидели на ее переносице. Сквозь них она быстро оценила меня и указала на стул, стоящий напротив нее. Сложившееся обо мне искрометное мнение не отразилось на лице, оно было непроницаемым.

Нагавкина направилась к дивану, но хозяйка гримуборной поблагодарила ее за содействие и тем самым дала понять, что свидетели нам не нужны.

Нонна не стала настаивать на своем присутствии, кинула на меня сочувствующий взгляд и удалилась.

Мне стало неуютно в этом якобы милом дамском уголке, когда ушла моя знакомая, одарившая меня напоследок подозрительным взглядом. Закралась мысль, что с помощью хитрых уловок меня заманили в бандитское логово, где со мной поквитаются за всё.

- Меня зовут Серафима Матвеевна, - грубым голосом представилась дама без лорнета.

- А меня...

- Вас зовут Лукерья. Ваша мать работает учителем в школе, ваш отец – хирург.

- Это вам Нонна рассказала?

- Нет, Нонна мне ничего подобного не рассказывала. Она сказала, что её знакомая нуждается в моих услугах. Буду рада вам помочь.

- Серафима Матвеевна, не нужно напускать тумана, и строить из себя Вангу, - не сдержалась я от замечания. – Что вы еще знаете обо мне? Давайте, выкладывайте, я с удовольствием послушаю.

- Почти ничего, кроме того, что вы одаренный человек, что вы с отличием окончили школу и академию культуры, что три раза были замужем.

- Вам об этом рассказали мои родители? Вы с ними знакомы?

- Об этом мне рассказала моя дочь.

- Я её знаю?

- Скорее да, чем нет.

Видимо, дама заметила тень недовольства на моем лице и желание отправиться восвояси, поэтому перестала говорить загадками.

- Мой внук учился с вами, Лукерья, в одном классе, а моя дочь иногда видится с вашей матерью. Не могу сказать, что Зоя Афанасьевна посвящает её в перипетии вашей жизни, но кое-чем делится. Тем, о чем можно рассказывать дальним знакомым.

Старушка начала меня забавлять.

- Не ломайте голову! Я не стану скрывать от вас имя своего непутевого внука, которого мы считали чуть ли не гением.

- Вы бабушка Вадима Убейконева, - догадалась я.

- Да, я его бабушка. – с грустью подтвердила она. И сразу перескочила на другое, - не правда ли эта неблагозвучная фамилия не подходит актрисе?

- Поэтому вы взяли псевдоним.

Она кивнула.

- Думала, выйду замуж, возьму фамилию супруга. Если, конечно, он не будет Убейкобылиным, - усмехнулась Серафима. – Но не сложилось. Моя дочь унаследовала от меня несчастную женскую долю. Вся радость была в Вадике, но, наша безумная любовь к нему дала не тот результат, на который мы рассчитывали, - она развела руками.

Я не хотела углубляться в эту неприятную для женщины тему. Мне захотелось её подбодрить.

- Всё еще наладиться. Любой человек может оступиться.

- Только этой надеждой мы и живем.

Серафима подскочила с дивана с легкостью молоденькой девушки забегала по примерке.

- Сейчас я сварю кофе в нужной пропорции. Прежде чем выпить, вы должны четко сформулировать в уме вопрос. Не пространный, а конкретный и простой, чтобы ответ получился ясным и определенным. Всё понятно?

Я повторила вслух ее наставления, чтобы ничего не упустить.

- Всё верно, только мне вы ничего не говорите, - предупредила меня гадалка.

Пока она варила кофе, я сосредоточилась на вопросе, который должен быть сжато-конкретным. Почему-то в голову постоянно лезла моя «установка» - у меня всё получится. С трудом я временно удалила её на второй план. После недолгих размышлений я сформулировала вопрос: Что послужило толчком к развитию странных событий вокруг меня?

Если я буду знать причину интереса ко мне неизвестных личностей, я смогу вычислить человека, который всё это затеял. Он должен быть из моего окружения, не станет нормальный человек строить козни незнакомцу. Значит, что-то нас связывает, чем-то я ему насолила. Когда-то давно. Он вернулся, чтобы мне отомстить. И не просто отомстить, а оплести сетями, довести до отчаяния и столкнуть в пропасть, наслаждаясь моим падением.

Я выпила кофе, оставив на дне чашки вязкую жижу, потом, следуя инструкциям гадалки, взяла чашку в левую руки и проделала круговые движения, размазывая жижу по стенкам. Причем сделала это против часовой стрелки, как того требовалось. Накрыла чашку блюдцем и перевернула. Серафима медленно досчитала до семи и взяла мою чашку в руки, вскользь взглянув на блюдце.

- Прошлое вас не интересует?

- Нет, - резко брякнула я от напряжения, сообразив, что в блюдце таится мое прошлое.

Напряжение гадалка приняла за недоверие, в связи с чем не преминула высказаться.

- Вижу, вы относитесь к этому действию пренебрежительно. В этом случае у нас ничего не получится. Конечно, гадающий на кофейной гуще обладает богатой фантазией и развитым воображением, но его фантазии рождаются не на пустом месте. Что он видит, то и озвучивает, а доля фантазии и капелька воображения необходимы, чтобы доходчиво донести до слушателя почерпанную из гущи информацию. Эта информация позволит ему самостоятельно сделать выводы, найти ответ на задуманный вопрос.

- Что вы от меня хотите? - совершенно искренне поинтересовалась я у Серафимы, избавившись от иронии.

- Прошу отнестись к гаданию серьезно и с максимальной сосредоточенностью. Готовы?

- Г...готова, - слегка заикаясь, выдохнула я и так же, как она покосилась на заляпанное островками кофе блюдце, где сосредоточилось мое прошлое, о котором я вспоминать не хотела. Можно было проверить гадание бабушки Вадима на правдивость и попросить ее об изучение блюдца, но зачем?

Надо себя убедить, что она будет вещать мне правду и только правду.

Получив мое согласие, Серафима Матвеевна принялась на гадание.

- По краю чашку я вижу человека, рядом с ним животное...

Я чуть не сорвалась с места, чтобы заглянуть внутрь чашки и воскликнуть: Где? Где человек и животное? Но вцепилась руками в стул, удерживая себя в сидячем положении.

-... Да, животное. Это лиса. Человек с лисой. Мужчина с лисой. Раз он расположен вблизи обода чашки, то это значит, что в скором будущем состоится ваша встреча. Но верить этому мужчине нельзя!

- Почему? – не сдержалась я, словно только и мечтала повстречать на улицах города... ветеринара с лисой. Откуда взялся ветеринар? Потому что рядом с ним лиса, кто еще будет расхаживать по городу с рыжим зверем? Дрессировщик? Но разве лис дрессируют? Никогда не слышала. Но почему ветеринару нельзя верить?

- Именно по причине нахождения рядом с ним лисы, ему верить нельзя, - сразу ответила мне гадалка, словно подслушала мои мысли. - Лиса это предостережение – рядом с вами скоро появится льстивый неискренний человек.

- А вы можете мне сказать, он старый мой знакомый или новый? Мог он до этого времени быть порядочным хорошим человеком, а потом резко измениться?
- Судя по тому, что его контуры не четки, могу с полной уверенностью ответить, что ранее вы с ним не встречались. – Серафима впилась взглядом в чашку, хмыкнула и заявила, - а вот и подтверждение моим словам – обезьяна!
- Обезья – яна, - по слогам проговорила я, сложив брови домиком и от неожиданного заявления гадалки клацнула зубами, будто собралась укусить обезьяну, а заодно и павиана, с которым у меня связаны неприятные воспоминания. К почившему Гнату это не имело отношение. Так вот «откуда ветер дует»?! Не зря я попросила Ивана Родионова собрать сведения об Игнате Сипетине – моем втором супруге, с которым мы расстались врагами. Я его миллион лет не видела, поэтому его можно считать мы с ним раззнакомились, а скоро вновь познакомимся.
- Обезьяна, - подтвердила свои же слова гадалка. – Это означает, что к вам льнет ложный друг.
- Игнат ко мне пока не льнет, - прозвенел мой голос в напряженной тиши гримерной. – Или льнет тайно? Или будет лнуть в ближайшем будущем?
- Лукерья, выводы вы будете делать позже, - осадил меня дама. – И поймите – обезьяна это не некий человек с ужимками и прыжками, это ложные намерения.
- Понятно.
- После встречи с неискренним другом, у которого ложные намерения, вас ожидает беспокойная жизнь, что подтверждает наличие ветряной мельницы. Вас подстерегает опасность...
- Что подтверждает эти слова? – насторожилась я.
- Люди, люди, люди. Их много. Они похожи на зашифрованное письмо из романа Конан Дойля... Но это не послание вам, это предупреждение об опасности.... О! Я вижу большого орла. Вам предстоит решить трудную задачу, но вы выйдете победителем. Я облегченно вздохнула, словно задача уже решена.
- Далее... А далее я вижу человека с кошкой руках.
- Опять человек с животным?! – возмутилась я.
- С кошкой, а не с лисой. Это тот человек, который вам нужен. Он находится в вашем окружении, но вы его пока не замечаете. Нахождение рядом с ним кошки говорит о том, что он всегда готов заботиться о вас... Но вы его заметите, оцените и вознаградите за помощь.
- Каким образом?
- Согласитесь выйти за него замуж.
Речь идет не о Митьке. Его я давно заметила, это он на меня ноль внимания. Или искусно скрывает свои чувства? А потом... раз... и выпрыгнет из живота крокодила со словами: «Луша, я так тебя любил!» Луша, Маршуша, дуруша, - мысленно выстроила я цепочку, сделав вывод о своих мозговых круговертях. Быстро призвала себя к порядку и сосредоточилась на вопросе, который поставила перед собой в начале гадания на кофейной гуще.
- Пока я ответа так и не получила, о чем намекнула Серафиме, которая изучала дно чашки.
- А вот и роза! – отчетливо выговорила она, не обратив внимания на мой намек. – Роза это замужество, - пояснила гадалка, кинув на меня быстрый взгляд. – Лукерья, вы не хотите выходить замуж?
- Смотря за кого, - расплывчато ответила я.
- У вас есть несколько кандидатур?
- Великое множество, - поерничала я, - прямо не знаю, кого выбрать.
- Все мое время... Теперь перейдем к изучению линий, которые ответят на наш главный вопрос. Надеюсь, вы не забыли, что загадали?
- Конечно, нет, - передернула я плечами.
- Я вижу два колеса, которые нанизаны на длинную палку.

- Можно посмотреть? – не сдержалась я.
- Пожалуйста, смотрите... Вот видите, это два колеса, они похожи на два пустых эллипса, словно мы видим их под углом, это палка, на которую они нанизаны, – водя шариковой ручкой, как указкой, по стенкам чашки, но не касаясь их, чтобы не смазать замысловатую «мазню», показала мне Серафима Матвеевна.
- Хм, похоже на карниз, – прошептала я. – Странно, странно... – вслух сказала я, а про себя подумала: Я задала конкретный вопрос – что послужило толчком к развитию событий вокруг меня? и получила ответ – карниз!
Лукерья, ты кретинка! Зачем поперлась к гадалке?! Легче стало? Ой, легче, – с иронией подумала я, – теперь знаю, что скоро ко мне приблизится льстивый человек, которому нельзя верить. Где-то вдали маячит свадьба, но после того, как преодолю опасные участки. Прямо как на дороге с ямами и ухабами, промчавшись по которой я стану победителем гонок по пересеченной местности.
- Понимаю, что вам надо переварить полученную информацию, – торопливо произнесла гадалка, будто подслушала мои мысли. – Это на первый взгляд кажется, что всё это полная ерунда, потом всё прояснится... Но помните – во власти человека изменить свою судьбу. Особенно, когда знаешь о скрытых препятствиях.
Кто предупрежден, тот вооружен...
Рано делать скоропалительные выводы.

Глава десятая

Кажется, я схожу с ума

Всю ночь мне снились кошмары. Но не пугающий крокодил, и на том спасибо. То пляшущие человечки, то ставший привычным старик Хоттабыч, который заявлял, что он и есть льстивый человек, которому нельзя доверять. В качестве доказательства он протягивал мне лисий воротник, похожий на воротник Милы, который она дала в новогоднюю ночь Ивану Родионову, чтобы он превратился в Шалапина. Я куталась в воротник, мне было жарко, я задыхалась, но с лисой не расставалась. Откуда ни возьмись, появился Жорка Волков и стал приговаривать: Брось её, брось! Я не соглашалась расстаться с лисой, пятилась назад. Пятилась, пятилась, пока ноги потеряли опору. Замахала руками, как перепуганная курица крыльями, и приготовилась рухнуть вниз, но твердая рука Волкова меня подхватила в последний момент...

Разгадывать сон не было никакого желания, вчерашние загадки меня измучили.

Как бы я не возмущалась глупыми гаданиями, как бы не презирала условности в этом деле, но кое-что взяла на заметку.

После завтрака я отправилась к матери Дмитрия, выполняя обещание, данное себе накануне. Признаться честно – очень хотелось с кем-то поговорить о Митьке. А с кем поговоришь, если не с его матерью.

Произносить вслух его имя это все равно, что лакомиться любимым блюдом.

О встрече я договорилась заранее, так как дорогая Светлана Михайловна женщина весьма занятая. Она выделила мне время между утренним пением в хоре и вечерними танцами.

Я всегда поражалась ее внешнему сходству с сыном. Уж, не знаю, как выглядел непутевый супруг Светланы Михайловны, но не думаю, что Митьке что-то досталось от него. Кроме отчества и фамилии, конечно.

Жаворонкова меня расцеловала, внимательно осмотрела и выдала.

- Мой Митька совсем слепой.

Я едва не сказала, что жду не дождусь, когда он прозреет.

Но она уже втягивала меня в комнату и приговаривала.

- Надеюсь, ты не на диете? Не люблю женщин, которые постоянно сидят на различных диетах. Они злые и желчные.

- Потому что голодные, - усмехнулась я, искренне восхищаясь девичьей фигурой матери Дмитрия. Я отлично знала, что себе она не отказывает в маленьких слабостях.

- Грибной суп, отбивные, жареный картофель, чай, кофе, - перечислила она скороговоркой. - Что исключить, что добавить? - Взяла из моих рук коробку с тортом и сказала, - сладкое полезно для работы мозга, для печени, и, вообще, для всего организма.

- Я лопну от такого обилия пищи! Может, просто чайку попьем?

- Глупости, - отмахнулась от меня Светлана Михайловна, - потом подвигаешься и сожжешь лишние калории.

Оглядев накрытый стол, я спросила:

- Вы кого-то еще ждете?

- Только тебя!

Как я не сворачивала разговор на её сына, так у меня ничего не получилось. Мне показалось, что Светлана специально уходит от темы.

Увы, я не смогла насладиться ни беседой, ни едой, которая проваливалась в желудок, не оставляя удовлетворения.

Меня что-то тревожило. Я не могла понять причины. В моем организме что-то опускалось и поднималось, как в старинных аппаратах вентиляции легких, ходила помпа.

Причина крылась в Митьке. Его мать утаивала от меня новость, и эта новость не была радостной, иначе, зачем её скрывать.

Когда мы стали прощаться, Жаворонкова сказала:

- Надеюсь, мы по-прежнему останемся друзьями.

- А что этому может помешать?

Она что-то хотела ответить, но быстро передумала.

Лучше бы я осталась дома наедине со своими думами...

Оказавшись на улице, решительно достала мобильный телефон, чтобы позвонить Митьке, рассказать о встрече с его матерью и разобраться в ситуации.

Его телефон был отключен. Я знала за собой привычку беспрестанно звонить тому, кому не могу дозвониться. Теперь буду набирать, набирать, набирать его номер.

Пора расставаться с прежними привычками!

Спрятала телефон подальше и медленным шагом пошла по улице.

С утра погода была дрянной. Туман висел над городом, застилая верхние этажи зданий. Потом подул ветер, разогнал нудную беспроглядную серость, вытянул из-за туч пугливое солнце и притих, посчитав свое миссию выполненной. Солнце прошлось теплыми лучами по тротуарам, растопив остатки снега. Теперь под ногами хлюпало, но это меня не тревожило. Я смело шла по лужам, как ребенок, которому представился случай обуть резиновые сапоги – главный измеритель всех луж.

Я подставляла солнцу лицо и жмурилась. Удивительно теплый январский день выкачивал из меня плохое настроение, связанное с моим другом Митькой.

Я скользила взглядом по стеклам витрин и видела в отражении беспечно улыбающуюся беззаботную девушку. Я себе нравилась.

На глаза попался мужчина, который сидел в кафе за столиком и следил за прохожими, попивая кофе. Заметив меня, он вздрогнул, скинул безразличное созерцание, как скидывает шинель храбрый военный перед дуэлью, и начал призывно махать мне рукой. Я оглянулась, решив, что призывное зазывание обращено не ко мне. Прохожие шли мимо, никто в сторону «застекленного» мужчины не смотрел.

Я ткнула себя пальцев в грудь, как бы спрашивая: Это вы мне?

Тот согласно кивнул и вновь пригласил меня к столу.

С места я не сдвинулась, и в кафе не устремилась, и своей дорогой не пошла. Я подумала, что с мужчиной мы знакомы. Только он меня хорошо помнит, а я его забыла. У меня всегда были проблемы со зрительной памятью, о чем мне неоднократно намекал Жаворонков. Именно, по этой причине он мне не поверил, когда я сказал, что Арсений

Родионов с фотографии похож, как брат-близнец, на того Арсения Родионова, который якобы был свидетелем трагедии на озере, о чем поспешил сообщить мне.

Как я не пыталась вспомнить этого человека в кафе, так и не вспомнила. Поэтому пожала плечами и пошла дальше, сделав вывод, что он обознался, приняв меня за свою знакомую. В голову закралась мысль: а вдруг у меня есть двойник, и этого двойника зовут Машей? Все меня с ней путают. Вернее, не все, а Романов–Родионов и этот, из кафе. А что делать с адресом, по которому проживаю я, а не неизвестная мне Маша.

И еще я смею накидываться на гадалок с буйной фантазией! На себя посмотри! Едва в голове рождается неосторожная мысль, как я ее мигом развиваю.

Я не думала, что мужчина последует за мной.

Он выскочил из кафе, на ходу засовывая руки в рукава куртки, и прокричал:

- Девушка, погодите, не уходите!.. Девушка, я к вам обращаюсь!

Будучи воспитанным человеком, я остановилась.

- Здравствуйте! – воскликнул он, подбегая ко мне. Поправил упавшую на лоб челку и сказал. – Извините за мою неводержанность, но я не мог вас упустить.

- В чем дело? – излишне громко прозвенел мой голос.

Прохожий люд стал проявлять к нам интерес. Одна особо любопытная бабуля замерла в непосредственной близости, повесив на руку большую сумку. Достала из кармана горстку семечек и стала с наслаждением щелкать, приготовившись к просмотру заманчивого зрелища.

Мужчина посмотрел на нее с укоризной. Та его взгляд проигнорировала, скорость поглощения семечек при этом ускорила, словно она боялась несовпадения конца «сеанса» с расходом семян подсолнечника.

- Мы могли бы зайти в кафе и поговорить в спокойной непринужденной обстановке, - проникновенно обратился он ко мне. К чувственному голосу добавился соответственный взгляд. Наверное, мужчина надеялся этим взглядом сразить меня наповал, не прибегая к дальнейшим уговорам.

Я старательно не желала встречаться с ним глазами. Чего скрывать – под его возбужденно-призывным взглядом я теряла рассудок, и уже готова была идти с ним куда угодно. Ближайшее кафе это самое пуританское место.

- Не могли! - резко ответила я, вертя головой во все стороны, лишь бы стоящий рядом мужчина не попался в поле моего зрения. Мой отказ был оценен по достоинству любительницей даров подсолнуха. Она прервала свое архиважное занятие и одобрительно кивнула. Ее поддержка меня остановила от бегства, несмотря на то, что я была уже «на низком старте». – Что вам нужно? – монотонным голосом, без резких ноток, спросила я, упустив из вида, что он успел озвучить свое желание – посидеть со мной в спокойной непринужденной обстановке.

И почему, когда мне нравится мужчина, я тупею на глазах?! Почему не происходит обратной реакции – преумножение ума?!

Мужчина передвинулся так, чтобы загородить собой женщину с кошелкой. Но та проявила находчивость и выбрала другую позицию, позволяющую ей видеть наши профили.

- Это черт знает что такое! – возмутился он и обратился к зрительнице, - у вас нет других дел, как стоять и подслушивать чужие разговоры?

Женщина мысленно обратилась ко мне с вопросом: необходимо ли ее присутствие? Удивительно, но мы понимали друг друга без слов, словно были знакомы много лет.

- С какой стати вы на нее набросились?! – встала я на защиту прохожей, – не надо указывать другим людям, что им делать?!

У меня тотчас нашлись «соратники».

- Вот именно! – встрял в наш странный разговор старичок в кепке-шестиклинке и в обветшалом драповом пальто.

На его шее был повязан с перекидом розовый шарф, который совершенно не гармонировал по цветовой гамме со всей одеждой, выбранной из расчета на цветное слияние с местностью. Да, шарф явно выпадал из серой массы, к тому же был так туго завязан под подбородком, из-за чего мужчина говорил как-то сдавленно, будто пытался покончить жизнь самоудушением при всем честном народе, выражая чему-то протест. Переходить к трагическим действиям мужчина не спешил, проверил симметричность бородки, лежащей на розовом шарфе, и прищуренным взглядом оглядел участников разговора, в который он случайно встрял. Где-то я этот понимающе-прищуренный взгляд уже видела, как и бородку. Новоявленный вождь пролетариата заметил мой интерес. Чтобы я оценила сходство, он засунул руку в прорезь пальто. Попал не сразу, сначала пуговица угодила между пальцами, но он быстро исправил ситуацию. Я приготовилась услышать коммунистический лозунг, но с первых слов догадалась, что с товарищем Ульяновым они придерживаются резко противоположных точек зрения.

- Девушка правильно заметила: хватит нам указывать! – заверещал мужчина в розовом шарфе громче, чем было нужно в этой ситуации. – Всю жизнь указывали, куда идти, что делать, к чему стремиться! – Он пристроился рядом с созерцательницей, взял ее под руку и проникновенным голосом поинтересовался, - я правильно говорю?

- Все верно! – впервые за все время высказалась она. - Мы никого не боимся! Отбоялись свое! Хватит! У нас демократия!

Возле нас стал собираться народ. Кто-то одобрительно высказывался, кто-то осуждал. Нашлись и такие, кто вспомнил о мизерном повышении пенсии, которая не перекрыла инфляцию. Нашлись и сторонники прежнего режима.

- Руки прочь от тела Ленина! Не позволим вынести его из Мавзолея! – верещал еще довольно не старый мужик, выхватил из-за пазухи красный стяг и начала им размахивать, уцепившись за края материи, как это делают победители спортивных состязаний. – Вернуть памятник Дзержинскому на свое законное место - на Любянскую Площадь! И вернуть площади законное название – площадь Дзержинского!

- Я щас тебе, гнида коммунистическая, задам! - отозвался здоровенный бугай, который припарковал у тротуара свой внушительный авто и услышал последнюю фразу почитателя режима, просуществовавшего в нашей стране более семидесяти лет.

В защиту ленинца со стягом встали несколько сторонников разных возрастов, загородив его своими телами.

Возбудитель не уgomонился, завис на защитной шеренге, как на заборе, и начал выкрикивать обидные реплики относительно нынешних руководителей. В шеренге нашлось «слабое звено», которое благоволило не только к коммунистам, но к теперешней власти.

- Ах, ты сволочь! – сказала «звено» и вышло из шеренги, чем привело к распаду «забора» и к падению с него ленинца-заводилы.

Но «звено» не покинуло пяточка для спонтанного митинга, схватило заводилу за грудки, оторвало от земли и сильно трянуло, отчего тот клацнул зубами и доложил, что он прикусил язык.

- Лучше бы ты его, вообще, откусил, чтобы гадости не говорил! – не на шутку разошлось «звено», тряся ленинца, как грушу.

Понесший незначительные увечья ленинец начал сучит ножками и вырываться, при этом он успевал прятать за пазуху красный стяг, на который никто не покушался. Тем временем подоспел бугай из джипа и вежливо попросил «звено», которое не уступало ему в силе и в габаритах, передать «гниду» из рук в руки.

Получив жертву в свои руки, он не ожидал, что на помощь своему соратнику придут разрозненные звенья шеренги, которая получила значительную проплешину в виду габаритного звена, неожиданно переметнувшегося во вражеский стан. Они вырвали из рук бугая всклокоченного ленинца и взяли его в защитное кольцо. Тот почувствовал поддержку и безнаказанность, стал подпрыгивать, чтобы дотянуться до бугая. Изредка его

легкие удары достигали цели, но они больше походили на ласковое прикосновение женской руки.

- Ах, так! – зарычал бугай и направился к своему джипу.

Ленинец понял, что «запахло керосином» и растворился на просторах по-весеннему теплого города Заболоченска.

Мужчина в кепке-шестиклинке ослабил узел на розовом шарфе, чем меня успокоил. Лицо моментально сменило цвет – из пунцового в нормально-бледный. Я снова заволновалась – вдруг он сейчас рухнет на землю. Не рухнул, напротив, громко призвал всех демократов, коммунистов и сочувствующих разойтись, посчитав себя инициатором несанкционированного митинга. Все последовали его предложению, сказанному не слишком громко, но внушительно.

Мы остались в прежнем составе – я, женщина с семечками и мужчина из кафе.

Я сначала удивилась скорости сбора вокруг нас, а потом удивилась быстрому рассредоточению, будто бы не было людей, не было споров, переходящих в потасовку. Бугай на джипе тоже укатил, нелицеприятно отозвавшись обо всех коммунистах.

Женщина проводила взглядом человека в розовом шарфе, который некоторое время назад держал ее под руку и спрашивал ее мнения, и двинулась за ним. Быстро его достигла и пошла рядом, что-то возбужденно выговаривая.

- Наконец, мы остались одни, - млеющим от счастья голосом произнес мужчина. Я неодобрительно покосилась на него, намекая на то, что этого момента я ждала так же, как ждут повышения температуры в июльский зной.

- До свидания! - отчетливо выговорила я и неспешно двинулась по тротуару. Возбуждение народных масс не заставило меня подключиться к выяснению отношений, напротив, позабавило и развеселило.

О мужчине я сразу забыла, как забывает о проглоченной еде программист, который сочетает компьютерную зависимость с необходимостью принятия пищи.

Но настойчивый кавалер напомнил о себе через два квартала. Вероятно, сразу последовал за мной, но не решался заговорить.

- Прошу прощения, но мне надо с вами поговорить. Очень надо.

- О чем? – не замедляясь и не поворачивая головы в его сторону, спросила я.

- О чем угодно! – с радостью воскликнул он, словно несколько десятков лет провел в одиночестве на необитаемом острове и теперь, наконец, нашел собеседника. А вы о чем хотели бы поговорить?

- С вами? Ни о чем! И зачем? Я вас не знаю, вы не знаете меня.

- Так давайте...

- Давайте без давайте, - нахмурилась я: не хватало еще, чтобы мое хорошее настроение вмиг испортилось из-за этого типа!

- Но почему?!

- Не вижу конкретики в вашем предложении. Вы не успели придумать причину?

- Не успел, - признался он, - увидел вас шагающей по тротуару... Нет, не шагающей! Вы парили в воздухе, облачком летели мимо меня, и я... влюбился. Вы мне не верите? А зря. Вы поразили меня красотой, одухотворенностью, легкостью, какой-то неземной возвышенностью.

- Мужчина! Идите к жене! Ей расскажете, какая она легкая, неземная, одухотворенная. Я на подобные комплименты не покупаюсь.

Перед глазами стояла гадалка Серафима Матвеевна Лапидиус и предостерегающе грозила наманикюренным пальчиком, напоминая, что вскоре должен появиться лживый друг.

Неужели это он? В таком случае, гадания начинают постепенно сбываться.

- Не скрою, я женат, но, встретив вас...

- Я встретил вас и все бывшее, - пропела я ангельским голосом. - С вами всё ясно, так что, adios, amigos! Привет сеньоре!

- Но вы не можете так просто взять и уйти! – не отставая от меня, возмутился он.
- А кто мне может в этом помешать?
- Я! Я сейчас упаду и умру от безответной любви!
Я остановилась, оценила его взглядом и сказала:
- А знаете, что я вам скажу?
- Что? – с придыханием произнес он, словно я дала свое согласие отправиться с ним на край свет, где мы будем пребывать в полном одиночестве и наслаждении друг другом.
- Это так банально, так глупо, но самое ужасное, что это омерзительно! После общения с вами хочется встать под душ и долго драить себя мочалкой!
- Я вам так неприятен? Но вы меня почти не знаете!
- Не почти! Я вас, вообще, не знаю, и знать не хочу! Если вам нужна девушка для любовных игр, то вы ошиблись адресом! Все, разговор окончен!
- Возможно, я что-то не так сказал. Извините. Я не понял, почему вы подозреваете меня в неискренности? Неужели нельзя полюбить человека с первого взгляда?! Я сидел в кафе, пил кофе и смотрел на прохожих. Мимо меня прошло много красивых женщин, но ни одна не привлекла моего внимания. Ни одна. А вы... Вы заставили мое сердце забиться. Конечно, я не был живым трупом. Но я считал себя стариком, у которого вся жизнь позади, впереди ровное спокойное существование. Я считал, что так живут все люди моего возраста.
- И вдруг грянул гром! - ехидно заметила я, ускоряя шаг, чтобы оторваться от человека, который не сможет меня догнать по причине преклонного возраста. Но его возраст не был преклонным, тем более на него нахлынула нежданная любовь, позволившая забыть о возрасте.
- Да, это было похоже на грозу в январский день: и неожиданно, и до конца не веришь, несмотря на то, что стал участником. Раз я сам до конца не осознал, что влюбился, то понимаю ваше недоверие. Но я не ошибаюсь... Прошу, дайте мне возможность ближе познакомиться с вами.
- Мы, вообще, еще не знакомы, - напомнила я, пристально изучая мокрый асфальт, мелькающий у меня под ногами, куда давеча обещал рухнуть мой поклонник в случае отказа. – И не испытываю необходимости узнать вас ближе.
- О, извините мою забывчивость. Руслан Автандилович Петров.
- Это как? – удивилась я странному сочетанию имени, отчества и фамилии, даже замедлила шаг, а потом и вовсе встала. Непроизвольно залюбовалась им: его влажными глазами, легкой сединой в густой шевелюре, орлиным носом и волевым подбородком. Мужчины с такой внешностью мне всегда нравились, хотя, все мои прежние избранники не славились ничем выше перечисленным.
- Я вам всё объясню, - обрадовался он моей легкой заинтересованности. - Моя мать много лет назад отдыхала в Грузии, встретила там моего отца, когда вернулась домой, поняла, что беременна. Сообщать ему не стала, она была в том возрасте, когда отдают отчет своим поступкам и не ищут виновных. Она была счастлива, потому что уже не надеялась стать матерью. От отца мне досталось отчество и внешность, от матери – фамилия и безграничная любовь. Ей уже девяносто лет, но она находится в уме и здравии.
- А вы не пытались разыскать отца? – спросила я. Меня всегда трогали подобные истории.
- Не пытался. Мне хватало любви матери... Но вы не сказали, как вас зовут? – его взгляд был для меня, как нож-лазер: аккуратно разрезал мне грудную клетку, рука проникла внутрь и начала медленно вытаскивать равномерно бьющееся сердце. Еще чуть-чуть, и Петров будет держать его на ладони и любоваться им, торжествуя победу.
- Лукерья, - привычно потупив глаза, сказал я.
- Очень редкое имя, - восхитился он. - Луша, так вы согласны...

- Если вы еще раз назовете меня Лушей, я... я не знаю, что сделаю! – отчетливо предупредила его я.

- Как мне к вам обращаться? - пристыжено спросил Руслан Автандилович.

- Лукерья, неужели не ясно?!

- Ясно, чего же не ясно... Лукерья, куда бы вы хотели пойти?

Я не успела ответить отказом, несмотря на то, что этот симпатичный мужик с оригинальным отчеством мне нравился всё больше и больше. Подкупал не только взгляд его темных глаз, но и его тормозящая настойчивость, мягкое упорство и... его признание, которое не далось ему легко. Подобными заявлениями он не разбрасывается ежедневно и ежечасно. Тем более в таком возрасте – между сорока и пятидесятью – мужчины не пускаются в объяснения с женщиной, которая всего лишь прошла мимо.

Я не успела ничего сказать, в моей сумке запрыгал мобильник, будто предупреждая меня не предпринимать неосторожных шагов. Я извинилась и отошла в сторону. С трудом отыскала телефон и удивилась: звонил Митька.

Я сразу догадалась, что Светлана Михайловна позвонила сыну после моего ухода и потребовала, чтобы он во всем мне признался. Негоже держать девушку, которая на что-то надеется, в неведении. Зная меня и желая выдержать паузу, чтобы собраться с мыслями, он отключил свой телефон. Теперь собрался с мыслями и решил на признание.

Дмитрий порывался мне что-то сказать, но я его нагло перебивала и тарыхтела и тарыхтела, отдаляясь всё дальше и дальше от Руслана Автандиловича, который не решился последовать за мной.

- Лучок, дай мне слово вставить! - возмутился Жаворонков, устав от моей стрекотни.

- Да, пожалуйста, - милостиво разрешила я и зажмурилась, словно это мне поможет справиться с новостью, которую он сию минуту вывалит на меня, как вываливает на землю груды песка водитель самосвала. Вот сейчас меня завалит песком. Я начну задыхаться, песок проникнет в рот, потом в легкие...

- Лучок, я давно хотел тебе сказать...

Я не сдамся. Я не хочу погибнуть под завалами песка, под завалом этой ужасной новости, которая станет для меня последним ударом, после которого я не поднимусь.

- Митя, я тебя не слышу! Я тебя не слышу! Что-то не свяжью-ю-ю...

Выкрутилась?! – мысленно возмутилась я, - и что это изменит? Сама обо всем догадалась. Оставалось только узнать имя его будущей супруги. Сейчас же ему перезвони и спокойно выслушай!

Я справлюсь.

Я собралась с силами и перезвонила любимому мужчине, так и не ставшему моим.

Будущей женой моего близкого друга Митьки вскоре станет... Кто бы вы думали? Надежда Климанова! Это та самая женщина, с которой он встречался в моей квартире и которой живописно врал о больной матери. Не знаю, как они вновь сошлись! Не желаю этого знать!

Он бросил меня в самый ответственный момент! Предатель! Жестокий человек! Эгоист! Ветеринар!.. Ветеринар это не прозвище, это профессия, - напомнила я себе. – Лживый человек с.. с лисой! Вот кто он! А прикидывался близким другом!

Я забыла, что гадалка уверяла меня: это будет новый человек!

Меня трясло от злости.

Я попыталась взять себя в руки.

Скорее, это я эгоистка. Привыкла к Митькиному постоянному присутствию. Он для меня был скорой помощью. В итоге, устал ею быть и нашел нормальную женщину. Пусть с проблемами, но она не вешает свои проблемы на него с противным постоянством.

Нонна Нагавкина была права, когда говорила о друзьях, которым в итоге наскучивают твои проблемы. Не хочу никого судить, знаю одно – надо знать меру! Даже у терпеливого человека, который относится к тебе с искренней симпатией, сдадут нервы.

Это что же получается? Что я стала причиной воссоединения Дмитрия с Надеждой? Желая избавиться от моей дружбы, он решил жениться? Такого не бывает! Можно жениться на одной, чтобы насолить другой, которая его отвергла. Но кто останется в выигрыше? У нас ситуация иная – я его люблю, он меня не любит...

Я чувствовала себя поломанной куклой, которую за ненадобностью выбросили на помойку. И как кукла не испытывала ничего. Пустая голова, пустое тело и никого вокруг, кто бы смог отремонтировать куклу, вдохнуть в нее жизнь...

Я не помню, как добралась до дома, не знаю, куда делся мой новый знакомый. Я переступила порог, забежала в свою комнату и заплакала навзрыд, рухнув на кровать.

Родители бегали вокруг меня, предлагали воды, предлагали лекарство, спрашивали, что произошло, кто меня обидел? Я отревелась и коротко сказала, приподняв голову:

- Митька женится!

Посопела и снова закатила истерику.

Мама присела на кровать, отец пристроился на стуле. Я чувствовала их присутствие, их мысленную поддержку и мне становилось немного легче.

Потом я погрузилась в забытие. Родители тихо покинули мою комнату, осторожно прикрыв за собой дверь...

Утром я встала, собрала вещи и отправилась на вокзал, успокоив родителей:

- У меня все будет хорошо! Наверное, так даже лучше, что Митька...

- Лучше, - согласилась мать, отец привычно не стал вмешиваться, предоставив мне возможность самой решать, что для меня лучше, а что хуже.

- Я вас очень люблю! Не волнуйтесь за меня. У меня всё получится...

Все получится, всё получится, - про себя постоянно твердила я, сидя в автобусе, который возвращал меня в город, где я останусь один на один со своими проблемами.

А почему один на один?! У меня есть добровольный помощник, профессионал в таких делах – Иван Родионов. Есть Жорка, которому необходима моя забота. У меня много друзей...

Но у меня больше нет Митьки...

Я вышла из автобуса и издали заметила Руслана Автандиловича. Он стоял рядом с автомобилем и целенаправленно смотрел в мою сторону.

- Только не говорите мне, что оказались здесь случайно, я в это не поверю, - вместо приветствия заявила я.

- Не случайно. Я следил за вами от самого дома. Но не стал предлагать услуги водителя. Вы бы все равно отказались.

- А зачем преодолели триста километров?

- Чтобы быть рядом. У вас что-то произошло? Я ничего не понял из вчерашнего телефонного разговора, но после него вы были очень удручены. Я шел за вами всю дорогу... Я могу чем-то помочь?

Я мысленно предложила ему убить Надежду Климанову, и не сдержалась от улыбки.

- Не зря я приехал, вот вы и улыбнулись, - ответно улыбнулся он, показав превосходные зубы. Не хуже моих!

Почему я решила, что это льстивый друг? А вдруг это тот человек, который «держит на руках кошку». Настоящий преданный друг, который готов обо мне заботиться.

- Когда вы возвращаетесь назад? – спросила я.

- Пока не знаю. У меня в этом городе много знакомых. Не волнуйтесь.

- Я не... Мне не нравится, когда за мной ухаживают женатые мужчины, - выкрутилась я. Но мое заявление было искренним.

- Вчера я признался жене.

- Еще скажите, что вас уже ничего не связывало, вы были на пути к разводу.

- Нет, не скажу. У нас с женой были прекрасные отношения. Я любил ее до тех пор, пока не встретил вас.

- И поняли, что прежнее чувство никогда не было любовью!
- Ваше недоверие меня убивает, - выдержав паузу, произнес Петров. – Не думайте, что мне легко менять свою устоявшуюся жизнь.
- Вас к этому никто не принуждает.
- Меня принуждают обстоятельства. Я не могу находиться рядом с человеком, которого больше не люблю. И не могу лгать этому человеку, потому что безмерно его уважаю. Именно, из уважения я сказал жене правду. Не скрою, она не приняла новость с радостью... Почему вы молчите?
- Не хочу убивать вас очередной порцией недоверия.
- Но мы...

Не знаю, что он хотел сказать. Я ждала продолжения, но не дождалась. Он жег меня взглядом. Я поднимала и опускала глаза, чтобы не получить ожоги.

- Давайте завтра встретимся. Только не торопитесь с отказом! – испугался он.
- Продиктуйте мне свой номер телефона, я сама вам завтра перезвоню.

Руслан Автандилович вызвался довезти меня до дома, но я не только отказалась, но и настоятельно попросила его не следовать за мной. Он клятвенно обещал...

Когда я вошла во двор, моё анабиозное состояние было прервано резким криком: «Ку-ку, ку-ку!»

Я потеряла равновесие и села на мягкое место. Хоть, оно и мягкое, по падение было болезненным. Я с трудом поднялась, подхватила сумку и поискала глазами возмутителя спокойствия.

На детской площадке детвора строила снеговика из подтаявшего снега. Работа была почти завершена. Розовощекий бойкий пацаненок пытался привлечь к себе внимание двух девчушек, которые занимались серьезным строительством. Он выглядывал из-за спины снеговика и громко кричал: «Ку-ку, ку-ку!» Озабоченные девочки делали вид, что его заигрывания их мало интересуют. Но изредка наклонялись друг к другу и о чем-то перешептывались, скорее всего, коротко обсуждали действия «кавалера».

Я усмехнулась и потопала домой. Детское «ку-ку» еще долго звучало в ушах.

Переступив порог, я для приличия всплакнула, выказав жалость к себе. И не только от жесткого приземления - меня душила обида. Митька со своей женьбой ушел на второй план, в данный момент я думала о себе: почему мне так не везет в жизни? Вопрос был нериторическим. Вряд ли я найду на него ответ.

Вялость охватило всё тело, анабиозное состояние вернулось, обернув меня теплой уютной шалью. Я выпила крепкий кофе. Не потому, что хотела себя взбодрить, просто надо было себя занять. В голове зашумело, я стала метаться по квартире в состоянии полной тревоги, будто наступило время полнолуния. Но небо было светлым, на город только начинал опускаться мягкий вечер.

Пораскинув мозгами, я решила выпить чай с мятой. И сразу легла на диван, мысленно призывая непостоянный организм выбрать среднее арифметическое между анабиозом и нездоровым возбуждением.

Ни читать, ни смотреть телевизор мне не хотелось.

Мой взгляд сосредоточился на карнизе, на котором висела бледно-бежевая органза и тяжелые портьеры.

Карниз, как карниз - обычная трубка с перемычкой посередине и с двумя держателями по краям. Я попыталась вспомнить два колеса и палку, «нарисованные» остатками кофе. Очень похоже, но Серафима Матвеевна не поддержала меня, назвав карниз колесом и палкой. А я так задумалась, что упустила, что означают колеса и палки? А смысл? Надо признать, что поход к гадалке не принес результата. Я задала конкретный вопрос и получила ответ – это карниз! Это всё равно, что на вопрос - почему жизнь не складывается? Ответить: потому что земля круглая.

Что послужило толчком к развитию странных событий? Ответ: Это карниз!

Смешно! Ха-ха! Так смешно, что плакать хочется.

Я водила глазами по карнизу туда-сюда, будто следила за птичкой, бегающей по перекладине. Но почему-то кофейная гуша вырисовала мне карниз. Или это был не карниз?

Мое визуальное изучение предмета интерьера прервал звонок в дверь. Я не сдвинулась с места. Настойчивый гость начал барабанить в дверь. Потом раздался громкий голос Натки Родыгиной.

- Лучок, открывай! Я знаю, что ты дома!

- Дома я, дома, - пробубнила я, двигаясь в прихожую. Приходу Наташи я была рада.

- Ты спишь?.. А что с лицом? Пчелы покусали? – забросала она меня вопросами, награждая двумя тяжелыми сумками.

- У тебя там что, пудовые гири? Решила подкачаться?

- У меня там продукты. К таким хозяйкам, как ты, с пустыми руками не ходят. С голову помрешь!

- Спасибо, ты всегда была ко мне очень добра, - промямлила я и собралась закрыть входную дверь

- Не закрывай! Там Павлик поднимается и... Ваня Родионов. Ты не возражаешь?

- Откуда взялся Иван?

- Мы ехали, а он шел по тротуару, мы решили его позвать с собой. Так ты не возражаешь?

- Почему я должна возражать, - передернула я плечами и поплелась в кухню. Оставила сумки и вернулась, чтобы встретить мужчин.

- Что с лицом? – задал мне тот же вопрос Павел Родыгин.

- У меня траур – человек, которого я любила, женится на другой, - просто пояснила я, не став скрывать правды. Удивительно, но мне стало легче. Даже плечи развернулись, спина выпрямилась. Но куда деть тоску в глазах?

- Не переживай, Лучок! Он еще может передумать, - успокоила меня Натка.

- Он так долго шел к этой женитьбе, что обратно не повернет.

- А он тебе сказал, на ком женится? Может, он женится на тебе! Но пока придерживает радостную новость, - с умным видом произнес Павел.

- Он женится не на мне! И хватит об этом?.. А с чего вдруг вы заявили? – спросила я, выступив «приветливой хозяйкой». Почему-то вопрос адресовался Ивану, который и без того чувствовал себя неловко. В его присутствии я не должна была обсуждать свои печали личного характера.

- А ну, давай назад сумки, мы уходим! – отозвалась подруга и стала с превеликим усердием застегивать сапоги.

- Уж, и спросить нельзя, - буркнула я, стягивая с нее шубу.

Ваня топтался на месте и не знал, что ему делать: снимать верхнюю одежду или попрощаться и уйти?

- А ты чего стоишь? - обратилась я к нему, но не закончила фразу. Далее должно было последовать предложение пройти в квартиру. Родионов мне этого не дал.

- Я тут... мимо шел, а ребята на машине проезжали и позвали меня с собой.

- И правильно сделали! – успокоила я Ваню, который решил, что я его выставляю.

- Но у тебя же... это... душевные переживания.

- И в ваших силах меня отвлечь от них!.. Слушайте, господа хорошие, а откуда вы узнали, что я вернулась от родителей?

- Паша тебя увидел, когда ты шла по тротуару, недалеко от дома. Позвонил мне и говорит: Наташа, у нашего Лучка что-то случилось. Она еле-еле ноги переставляет, лицо бледное, и взгляд рассеянный. Я ей сигналил, сигналил, а она ничего не слышит, никого не видит.

- Правда, сигналил? – удивилась я.

- Не только сигналил, еще и звал тебя. Ехал по встречной полосе, пока развернулся, ты уже во двор зашла. Я не решился следовать за тобой, думаю, пусть Наталья возьмет на себя роль успокоителя.

- Наталья может! – грозным голосом подтвердила его супруга, - а пока мы всем отрядом займемся приготовлением ужина.

Я больше мешала, чем помогала. Но одна шустрая женщина и два расторопных мужчины, с удовольствием выполняющих все ее приказы, быстро справились и без меня.

Вскоре мы сели за стол. Натка положила мне в тарелку пюре и котлету. Подумала и шмякнула две ложки овощного салата. Павел разлил по бокалам красное вино и предложил выпить за сильных женщин.

- Паш, ты как скажешь, хоть стой, хоть падай! – пожурила его супруга.

- А что я такого сказал?! Я хочу, что Лучок стойко перенесла все трудности.

- Натка, не цепляйся к словам, – защитила я Павла и пригубила вино.

- Между первой и второй, перерывчик небольшой, - промурлыкал тамада. - Предлагаю выпить за то, чтобы...

- Предлагаю выпить за друзей, - перебила я его, - которые приходят в нужную минуту.

- И за тех друзей, которые ничего не скрывают, - с обидой встряла Натка.

- Что я скрываю?

- Тебе лучше знать, - отмахнулась она, изучая вино в бокале, словно туда угодила маленькая мушка. – Думаешь, мы с Павлом ничего не замечаем?

- Лучок, ты нас обижаешь своим недоверием, - вмешался Родыгин, - или ты считаешь, что мы не сможем тебе помочь?

- Мне кажется, мне уже никто не сможет помочь, - невнятно произнесла я, устремив глаза на Родионова.

- Даже гадалка? – не сдержался он.

- Я не ходила к гадалке! – окрысилась я.

- Видишь, Павка, я была права – эти двое что-то замышляют. Они познакомились задолго до встречи в нашем доме.

- Это не то, что вы думаете.

- О том, о чем подумала ты, мы не думаем. Хорошо тебя знаем.

- Так что? Будешь колотья? – вкрадчивым голосом произнес «добрый нквдешник» Родыгин.

- Будем колотья? – спросила я у Ивана.

- Придется, - развел он руками, - а то еще пытать начнут.

Пришлось мне все выложить. Начиная от рыбака Родионова и заканчивая покушением на Георгия Волкова.

- За последние дни ничего нового не произошло? – поинтересовался Ваня, пристально глядя на меня. – Ты обещала мне о чем-то рассказать.

- Нет, ничего не произошло, - подергала я головой, пряча глаза. – О чем же я хотела тебе рассказать? – притворно протянула я. Про глупый розыгрыш с письмом я никому не собираюсь сообщать. - Забыла! А раз забыла, то это сущая ерунда.

- Ты ни с кем больше не знакомилась, никто к тебе в друзья не набивался? – продолжал допытываться он.

- Говорю же – нет! У тебя есть новости? – задала я вопрос Родионову. Родыгины пока переваривали услышанное и в разговор не вступали.

- Сначала, что касается твоего второго мужа – Игната Сипетина... Живет мужик и не тужит. Женится на богатой бизнес-вумен, которая старше его лет на десять или чуть больше. Нигде не работает, кроме того, что выполняет при ней роль водителя. Но это не его инициатива, супруга хочет держать его на коротком поводке, чтобы всегда был в поле зрения.

- Не дай бог такое счастье-злосчастье налево двинет! - поерничала я. – Но сказать честно, я рада, что все бывшие мужья на меня не в обиде.

- И то правда, - кивнула Натка. – Одно меня удивляет – зачем умным женщинам, которые всего в этой жизни достигли, такие никчемные мужики, как Сипетин?

- Для постели! – догадался Павел и взглянул на меня, ожидая подтверждения того, что павиан Игнат еще тот самец.

Я промолчала: обсуждать успехи или не успехи Сипетина в интимной сфере я не собираюсь.

- Что ты узнал о владельце автомобиля, который зарегистрировался в отеле под фамилией Романов?

- Автомобиль оформлен не на него, а на Анфису Герасимовну Коряжкину, проживающую по адресу: улица Димитрова, дом семь, квартира двенадцать. Пока сведения о ней не собрал. Но обещаю... И ничего не узнал о покушении на Волкова. Времени не было, то работа, то сын приболел.

- Не переживай, - успокоила я его, - там есть кому контролировать следствие. Давай не будем туда лезть. Если появятся новости, то отец мне сообщит.

- Пойдите, пойдите, - поспешила вставить свое веское слово Натка. – Я знаю, что надо делать?! Надо проникнуть в квартиру Коряжкиной и проверить, с кем она проживает? Если этот Романов Арсений Иванович - ее сожитель, но мне очень хочется на него посмотреть. Лучок красочно описала любителя зимней ловли, поэтому мне не составит труда их сопоставить.

- Каким образом ты будешь сопоставлять? Как проникнешь в квартиру? - удивилась я. – Пролезешь через форточку под покровом ночи и с помощью фонарика станешь изучать лица спящих домочадцев?

- Альпиниста моя, скалолазка моя! – пропел Родыгин и чмокнул жену в щеку.

- Через форточку? – задумчиво повторила подруга, не реагируя на эмоциональный всплеск супруга. Оценила по достоинству свою фигуру – не слишком тяжеловесную, но не способную пролезть через «игольное ушко», и промолвила, - а вы забыли, дамы и господа, кем я работаю? Так вот... Я приду к Анфисе Герасимовне Коряжкиной и скажу, что я новый участковый терапевт. Хожу по участку и знакомлюсь с людьми.

- Ты с другой планеты прилетела? – накинулся на нее супруг, - где это видано, чтобы участковый терапевт ходил по квартирам без вызова?

- А если я фанатик своего дела? Болею душой за людей!.. Если Романова в квартире не будет, то я сумею разговорить женщину, с кем, как не с доктором, поделиться своими тайнами. Не обязательно эти тайны касаются здоровья. Очень часто я сталкиваюсь с людьми, которым надо выговориться, но не кому. А тут такой удачный случай представился – пришел участковый врач, никуда не торопится, сидит и слушает.

- Вань, что ты об этом думаешь? – обратился к нему Павел в надежде найти поддержку.

- А что? Возможно, всё получится. Конечно, есть другой вариант – засесть у дома Коряжкиной и ждать появления ее сердечного друга... Если он там когда-нибудь появится.

Я вздрогнула и с восторгом заявила.

- Конечно, у нас всё получится!

- Наташа, что от меня требуется? - с серьезно-озабоченным видом поинтересовался супруг.

- Будешь меня подстраховывать на улице... Хм... На медсестру ты никак не тянешь...

- А я чем могу помочь? – спросил Родионов.

- Пока ничем. Надеюсь на свой профессионализм и способность импровизировать.

- Мне тревожно за тебя, Натуся, - проблеяла я, обнимая подругу, словно провожала ее на совершение героического поступка.

А чем не героический поступок?

- Не волнуйся за меня, Лучок, - успокоила она меня, - друзья нужны не для того, чтобы вместе вино пить, но и помогать, поддерживать...

Наталья Александровна Родыгина не относилась к числу тех людей, которые, не зная броду, суются в воду. Тем более она осознавала, какую ответственность берет на себя.

Один неосторожный шаг, и враг может затаиться. Это сейчас он не догадывается, что Лукерья знает, что Романов проследовал за ней в Заболоченск, что остановился в отеле, где имел встречу с Федором, которого и приставил к ней в качестве лазутчика.

Анфиса Герасимовна Коряжкина - тонкий мостик к Арсению Романову. Скорее всего, мужчина и женщина находятся в близких отношениях, в противном случае он не пользовался ее автомобилем.

Доктор Родыгина отправилась в районную поликлинику по месту прописки Коряжкиной. В этой поликлинике работала ее давняя знакомая. Прежде чем идти к Анфисе Герасимовне, Наталья хотела изучить историю её болезни, чтобы сразу расположить к себе.

У Коряжкиной был букет болезней, поэтому разговор должен получиться долгим и содержательным. В качестве места работы было указано – предприниматель. Как оказалось, она торгует на вещевом рынке.

Родыгина прикинула, в какое время прийти к ней, и решила, что вечером, где-то около пяти, будет в самый раз...

Конечно, ее расстроил тот факт, что рядом с домом она не увидела автомобиль с известным ей номером, но понадеялась, что транспортное средство стоит в одном из гаражей, сгруппировавшихся неподалеку. Или мужчина должен вот-вот подъехать. Время ужина, всякий мужик тянется к дому, - как любил говорить ее муж Павел, возвращаясь вечером с работы. В данную минуту он сидел в своей машине за пару кварталов отсюда и ждал супругу-разведчицу.

Дверь Наталье Александровне открыла худенькая женщина лет пятидесяти с усталым лицом с желтоватым отливом. Гостья с порога назвалась участковым терапевтом, сказала, что совершает выборочный обход больных. Хозяйка пригласила ее в гостиную и сразу забросала вопросами, которых у нее накопилось великое множество. Доктор не успевала вставить слово в её возбужденный монолог, потому что та высказывала жалобы и сразу выдвигала собственные предположения, они же диагнозы. А если в этом месте колит, то это... А если здесь ноет, то это... А правую ногу тянет, то это... А правая рука немеет, то это...

Терапевт поначалу пыталась вклиниться, но затем дала женщине полную свободу – пусть говорит, когда-нибудь выдохнется. Натка внимательно выслушала бредовые рассуждения без тени неудовольствия на лице, будто всю жизнь мечтала заполучить такую догадливую больную. Когда словесный поток был прерван натужным кашлем, Родыгина предложила послушать легкие, после проверила язык, измерила давление. Уложила женщину на диван и стала мять живот, вновь выслушивая жалобы, теперь с добавлением стонов.

Наталья очень надеялась, что из спальни или из кухни появится еще один жилец, который заинтересуется подозрительными звуками. Никто не появлялся, как она не прислушивалась - посторонние шумы до нее не долетали.

В квартире, вообще, не наблюдалось мужского присутствия. Стул, на котором сидела Родыгина, слегка пошатывался, хотя, выглядел довольно новым. В потолочном светильнике одна лампочка была перегоревшей, но никто ее не поменял. Электрическая розетка висела «на честном слове», подвергая опасности хозяйку.

Доктор назначила Анфисе лечение, не забыв озвучить приблизительную цену каждого препарата. Обстановка в квартире давала понять, что обитатели живут скромно, слишком скромно. Видимо, предпринимательская деятельность не приносила большой доход. Наличие автомобиля это не показатель достатка, тем более автомобиль был отечественного производства и видавший виды.

Коряжкиной пришлось по вкусу уточнение доктора, в связи с чем она решила поделиться наболевшим.

- Сейчас многие врачи выписывают дорогущие лекарства, а толку от них никакого.

Доктор не стала поддерживать скользкую тему и обвинять коллег.

И только она решилась перейти на посторонние темы, как входная дверь открылась, потом закрылась, впустив человека, у которого были ключи от квартиры...

Глава одиннадцатая

Сны и реальности

Появление нового действующего лица заставило Натку Родыгину занервничать. Она сразу почувствовала себя самозванкой, которая собирается совершить мошеннические действия.

Но мысленно призвала себя успокоиться, непроизвольно поглядывая в сторону прихожей, откуда должен появиться человек.

В прихожей тем временем шуршали, скребли, кидали. Наталья вопросительно посмотрела на хозяйку, которая никак не реагировала на новые звуки, будто была к ним привычна.

Потом раздались шаги. Шаги сначала приблизились к гостиной, затем чуть отдалились. В ванной зашумела вода.

Коряжкина беспрерывно рассуждала о непрофессионализме врачей, но Родыгина ее почти не слушала.

И вот на пороге комнаты появился... розовощекий малец под два метра ростом. Мальцу было не меньше тридцати, но наивное удивление на счастливом лице сказочно превращали его в дошколенка – акселерата.

- Добрый вечер, - испуганно пробасил он, увидев в доме докторицу. О ее профессии говорил висящий на шее фонендоскоп.

- Здравствуйте, - с плохо скрытым недовольством ответила Родыгина, будто не могла дожидаться появления еще одного члена семьи, который наглым образом отобрал время, предназначенное для следующего пациента.

- А что случилось? Мам, ты заболела? - встревоженным голосом произнес тучный великан. Улыбка с его лица сразу стерлась.

- Не волнуйся, сынок, все нормально. Познакомься, это наш новый участковый врач Наталья Александровна, она делает выборочный обход своих подопечных. Хорошо, что выбор пал на меня.

Натка удивленно взглянула на хозяйку дома, словно до этого они сидели в полной темноте, и не было возможности ее рассмотреть, а пришедший вовремя сынок клацнул выключателем, и вся комната озарилась электрическим светом.

Однако, эта женщина не так проста, как хочет казаться, - подумала Родыгина, - я решила, что мою реплику насчет выборочного обхода она пропустила мимо ушей, но ошиблась. Интересно, что будет дальше? Кто кого переиграет?

- Очень приятно, - тем временем кивнул малец, отчего его щеки заколыхались, как студень. И раз мать почти здорова, то можно заканючить, не стесняясь посторонних, - Мам, я есть хочу!

- Мне пора, - опомнилась Родыгина и стала собирать свои вещи в необъемную сумку.

- А может быть, поужинаете с нами? – предложила хозяйка.

Доктор никогда не позволяла себе «столоваться» у пациентов. Но это был не тот случай: к Анфисе Герасимовне она пришла не как к своей больной. И покидать ее квартиру, ничего не узнав, было поражением. Проигрывать Натка не любила, как не любила подводить своих друзей, возложивших на нее большие надежды. Раз сама вызвалась добыть нужную информацию, то будь любезна, добывай, иди до победного конца.

- Я бы выпила чаю, - смущенно произнесла Родыгина, замирая с сумкой в руках.

- Тогда я нам здесь накрою, а Ленечка поужинает в кухне.

Ленечка чуть ли не вприпрыжку двинулся в сторону кухни, где ему был обещан сытный ужин.

За чаем завязалась непринужденная беседа. Разговаривали вполголоса, чтобы малец не слушал женских разговоров.

С собственных недомоганий Коряжкина перешла на торговлю, которая «никак не ладится». Потом на сына, который работал в небольшой фирме программистом и зарабатывал «сущие копейки». А у нее за сына душа болит. Давно пора жениться, но на какие средства он будет семью содержать.

- Вот и не сплю ночами, всё думаю, думаю, - печально заключила Анфиса. – Где ж тут болеть не будешь.

- Я вам выпишу хорошее успокоительное средство, – отозвалась Родыгина и прочла короткую доходчивую лекцию о связи эндокринных желез с нервной системой, и влиянии последней на все жизненно важные органы человека.

Коряжкина внимательно слушала и изредка поддакивала.

- Вам, Анфиса Герасимовна, надо изменить образ жизни. Больше ходить пешком, движение это жизнь. А вы, наверное, на автомобиле передвигаетесь?

- Нет, я до рынка пешком хожу. Здесь всего-то двадцать минут ходьбы.

- Это... правильно, - нахмурилась доктор, будто двадцати минутные пешие прогулки ее не устраивают. Но ее не устраивало, что разговорчивая собеседница, увиливающая в ненужном ей направлении, не стала говорить о наличии у нее четырехколесного друга, который перешел во временную собственность к некому Романову.

- На рынке я, конечно, больше сижу, - задумчиво высказалась хозяйка.

- Гуляйте перед сном на свежем воздухе, - посоветовала ей Наталья Александровна, - вечером берите сына под руку и видите на улицу, ему тоже не мешает больше двигаться, а то поужинает и сидит за экраном компьютера.

- Это точно. Но он со мной не пойдет, скажет, что уже не в том возрасте, чтобы с мамочкой за ручку ходить.

- Берите приятельницу. Или друга. У вас есть друг?

- А может мне собаку завести? – спросила Коряжкина, не обратив внимания на вопрос доктора. Та смолчала, и она выдохнула, - нет, собаку не буду заводить, ответственность большая.

- Анфиса Герасимовна, - проникновенным голосом проворковала Родыгина, - женщине в любом возрасте необходимо общение с мужчиной. Вы понимаете, о чем я говорю?

- Понимаю, но где его взять?

В комнату зашел малец. Улыбка на его лице была счастливее прежней. Видимо, ужин оставил в его душе неизгладимый след.

- Спасибо, всё было очень вкусно, - поблагодарил он мать.

- На здоровье, мальчик мой, - расцвела она.

Ленечка хотел удалиться в свою комнату, но вновь обратился к матери.

- А я сегодня дядю Сеню видел, он передавал тебе привет. Обещал заехать, но не уточнил, когда.

Сеня - Арсений, Арсен, Авксентий, Арсентий, Максентий, - сразу выставила Наталья Александровна в ряд полные имена от сокращенного Сени. Явно порадовалась, что в цепочку вписывается Арсений, он же Романов, мило улыбнулась и не удержалась от похвалы:

- Какой у вас хороший воспитанный сын!

- Спасибо, - поблагодарила довольная мать, - Ленечка - моя гордость.

Когда он все же ушел в свою комнату, сидевшая перед опустевшей чашкой доктор пошла ва-банк.

- И вы утверждаете, что у вас никого нет?! А дядя Сеня?

- Сеня это мой сводный брат. Моя мать вышла замуж за его отца.

- У вас одна фамилия?

- Была одна, пока я замуж не вышла за Коряжкина. Меня отец Сени удочерил и дал свою фамилию. Чему я была очень рада: не хотела вспоминать о прошлой жизни, о своем

настоящем отце, который жестоко поступил со мной и с матерью, выставив обеих на улицу.

Ну, почему ты замолчала?! – мысленно взывала Натка, - неужели так трудно назвать фамилию сводного брата?! Но это не страшно: кое-что я узнала. Теперь можно найти этого братца... Пора бы и честь знать, но...

- Анфиса Герасимовна, а что же вам брат не помогает? Он в этом городе живет?

- Здесь он работает, а живет за городом. А почему не помогает? Так ему самому помощь нужна.

Спасибо, высказалась! – про себя возмутилась Наталья.

- Он болен?

- Сейчас здоровых людей почти нет, - философски рассудила хозяйка, - я имела в виду материальные проблемы. Кто ему поможет, кроме меня. Мы хоть и не родные по крови, но всегда хорошо ладили. Когда-то он мне помогал, теперь пришла моя очередь заплатить ему за добро... Жаль мне брата, столько испытаний на его долю выпало, никому такого не пожелаешь! - с искренним сочувствием сказала она и смахнула слезу.

Родыгина поняла, что больше ей ничего из Коряжкиной не вытянуть.

Уже стоя на пороге не сдержалась.

- У меня мужа тоже Семеном зовут, как вашего брата.

Хотела узнать его полное имя: Арсений это или Семен?

- До свидания, - сдержанно попрощалась с ней Анфиса Герасимовна. Она была задумчиво и печальна. То ли воспоминание о брате с трагической судьбой разбередили ей душу, то ли обеспокоило любопытство загостившейся врачихи...

Всю обрывочную информацию Натка выложила военному совету у себя дома, куда в спешном порядке были вызваны я и Родионов. Собственного супруга она всю дорогу держала в неведении.

- Все ясно – это Арсений Романов! – без долгих раздумий высказалась я. Принятие скоропалительных выводов всегда было моим коньком, несмотря на то, что я настойчиво убеждала себя, что сильно изменилась за последнее время. И все благодаря Романову-Родионову.

- С какой стати сводный брат Коряжкиной пришел к тебе и рассказал о трогательной истории, которая случилось на озере? – задал резонный вопрос Павел. – И подумайте: у него материальные затруднения, а он едет в Заболоченск, селится там в недешевый отель и живет в нем несколько дней. И если подослал к тебе Федора, то на это тоже нужны средства, за спасибо этот пройдоха работать не станет.

- Мало ли, что он наболтал сестре, чтобы ее разжалобить и денег занять, - предположила я.

- Вот мужики пошли! – возмутилась Натка, - сестра, конечно, не нищенствует, но и не жирует, а он...

- Остынь! Вот вы женщины любите ярлыки на мужиков навешивать! - возмутился её супруг.

- Прошу не обобщать! – предостерегающе прозвенел мой голос в уютной кухне Родыгиных.

Наталья посмотрела на меня с одобрением, хотела тоже высказать свою точку зрения по этому поводу, но передумала, решила перенести выяснения отношений на более позднее время, когда гости разойдутся.

Ваня уже несколько раз поглядывал на наручные часы. Скорее всего, ему давно хотелось домой, к ребенку.

- Уже поздно, давайте расходиться, - предложила я, пожалев моего первого помощника.

Родионов будто ждал сигнала, сразу вскочил на ноги и протараторил.

- Я постараюсь найти информацию по сводному брату Анфисы Коряжкиной!

И не предложив свое сопровождение до моего дома, попрощался и умчался.

- У него всё нормально? – спросила я у Родыгиных.
- Марго загуляла, - решился на откровения Павка.
- Как это – загуляла? А ребенок? – опешила я, забыв, какую характеристику дала молоденькой мамаше после первой встречи. Как давно это было. Я и Митька в тот день нагрянули в квартиру Родионовых, чтобы найти Арсения Ивановича, и начали нести околесицу.

Да, это было в то прекрасное время, когда я могла позвонить Жаворонкову в любую минуту. Просто позвонить и поболтать, не боясь вызвать недовольство его супруги.

- Можно подумать, она впервые такое вытворяет, и здоровье ребенка может её остановить?! – не сдержалась Натка от замечания в адрес непутевой супруги Ивана. Она не любила «перемывать кости» другим людям. Позволяла себе это очень редко, когда возмущение зашкаливало.

- Малыша смотрит бабушка, мать Ивана, - ответил Родыгин, отодвигая Предателя Митьку на второй план, за что Павлу большое человеческое спасибо: надоело каждый раз мысленно перескакивать на Жаворонкова! О чем бы мы ни говорили, чтобы ни обсуждали, а я всё о нем и о нем.

- Надо лишить эту соплячку материнства! - переняла я эстафету у Натальи. - Пусть катится на все четыре стороны!

- Лучок! – засопела Натка, почувствовав себя виновной в этом скольком разговоре. - Давай все-таки не будем лезть, куда не следует. Пусть Ваня сам решает, нужна ему такая мать его ребенка или не нужна.

- Я не лезу, - сразу утихомирилась я, - только не пойму – почему приличным девушкам не везет в личной жизни, а таким, как Маргарита, всё и сразу – и муж-золото, и чудо-ребенок?? Почему, а? Кто ответит? Время пошло!

- Я не знаю ответа на это вопрос, - без эмоций произнесла подруга.

Я подумала, что сейчас она подойдет ко мне, погладит по голове и скажет: у тебя всё еще будет! У тебя все получится!

Но она не подошла, чтобы не довести меня до слез. В последнее время я стала очень слезливой, чего раньше не было.

Или я старею?..

Покинув квартиру Родыгиных, я так остро почувствовала свое одиночество, свою никому ненужность, что не сдержалась от звонка Руслану Автандиловичу, посчитав, что минувшие три дня – достаточный срок для скромной женщины, которая три раза побывала замужем. Но Петров об этом не знал.

Думала, что он не дождался моего звонка и вернулся в Заболоченск. Сей факт подтвердил бы отсутствие чувства, родившегося якобы с первого взгляда.

Странно, но я не хотела, чтобы он укатил обратно. Я надеялась, что он остался и ждет моего звонка. Очень хотелось заглянуть в его глаза. Пошло звучит: хочу утонуть в его глазах, то попадание в самую точку!

Все говорят, что у меня необыкновенные глаза, но у Петрова похлеще моих, потому что мои глаза не заставили Дмитрия забыть о бывшей супруге, а потом о бывшей любовнице, а глаза Руслана заставляли меня забыть обо всем.

Его глаза меня гипнотизировали и заставляли подчиняться.

Подчинение мужчине я считала страшным грехом. Изредка угодить, это куда еще не шло, но пресмыкаться, как дурная собачонка, как рабыня, как домашняя прислуга, ну уж нет!

Я боялась Руслана и мечтала о встрече. Этот мужчина меня завораживал. Подкупала его вспыхнувшая любовь. Кому же не понравится, когда в него влюбляются?! Вот! Даже стихами заговорила.

Тем более, нравится, когда влюбляются такие мужчины, как этот. Не мальчишки типа Федора, а вполне взрослый человек с налаженной жизнью, в которой всё будто бы было

великолепно, пока не появилась я. Не стыдно? А если бы на месте супруги Руслана была я? Жили-поживали двадцать с лишним лет в любви и согласии, и откуда ни возьмись появилась она – разлучница.

Я примерила на себя шкурку разлучницы, и поняла, что мне она не подходит. Эта шкурка никогда не будет мне в пору.

Значит, звонить женатому мужчине не следует.

Я вертела в руках мобильный телефон, явно намекая на то, что мое решение может быть оспорено.

А почему я не могу ему позвонить? Я не собираюсь разрушать его семейную жизнь. Напротив, встречу с ним и объясню свою позицию.

Он откликнулся сразу. Значит, ждал, надеялся, верил. Начал что-то сбивчиво говорить, перескакивал с одного на другое, в итоге признался.

- Лукерья, я хочу вас увидеть!

- Давайте встретимся, - согласилась я сдавленным голосом, потому что сердце застряло в горле и не собиралось оттуда уходить.

- Я хочу пригласить вас на выставку.

- На выставку?! – удивилась я, - а на какую выставку мы пойдем? - совершенно глупо спросила я. В моем голосе четко прослеживалось безразличие. Не мужчиной, а куда за ним следовать. Или с ним. Скорее с ним, иначе я буду похожа на рабыню, которой пренебрегают.

- На выставку антикварной мебели! – с восхищением сказал Петров, будто это было самым модным местом для тусовки...

Честно? Мне было всё равно, куда с ним идти: в кафе, в ресторан, в театр. А на выставку старинной мебели тем более – это так изыскано, так не ordinarily.

Может быть, я опять обманываюсь? Придумываю себе интерес к Автандиловичу, а на самом деле это желание поскорее забыть Митьку? Но тогда получается, что я люблю Жаворонкова по-настоящему! А он... А он в тот день, первый день нового года, сказал: «Ты пытаешься внушить себе то, чего на самом деле нет». Лучше бы взял и открыл правду, чем «за нос водить»! Открыто признался: «Дорогая, у тебя нет шансов! Я люблю Климантову и женюсь на ней. За сим откланиваюсь, желаю найти тебе достойного человека, который приложит все силы, чтобы ты обратила на него внимание и забыла обо мне».

Где-то я нечто подобное уже слышала. В голове сплошная мешанина.

О! Об этом говорила гадалка, когда призывала обратить внимание на мужчину, способного меня защитить от всех бед.

Руслан Петров это находка для меня – для женщины, окруженной высоким забором неразрешимых проблем. Только я долезаю до верха и торжествую от близкой победы, как забор вырастает на глазах, а я возвращаюсь на исходные позиции.

Это правильно, что я позвонила Руслану. Приятный во всех отношениях мужчина позволит мне... забыть о Жаворонкове.

А вдруг Митька меня обманул? Климантова укатила в дальние дали, он о ней и думать забыл, а когда зашел разговор о моей квартире, в которой происходили их встречи, он вспомнил свою бывшую возлюбленную. Вспомнил и поставил в качестве загородительного сооружения от особы, которая страдает самовнушением.

Я представила хрупкую Людмилу Климантову в качестве загородительного сооружения и горько усмехнулась.

Хватит, терзать себя воспоминаниями о своем потерянном друге. Завтра я встречаюсь с симпатичным мужчиной, который в меня влюблен.

Все-таки, я изменяю своим правилам и завожу лямур-тужур с женатым мужиком. Нет, нет, ничего подобного! Мне просто хочется посетить выставку в приятном мужском обществе. И всё! Я сказала – всё!..

А там посмотрим...

Я совсем забыла, какой сегодня день? А сегодня было крещение!

И хорошо, что вспомнила об этом, укладываясь в кровать.

В школьные годы в этот день я ложилась спать и проговаривала про себя: «Суженый – ряженый явись ко мне во сне».

Не помню, кто ко мне являлся, но на следующий день все девчонки, в том числе и я, наперебой описывали своих суженых-ряженных. Мало кто из нас отказывал себе в удовольствии восхититься будущим женихом.

- Вы бы так сочинение складно писали, как всякую чушь придумываете, - как-то раз не удержалась от замечания Зоя Афанасьевна Троянова.

На нас это никак не отразилось: сочинения получались более сдержанными, чем ежегодный рассказ двадцатого января – день, сменяющий крещенскую ночь гаданий.

Как и в детстве, я повторила заученную фразу, содрогнулась при этом, когда представила, что во сне мне явится старый друг - крокодил или усач-циркач.

Но внутри крокодила однажды находился Жорка Волков! На Жорку я не согласна. Пока он «зализывает» раны, а мой настойчивый поклонник вновь угодил в больницу, потому как пренебрег советами хирурга Троянова, я могу спокойно идти на выставку, не боясь, что он последует за нами и устроит «шкандаль».

Только легла на подушку, как сразу провалилась в сон, чтобы увидеть суженого-ряженого...

Мы с Наткой Родыгиной – две великовозрастные девицы - вылепили снежную бабу, с удовлетворением полюбовались своей работой и хором воскликнули:

- А где нос?!

- И волосы! – добавила я. Нашла ветку ели и уложила ее на голову снеговички – получилась замысловатая прическа.

Натка тем временем достала из кармана морковку, будто это было привычным делом ежедневно носить в карманах овощи, и сосредоточенно стала пристраивать её в то место, где обязан находиться нос.

Я комментировала действия подруги:

- Чуть левее, чуть правее, глубже втыкай, а то нос отвалится.

Усердие Натки было прервано наглым образом: из-за спины снежной бабы выглянула препротивная физиономия с огромным носом, близко посаженными глазами и большущим ртом и вызывающе заявила: Ку-ку, дорогая!

Заявила и исчезла.

Мы вздрогнули от неожиданности. Я замерла на месте, а моя подруга резко отпрянула от нашего снежного шедевра, вырвав только что прилаженный нос–морковку.

- Идиот! – рявкнула Родыгина и собралась заглянуть за спину снежной бабы, состоящей из трех шаров разного диаметра, и опять шарахнулась в сторону, потому что физиономия появилась во второй раз. Отличие было в том, что на этот раз её прикрывала черная шапочка с прорезями для глаз.

- Ку-ку, дорогая! – заигрывающим тоном пропел мужчина, чье тело пряталось за снеговичкой, виднелась лишь голова.

- Фантомас, фантомас, как тебя зовут? – спросила я, покачивая головой в разные стороны, словно дразнила человека, решившего с нами поиграть.

- Никак! – разозлился он, нервно выкрашивая обеими руками части туловища снежной бабы. Разрушение пришлось на второй шар.

- Лучок, ты же сама ответила на свой вопрос – это фантомас! – резонно заметила Натка, грозно помахивая морковкой, крепко зажатой в ладони, будто это была не морковка, а кисть художника, которой он делает последние мазки на холсте.

- Нет, это не фантомас, - задумчиво проговорила я, - это... Гюльчатай! – подумала и заискивающим голосом попросила, - Гюльчатай, Гюльчатай, сними шапку! Так хочется увидеть не только твое лицо, но и лысину.

- Сама ты лысая, - буркнул мужик и исчез.

Мы с Наткой обошли с двух сторон снежную бабу, чтобы взять в кольцо подозрительного субъекта. Встретились за спиной бабы и весьма удивились тому, что субъект бесследно исчез. В досягаемой видимости его тоже не было видно.

- Ну, его! – махнула рукой Родыгина и вернулась к своему занятию, которое он прервал.

Я встала рядом. Для контроля.

Натка начала вкручивать морковь в верхний шар, усердно сопя носом. Я больше смотрела в то место, где минуту назад виднелась физиономия фантомаса, чем наблюдала за действиями подруги. Поэтому пропустила момент чрезвычайного испуга. Родыгина завопила, как блаженная, и хлопнулась на попу. Я уставилась на расположившуюся на снегу подругу, которая тыкала пальцем на снеговичку и издавала непонятные звуки, похожие на звуки мартышки, бегающей по клетке. Я проследила, куда указывает перст подруги и открыла рот, чтобы завывать не хуже пожарной сирены, но так и застыла. Звук застрял в горле, перекрыв дыхание. Я собралась присоединиться к Натке, но с трудом удержалась на ногах, немного покачавшись в стороны, как моряк на палубе судна. На помощь пришло плечо подруги, за которое я уцепилась в последний момент.

Третий верхний шар снежной бабы, выполнявший роль головы, до этого представлял собой белоснежное лицо с двумя черными дугами - бровями, выполненными из двух обрывков старого шнурка, и рта, который мы соорудили из четвертинки румяного яблока, что было похоже на улыбку-оскал. С носом произошла задержка по причинам, от нас не зависящих. Теперь наши старания были разрушены. Из третьего шара выглядывало довольное лицо Жорки Волкова. Так делали фотоснимки в старые времена. На полотне был нарисован, допустим, бравый молодец на коне, надо было только вставить свое лицо с овальную прорезь. Сейчас подобное стали вновь практиковать.

Итак, вместо безносого «лица» снежной бабы торчала счастливая физиономия Георгия.

- Что тебе нужно? – справившись с волнением, поинтересовалась я, одновременно помогая подруге подняться.

- Кто это? – шепотом спросила она.

- Это Волков. Ну, тот, которого ранили в подъезде родителей.

- Ясно, - кивнула Натка.

Что ей было ясно, я не сообразила. Она полюбовалась молчаливым Жориком и обратилась ко мне.

- Что он здесь делает?

- Ты у меня спрашиваешь?! – возмущенно произнесла я. И переадресовала вопрос возмутителю спокойствия, - Георгий, что ты здесь делаешь?! Ты должен быть в больнице!

- Я оттуда сбежал, - покаялся он, распрощавшись с улыбкой.

- Почему?

- Они хотели меня прооперировать.

- Неужели отец сделал что-то не так?

- Один врач сказал, что мне надо удалить... сердце.

- З... зачем? – испугалась я.

- Чтобы не смог тебя любить!

- А вы любите Лукерью? – вмешалась в наш диалог Родыгина.

- Очень люблю, но она запрещает мне об этом говорить.

- Лучок, я тебя не понимаю! Вполне симпатичный мужчина. И так тебя любит. – Натка сделала три шага назад, рассматривая творение своих рук с человеческим лицом. - Жених-снеговик! – хмыкнула она.

- Я не снеговик, я Жора!!! – во всю силу легких заорал Волков, завозился и разрушил наше красивое трех шаровое строение.

От его крика я проснулась.

- Так вот ты какой, суженый-ряженный, - зевнув, прошипела я. – Только этого мне хватало! И почему мне постоянно снится всякий бред?! Нет бы приснился Жаворонков.

И что бы это изменило?..

Я не стала скрывать от Петрова, где живу, рано или поздно он об этом узнает, но сказала ему, чтобы он подъехал к автобусной остановке и ждал меня там. Вдруг Волков выписался из больницы, затаился и теперь сидит у окна с биноклем в руках, чтобы вычислить своего соперника, которого надо молниеносно уничтожить.

Не думаю, что угрозы соседа могут напугать Руслана, но совсем не хочется, чтобы в наши отношения вмешивался посторонний. Пусть всё идет своим чередом, без подгона, без тормозов, без препятствий, а там будет видно.

Петров выскочил из машины, едва завидел мою стройную фигуру, сдержанным шагом шествующую по улице. Приветливо поздоровался, не переходя дозволенных границ, усадил меня в автомобиль, сел рядом, и мы тронулись в путь, который занял каких-то пятнадцать минут.

Руслан не говорил о своих чувствах, рассуждал о своих увлечениях, к которым относилась антикварная мебель.

- Я не коллекционер, и не потому, что для этого нужно иметь достаточные финансовые возможности. Сейчас можно приобрести ширпотреб, сделанный под старину, но я не вижу в этом смысла. Я ценю настоящие произведения искусства за дух времени, в которое их создал мастер. Как представляю, что в этом кресле сидел Людовик XIII, а на этом диване возлежал Генрих II...

Когда мой попутчик переключился на мебель эпохи Возрождения, мне и вовсе захотелось спать. Что я помнила из истории? Генрих второй враждовал с Людовиком седьмым, дружил с Германской империей, которая не дружила, в свою очередь, с Папой Римским. И на этом мои поверхностные знания о том времени, исчерпаны. Про мебель того времени в учебниках ничего сказано не было. И сказать по правде, меня эти мебельные шедевры до сегодняшнего дня не интересовали. В окружении громоздкой мебели я начинала задыхаться, на ум не приходили воспоминания о правителях прошлого. Я люблю помещения, не загроможденные мебелью, где легко дышится, где не витает затхлый запах прошлого. Такая уж я уродилась.

Лучше бы он снова бубнил о своих чувствах, - подумала я, устав от лекции. И запоздало опомнилась: А может быть, не нужно было звонить Руслану, и тем самым давать ему надежду.

Я покосилась в его сторону. Мужской профиль заставил забыть о сомнениях. Тем более, недолгое время поездки, как и нудная лекция, подошли к концу.

Петров свернул на стоянку возле стеклянного здания-куба. Это был выставочный павильон, где я никогда не была, хотя, он открылся несколько лет назад.

Вывеска над входом объясняла, что можно увидеть в данный промежуток времени в этом павильоне.

Руслан пригласил меня внутрь. Мы взяли рекламный проспект и стали осматриваться.

Все три этажа выставочного павильона были отданы под антикварную мебель.

- Откуда начнем? – спросил возбужденный мужчина. Возбуждение было вызвано, увы, не моим присутствием.

Как там у Пушкина: Грусть-тоска меня съедает... Так это про меня.

- Снизу, - сдерживая недовольство, буркнула я, в тайне надеясь, что первым этажом все ограничится. Или сама ускользну, если мужчина перенесется на несколько веком назад и забудет о моем присутствии, или уговорю его уйти по причине усталости, если он будет вменяем. Заодно я и проверю, что или кто ему дороже – эта чопорная старина или я - живая женщина из двадцать первого века.

Неожиданно на память пришла новогодняя ночь, когда мы с Иваном облачились в «старинные одежды». Как мне было весело, как было легко рядом с мало знакомым человеком. А почему? Я не контролировала каждое свое слово из боязни быть

неправильно понятой, из боязни, что обо мне он составит неправильное мнение. Я была сама собой.

Сейчас мне хотелось соответствовать Петрову – знатоку антиквариата. И это обстоятельство меня бесило. Развернись и уйди! Так нет, стою и пялюсь по сторонам с напускным интересом.

А как соответствовать Руслану, если я ничего в этом не смыслю? Я не люблю лицемерить. Но ходить с грустным лицом арестанта, которого вывели на прогулку в дождливый холодный день, тоже не прилично. Потому и веду себя несвойственно.

Я нацепила на лицо задумчиво-восторженную маску и стала бродить среди экспонатов, стараясь держаться от Руслана подальше. Но он не давал мне отстать, каждый раз останавливался, ждал, когда я приближусь и придыханием спрашивал:

- Ну как?

- Божественно! – криво скалясь, отвечала я. Когда он отворачивался, я грустно вздыхала и посылая его и всю выставленную мебель куда подальше, словно она беззастенчиво вмешивалась в мою личную жизнь.

Едва Автандилович собрался вести меня на второй этаж, где, согласно рекламному проспекту, были выставлены спальни, я уперлась.

- Руслан, у меня разболелась голова, - солгала я.

- Прошу вас, это не займет много времени. Я обещаю.

Ну, как можно отказать человеку с таким проникновенным взглядом!

Еще полчаса мы бродили между кроватей, комодов, пуфиков и другой дребедени, пока не остановились у импровизированного окна, над которым висел вычурный кованный карниз.

- Какая прелесть! Лукерья, вы только посмотрите какая красота! – воскликнул Петров.

Заметил мою кислую физиономию, уставшую изображать безмерную радость, и сник.

- Вам совсем не нравится?

- Совсем! – неожиданно брякнула я. Хотела заявить, что в последнее время у меня на карнизы выработалась жгучая неприязнь, но сдержалась с неуместными признаниями.

- Возможно, нечто подобное в современных квартирах не будет смотреться, - высоко задрав голову, рассудил Петров, - но если помещение будет обставлено под старину, если имеется камин, к которому приложил руку мастер по ковке, то почему бы нет?.. – Он водил глазами, надеясь узреть камин, который будет подходить всему интерьеру и данному увесистому карнизу.

Я непроизвольно стала его рассматривать. Убожество, да и только. Я не оспариваю противоположное мнение, но...

Представьте себе толстенную трубку, вокруг которой увивается виноградная ветвь, провисая на трубке, что еще больше утяжеляет конструкцию. А на краях трубки ветвь разъединяется на несколько отростков, что также не способствует ее красоте.

Такая штукавина не удержится в креплениях, свалится в самый неподходящий момент – когда ты будешь находиться в непосредственной близости - и стукнет тебе по голове. Спасибо, дорогой мастер, что совершил невозможное – через сто или двести лет расправился с человеком, который пришел полюбоваться твоим убогим шедевром.

Я попятилась назад, ухватив за руку мужчину, продолжавшего искать глазами камин.

- Руслан, мы уходим! – голосом, не терпящим возражений, произнесла я.

- Уходим? – переспросил он с испугом, будто я предложила ему расправиться с Надеждой Климановой, которая отрубилась мне путь к счастью.

- Уходим, уходим, - прошептала я, утягивая его за собой.

Благо людей в выставочном комплексе было не так много, да и те разбрелись по огромным залам и трем этажам, иначе хорошо бы мы выглядели – мама насильно уводит своего упирающегося отпрыска.

- Лукерья, погодите, - вкрадчивым голосом попросил меня Петров. От неожиданной перемены я остановилась и выпустила его руку.

Что-то в его взгляде заставило меня забыть, где мы находимся. Исчезло раздражение, легкие наполнились чистым воздухом. А когда мужчина положил руки мне на плечи, не мигая, уставился на меня, при этом тревожно стал перебирать пальцами, мое тело и вовсе обмякло.

Троянова, опомнись, приди в себя! – без особого успеха мягко приказала я своему пластилиновому организму. Но не унялась. – Сейчас он начнет делать грязные намеки: как было бы неплохо поваляться на кровати, на которой любили друг друга Наполеон Бонапарт и его возлюбленная Жозефина. Какая пошлятина!

Я уже собралась высвободиться из его цепких и таких ласковых рук, то повременила. Пусть только начнет, я найду, чем ему ответить!

Но мужчина молчал и смотрел на меня. Я хотела отвести взгляд, но не находила сил. Его трепетные пальцы больше не шевелились на моих плечах. Но мои плечи горели. Горело мое лицо, уши, по спине пробежала струйка пота.

- Лукерья, - осторожно вступил он.

Я умираю от желаний прильнуть к нему, но не делала этого. Я ждала откровенного признания, мое тело ждало его страстных прикосновений. Я теряла контроль над собой. Я оцепенела, я онемела, только внутри меня бушевал огонь.

Так нельзя! Нельзя поддаваться его чарам!

Я с трудом опустила взгляд, даже удивилась этому. Он ласково взял меня за подбородок. К моему телу подключили электрический ток, то оно почему-то не задержалось в конвульсиях.

Я снова смотрела ему в глаза.

И снова была готова на всё.

- Лукерья...

Я улетела в заоблачные дали от его голоса, от его необыкновенных по красоте глаз.

Как всегда у меня бывает в ответственные моменты, неожиданно в голову ворвалась земная мысль: а почему здесь?

Я горю от желания, я теряю рассудок, но пока не дошла до полного сумасшествия. Хотела запротестовать, но... передумала.

Заметив мое скрытое замешательство, он слегка отодвинул меня от себя, но рук с плеч не убрал. Впился в меня взглядом, и в который раз за сегодня произнес.

- Лукерья, я...

В этот момент в моей сумке зазвонил телефон.

Я дернулась, тем самым скинув оцепенение и вернув себе способность двигаться и разговаривать.

Петров выглядел, как жесткий преподаватель, лекцию которого прервал звонок мобильного нерадивого студента.

Я пока не знала, кто звонит – в моей сумке трудно найти нужную вещь с первой попытки.

Высветился незнакомый номер. С незнакомцами у меня не было желания общаться, тем более в такой ответственный момент. Я отключила телефон и сунула его в сумку, но не смогла вернуть то состояние, которое поселилось во мне до звонка.

- Куда поедет? – беспечно спросил Руслан, несмотря на то, что от недовольства он не смог сразу избавиться.

- Я... не знаю, - пристыжено ответила я, вина себя за разрушенное взаимопонимание. Еще неизвестно, сможет ли оно вернуться.

Смогу ли я так оцепенеть, одеревенеть, онеметь?

Ничего подобного со мной не происходило. Но надо признать, мне это состояние ужасно понравилось, хотя, очень испугало.

Оказывается, со мной можно делать всё, что угодно.

- Ты голодна? – поинтересовался мужчина, посчитав, что наше минутное погружение друг в друга позволяет нам перейти на «ты».

- Н... не знаю.

Скуден сегодня у меня лексикон! И чего заладила: не знаю, не знаю. А что ты знаешь?! Что готова на любые шалости с мужчиной, которого видишь третий раз в жизни?!

Как тебе не стыдно, Троянова! За воротами маячит тридцать шесть лет, а ты все о шашнях думаешь!

Ни о чем я не думаю! – возразила я самой себе. – И, вообще... Подумаешь, тридцать шесть, и что? Закрыться в родных стенах и читать заумные книги? Или посещать выставки и делать вдохновенное лицо, хотя, внутри у тебя восстает весь организм против подобных скучных мероприятий.

С годами я начну читать заумные книги, ходить по выставкам.

Когда других интересов не будет. Когда ни один мужчина в мою сторону не посмотрит. Или посмотрит и ужаснется.

А пока я буду делать то, что хочу. Не мучить себя, не предавать свои интересы.

- Лукерья, ты согласна? – задал вопрос Петров.

По обыкновению я успела переместиться в другое состояние, почти на другую планету, оставив на этой влюбленного в меня мужчину. Его вопрос вернул меня назад.

Интересна, с чем я должна согласиться? Или не согласиться?

Ладно, соглашусь. Не думаю, что он предложил мне что-то ужасное...

Мы поехали в загородный ресторан. Руслан одной рукой управлял автомобилем, другой сжимал мои пальцы. Не могу с точностью сформулировать, что было написано на моем лице, а на его лице было выражение умеренного удовлетворения. Как у человека, у которого начала сбываться заветная мечта.

Мы больше молчали, изредка перебрасывались ничего не значащими словами. Но внутренне радовались тому, что вовремя остановились, не дали нашим чувствам захлестнуть нас. Те слова, которыми не успели обменяться, мы не спешили высказать вслух. И от этого тоже приятной негой расплывалось по телу...

Ресторанчик был небольшой и уютный. Меню было без изысков, простым и понятным. Еда оказалась очень вкусной.

- Ты бывал здесь? - спросила я, расправившись с ухой.

- Был пару раз с друзьями. Мне здесь нравится. Тихо и спокойно.

- Да, здесь хорошо, - согласилась я.

Петров был за рулем, поэтому отказался от спиртного, я его поддержала, поэтому мы с удовольствием пили вкусный клюквенный морс. Но были слегка пьяными от взглядов, которыми невзначай обменивались.

- Кофе здесь не очень, лучше взять травяной чай, - посоветовал Руслан.

- Давай выпьем кофе у меня, - тихим голосом предложила я, надеясь, что он не расслышит.

Он всё услышал, хотя, мог прочесть по глазам.

- Давай, - кивнул он.

У него не только были необыкновенные глаза, но и голос, от которого у меня начинали дрожать руки и вибрировал голос. Поэтому я предпочитала помалкивать или отвечать односложно, чтобы не выдать своего неустойчивого состояния.

Как профессионал, я знала, что нужна дыхательная гимнастика, но как я буду выглядеть, если начну ее делать в его присутствии. И толку от нее никакого нет, если короткое предложение, сказанное им, все мои попытки сведет на нет.

Мое приглашение нельзя рассматривать, как интимно-развлекательное. На улице ясный день, до ночи еще тьма времени...

Можно подумать, для сексуальных порывов существует разграничение по времени, - мысленно осадила я себя. – Лукерья, кого ты хочешь обмануть?!

- Ты... не подумай... ничего... такого, - со значительными остановками покачалась я, - мы кофе попьем и...

- Лучше не продолжай, - усмехнулся мужчина, - а то твое раскаяние приведет к тому, что я откажусь и никогда себе этого не прощу.

Всю дорогу до моего дома я страшно нервничала, напоминая себе неопытную девушку, которую пригласил в гости безусый одноклассник, когда его родители укатили на курорт. Она надеется, что не позволит себе лишнего, но не совсем в этом уверена...

Еще подойдя к входной двери, я услышала, как заливается мой домашний телефон.

Я сразу всё поняла – судьба прикладывает все силы, чтобы развести меня с этим мужчиной. Но оставалась малюсенькая надежда.

Надежде не суждено было исполниться.

Звонил мой глубокоуважаемый господин Мирский, директор музучилища, где я имела честь преподавать.

- Лу-керья По-ли-кар-пов-на! – привычно завыл Савва Валерианович, раскладывая обращение на слоги, что говорило о его повышенной взволнованности. – Не мог вам до – зво-нить-ся на мо-биль-ный те-ле-фон.

Конечно, не мог, я его отключила, когда нас с Русланом нагло прервали.

- Что-то случилось? – стараюсь справиться с раздражением, поинтересовалась я.

- У нас ЧП! Срочно приезжайте в училище!

Я знала об исключительной способности Мирского раздуть из мухи слона. Он был заслуженным паникером России. Но Савва никогда не связывался с подчиненными сам лично, только с помощью секретаря, которому отдавал приказы.

Что это значит? Действительно, в училище произошло что-то ужасное, или директор по обычаю преувеличивает?

Ответ на этот вопрос может дать он сам. И чем скорее я все выясню, тем лучше.

Руслан не потребовал объяснений, он сам обо всем догадался и вызвался меня подвезти...

Глава двенадцатая

Ответ нечаянно нагрянет

Я влетела в приемную директора, с трудом отдышалась после скоростного подъема на третий этаж и спросила у секретаря Зинаиды, что случилось?

Противная во всех отношениях Зинка не повернула голову в мою сторону, словно меня здесь не было, и как ни в чем ни бывало, продолжила раскладывать пасьянс на экране компьютера. Не зря её прозвали стервозиной, причем это прозвище так к ней приклеилось, что все произносили его легко: Пойди к стервозине Зинке и спроси, где Мирский? Найди стервозину Зинку и заставь сделать еще один экземпляр! Стервозина давно превратилось в имя собственное, почти фамилию вредной Зинаиды. На самом деле она была Крыловой.

- Зина, я к тебе обращаюсь! - взвилась я и решительно направилась к секретарскому столу. Мой грозный вид отвлек стервозину от игры.

- Что?.. А-а-а, это ты? – презрительно скривилась Крылова, будто я была представителем самого низкого сословия, не достойного даже ее величественного взгляда. И снова уставилась на экран.

Мне всегда хотелось влечь ей затрещину, несмотря на то, что никогда не распускала руки.

Ночью мне привиделся дурацкий сон, день выдался дерганым, поэтому я позволила себе «спустить пар» в предбаннике директора. Со всей дури стукнула кулаком по столу, отчего Зинка подпрыгнула на стуле. Я бы только порадовалась, если бы в этом стуле оказался гвоздь.

- Ты почему так себя ведешь? – прошипела я. Короткие красно-рыжие волосы на голове стервозины встали дыбом, будто рядом с ней появилась огромная змея, селившаяся

множество приключений разного характера. – Если я задала тебе вопрос, то позволь ответить на него.

- Я не поняла, о чем ты спрашиваешь? – поспешила объясниться Крылова.

- Мне позвонил Мирский и приказал срочно предстать перед его очами, заявив, что у нас ЧП. Прежде чем войти к нему в кабинет, я хотела бы... все выяснить. Если ничего страшного не произошло, то я...

- Ты дашь обратный ход, чтобы тебя не впрягли в ярмо, и весело проведешь оставшееся время до выхода из отпуска, - досказала за меня Зинка. Надо отдать ей должное – соображала она быстро, за что ее ценил непосредственный начальник и часто защищал от нападков преподавательского коллектива.

- Учти, не я это сказала, - усмехнулась я, дав понять, что инцидент исчерпан и можно переходить к закулисным прениям или, попросту говоря, к сплетням.

- Не переживай, Лукерья, ничего экстраординарного не случилось, - успокоила меня Зинка.

Я собралась дать обратный ход, заранее разрабатывая схему оправданий для директора: от волнений обострилась болезнь, пришлось согласиться на постельный режим, но следующая фраза Крыловой подставила мне подножку.

- Глеб Кандинский пропал.

- Как пропал? – дорожающим от волнения голосом спросила я.

Глеб Кандинский это был тот самый девятилетний мальчик, с которым у меня долго не складывались отношения. И чей отец меня щедро отблагодарил накануне нового года.

- Взял и сбежал паршивец!

- Почему сбежал? Куда сбежал?

- Знали бы куда, давно бы отыскивали и ремня хорошего дали. А почему сбежал?.. Потому что тебя в училище не было. Раз пришел, тебя нет, другой пришел, тебя нет. У Валентины, которая тебя подменяет, спросил, когда вернется Лукерья Поликарповна? А та возьми и со злости ляпни: Никогда! Он и смылся. Кинулись только вечером, когда он домой не пришел после занятий. Его всемогущий отец всех на ноги поднял. Результатов пока нет.

- Когда это произошло?

- Вчера... Нет, позавчера.

- Почему мне сразу не позвонили?

- К тебе домой сам Кандинский ездил, но дома не застал.

- Аркадий Алексеевич? – удивленно вскинула я брови, словно никогда не могла допустить мысли, что такая важная особа может почтить меня своим посещением.

- Говорят, ты с ним конфликтовала?

- Никогда! – покачала я головой, - поначалу у нас складывались непростые отношения, но потом мы пришли к консенсусу в воспитании Глеба и недоразумения были исчерпаны.

- Да, с такими людьми лучше не связываться.

- Он нормальный мужик и сына любит, - запротестовала я.

- Любит, пока новую жену себе не нашел.

- А разве у Глеба нет матери? – неуверенно пробормотала я.

- Жаль мальчишку, - притворно посочувствовала ему Зинка, - с двух лет растет без материнской заботы и любви... Умерла она.

- Я и не знала, - протянула я.

- Отец тщательно скрывает от всех это, чтобы ребенка не травмировали своей жалостью. И в личном деле в графе «мать» запись имеется. Таким все позволено, даже подтасовки.

- Зина, ты не об этом сейчас говоришь! – осадил я её. Секретарша была права: если бы я знала, что у Глеба нет матери, я бы не была с ним такой жесткой, а моя мягкость не позволила бы обнаружить у него талант. – Почему мне ничего не сообщили?! – вновь задала я вопрос.

- Не хотели тебя беспокоить. Мирский сказал, что ты очень больна, – в ответе таился скрытый подтекст.

- Ну, не так, что бы очень. Но кое-какие проблемы со здоровьем имеются, – не без гордости заявила я, словно это было моим большим достижением.

- Не беременная случаем? – напрямую спросила Крылова, приглядываясь к моему плоскому животу, – а то я смотрю, ты похудела, осунулась, под глазами темные круги.

- У самой у тебя круги! И не похудела, а постройнела. А ты не завидуй!

- Вот еще! – передернула пышными плечами Зинка.

- Мирский у себя?

- А где ж ему быть! Тебя поджидает. Сказал, как придешь, сразу к нему вести, ничего не рассказывать. Так что ты меня не выдавай, сама настояла.

- Не выдам, – на ходу обронила я...

Ничего нового мне Савва Валерианович не сообщил. Мне показалось, что он мне не поверил, когда я сделала круглые глаза при сообщении об исчезновении Глеба Кандинского. Да, актриса из меня, как из Мирского известный московский режиссер, которому он постоянно подражает. Вторично произнесенная новость уже не действует на человека, как раскат грома.

- И вы не видели мальчика в последние дни? – продолжал допытываться директор, прожигая меня всезнающим взглядом. Видимо, он так устал от переживаний, что не совершал привычного кругового бега по замкнутому пространству кабинета. Сидел в своем кресле, положив короткие толстые ручки на стол и скрестив пальцы. При этом пальцы постоянно шевелились, будто он изображал летящую птицу в театре теней.

- Не видела! – открыто глядя ему в глаза честными глазами, призналась я. – Неужели вы думаете, что в данном случае уместна ложь?

- Вы нашли с Глебом общий язык, а это весьма не просто. Он сложный мальчик, с неустойчивой психикой.

- Он отличный мальчик. Старательный, послушный, но к нему надо найти подход. Его надо было заинтересовать, а мне это удалось.

- Да, он к вам очень привязался. И отец об этом говорил, – сокрушенно качая головой, произнес Мирский. Я уже решила, что найти подход к такому необычному ребенку это не достижение для педагога, а полный провал. – Я не хотел вас тревожить, но Аркадий Алексеевич настоял. Он будет с минуты на минуту. Давайте вместе подумаем, куда мог пропасть Глеб?

- У меня нет предположений, – сразу заявила я.

- Я подумал, что... Мальчик мог тотчас направиться к вам, чтобы выяснить, уволились вы из училища или нет. И увидел рядом с вами мужчину. От обиды он пошел, куда глаза глядят.

- А почему нахождение рядом со мной мужчины так на него повлияло? – опешила я.

- Глеб постоянно твердил отцу, что мечтает о такой матери, как вы. До этого он приходил в ярость, когда отец приводил в дом незнакомых женщин. А тут... вдруг сам завел разговор о новой матери.

- Думаете, мальчик меня приревновал? – спросила я, судорожно вспоминая, с кем из мужского пола могла общаться позавчера? Выходило, что ни с кем. Я целый день просидела дома, продолжила самобичевание и саможаление.

Вспомнила! Я выходила за хлебом. Когда возвращалась, встретила у подъезда местного выпивоху Фрола Матвеева, который мне сообщил, что старуху-процентщицу выписали из больницы, на ней все зажило, как на собаке, только она память потеряла и теперь денег никому в займы не дает. На что я ответила: Как это выписали?! За ней же уход нужен! – Есть за ней уход! – заявил Фрол, – наняла наша Мирка сиделку. Не сиделка, а профессиональный телохранитель! Пальцем ткнет и ты покойник!

Фрол поглядывал на меня с ожиданием и надеждой. Я его надежды и ожидания оправдала, ссудила некую сумму на поправку здоровья. Он галантно приложился к моей ручке и пообещал вернуть долг. Обещанного, как известно, три года ждут.

В этот момент нас мог увидеть ревнивый мальчик.

Принять Фрола за моего кавалера очень трудно, у нас разные жизненные интересы и увлечения, что отражается на обличье и внешнем виде, но как в этом разобраться девятилетнему мальчугану, которого смутил сам факт того, что кто-то посмел коснуться женщины, выбранной им на роль матери. И эта женщина не закричала, не вырвала руку, а вынесла эту пытку без видимых удовольствий и неудовольствий, а что произошло после этого, Глеба не интересовало.

Вот тебе и стечение обстоятельств.

И как мне с этим жить? Во всех бедах снова виновна я!

Где искать Глеба?..

Аркадий Кандинский застал нас с Мирским в полной задумчивости. Он сообщил последние новости, не принесшие успокоения: мальчик никому из друзей не звонил, ни к кому не приходил. Бабушка, мать отца, живет в нашем городе, у нее внук тоже не появлялся.

- Деньги у Глеба есть? – спросила я.

- Есть, но немного, я его деньгами не балую... А вы думаете, он отправился в другой город? Но у всех полицейских есть его фото. Если он появится в любом общественном месте, то сразу привлечет к себе внимание правоохранительных органов... Лукерья Поликарповна, - обратился ко мне Аркадий Алексеевич, предварительно изучив меня, будто не мог понять, подхожу я на выбранную им роль или нет? - Лукерья Поликарповна, на вас... на вас вся надежда.

- Но я чем...

- Можете! – перебил мою сбивчивую речь мужчина. – Вы все можете! Вы чувствуете Глеба. Только вы смогли заметить у него способности, разглядеть в нем задатки таланта, хотя, поначалу требовали отдать его в кружок для резьбы по дереву.

- Я такое говорила? – округлила я глаза. Чего прикидываться?! Естественно говорила в ответ на резкие заявления папаши.

- Забудем прошлое, - отмахнулся Аркадий и устало произнес, - я вас не тороплю, хотя, сами понимаете, времени нет... Я схожу с ума. У бабушки гипертонический криз. Боюсь даже представить, куда его занесла нелегкая?! Вдруг он брел, брел, упал и замерз.

- Не надо думать о плохом. Я пока не знаю, что можно предпринять, к кому обратиться за подсказкой?

- Вы настройтесь на его волну, поставьте себя на его место, - с надеждой глядя на меня, посоветовал расстроенный отец.

- Я не экстрасенс, я обычный человек.

- Я знаю, но Глеб почувствовал в вас что-то родственное. Впервые за семь лет он привязался к женщине.

- Я ценю это.

- Попытайтесь вспомнить, может быть, он рассказывал о своих мечтах? Знаете, как мальчишки мечтают о дальних путешествиях...

- А с вами он ничем не делился? – торопливо вмешалась я.

- Н...нет. Я постоянно занят...

Сидящий передо мной мужчина был единственный близким человеком замкнутому мальчишке. И еще бабушка... Хотя, неизвестно, какие у них с бабушкой сложились отношения? Что я знаю точно – Глеб не выносил чрезмерной заботы, он хотел, чтобы с ним обращались, как с взрослым. Естественно, все пацаны его возраста презируют сюсюканье, но изредка, наедине с матерью, позволяют, чтобы их тискали. Сказано - дети!

Сначала я была деспотом, потом смирила свой угнетаторский порыв и превратилась в требовательного преподавателя, который без причины не воспитывает. А в случае

особого старания всегда выскажет похвалу. Для таких детей, как Глеб, похвала нещедрого на подобные высказывания преподавателя послаще любимой шоколадки. Она служит толчком к дальнейшим успехам.

- Обещать ничего не буду, но постараюсь... Встретимся завтра утром.

Мы вместе с Кандинским вышли из здания музучилища. Он предложил подвести меня, но я хотела пройтись пешком, проветрить мозги после всех событий сегодняшнего дня.

- Тогда до завтра? – спросил Аркадий с надеждой, будто на моем лице уже просматривался намек на то, что я близка к разгадке исчезновения его сына.

- До завтра...

Мужчина двинулся к своему автомобилю, по пути оглянулся и сказал.

- Лукерья Поликарповна, вы отлично выглядите. Эта стрижка вам очень идет.

Я автоматически провела рукой по волосам.

Надо же, пребывая в таком расстроенном состоянии, он еще в состоянии обращать внимание на женщин, - подумала я...

За недолгий путь ничего умного мне в голову не пришло.

Глеб не делился со мной своими тайными мечтами. Он был скрытен. Спрашивал о моем детстве, интересовался, как пришло ко мне увлечение музыкой, пением, будто примерял мои первые шаги на себя. Посторонние темы мы не обсуждали. Возможно, я что-то упустила.

Всю ночь я исправно пила крепкий кофе и размышляла. Вспоминала себя в его возрасте, представляла подобную ситуацию, которая способна принудить меня уйти от родителей, но, увы, у меня ничего не получалось. Меня очень любили, не давили, и делали вид, что предоставляют мне полную свободу действий. По обычаю лукавили. Я сейчас понимаю - родительский контроль был тщательно завуалирован. Меня, как и многих моих ровесников, держали на поводке, только мой поводок был значительно длиннее, чем у других. Иногда меня раздражало, что мать или отец задают много вопросов, без прося переходят границу, отделяющую мое личное пространство, но они делали это корректно, будто предлагали высказаться на ту или иную тему. В результате, у меня «развязывался язык». Рассуждения незаметно приводили к откровениям, служившим приведением примеров из личного опыта. Как мне казалось, богатого опыта.

И я была девочкой, а не мальчиком. Девочки более открытые. Выскажут обиды, недовольство, поревут, пообижаются некоторое время, их пожалеют, и инцидент исчерпан.

Но все зависит от отношения родителей к детям, их желания найти точки соприкосновения, их желания забыть на время о бизнесе, о работе, о своих глобальных проблемах и немного пожить жизнью сына или дочери.

Как говорят: было бы желание, а возможность найдется...

Зачем Кандинский рассказал мне о детских мечтах своего сына о путешествиях?! Я уцепилась за его фразу и постоянно возвращалась к ней.

А вдруг у Аркадия Алексеевича есть яхта? Как у многих обеспеченных людей. И Глеб давно поднял паруса и отправился бороздить просторы нашей полноводной реки.

Я металась по квартире не хуже любителя бега господина Мирского. Несколько раз порывалась позвонить Аркадию, чтобы спросить о яхте или еще о чем-нибудь, но каждый раз себя останавливала: зачем внушать надежду неосторожным звонком? Он с нетерпением ждет утра, которое обязательно принесет ему новости о сыне.

И эти новости обязана предоставить я. Глупая женщина с дырявой головой. Конечно, с дырявой! Потому что из нее вылетает всё нужное, а ненужное остается. Это в отношении глупости. У умных людей всё обстоит иначе.

Я вживалась в тело девятилетнего мальчика. Внушала себе, что мне нравится мой преподаватель по вокалу – одинокая молодая симпатичная женщина, которая не видит во мне помощника в достижении корыстных целей относительно отца. Мой отец, вообще,

её не интересует, но она искренне относится ко мне. Она требовательная, но добрая. Она красивая, но эта красота теплая, не холодная. Она скромная... Наверное.

А оказалось, что не скромная. И не одинокая.

Какое предательство.

Да, это обычный детский максимализм. Есть черное и белое. Есть хорошее и плохое. Среднего не дано.

Я заснула прямо в кресле, подобрав под себя ноги и укутавшись в мягкий плед...

Меня разбудил осторожный звонок в дверь. Кто-то робко дотронулся звонка, будто сомневался, стоило ли приходить?

Я сорвалась с места, вдохновляясь уверенностью, что это пришел Глеб Кандинский.

Это был не Глеб.

Для полного счастья в это утро мне не хватало только Марты Ризванюк.

На удивление, дама почтенного возраста после бандитского нападения выглядела отлично. На ее голове была шапочка, аккуратно связанная крючком. Оставалось загадкой – есть ли на голове повязка? В остальном всё было по-прежнему: удобные домашние туфли, в которых лично я с удовольствием рассекала бы по улице в теплое время года, полосатые брюки и длинная теплая кофта, застегнутая на все пуговицы.

Марта Архиповна изучала меня откровенно-презрительным взглядом, что дало мне основание предположить, что потеря памяти это очередная ложь. Ее товарки всегда утверждали, что Мирке верить – себя не уважать.

Но как ловко она всех провела!

Стоп! Делать выводы пока рано. А я, как всегда, бегу впереди паровоза.

Ризванюк молчала и пялилась на меня, будто никак не могла понять, как я оказалась в соседней квартире.

Мне надоело играть в молчанку.

- Добрый день! – приветливо откликнулась я, - кто вам нужен?

Мирка привстала на цыпочки и попыталась заглянуть мне за спину.

- Там никого нет! - задумчивым голосом сообщила я.

- Ты одна? – игнорируя приветствие, вопрос и сообщение, поинтересовалась старушка-процентщица, временно приостановившая выдачу ссуд. То, что это было временным явлением, я уверена на сто процентов. Образ жизни в таком возрасте не меняют, последствия чреваты.

- Одна, а вы думали...

- Ничего я не думала, - буркнула Ризванюк, отодвинула меня в сторону и вошла в прихожую.

Ранее визиты ко мне она не наносила. Я была для нее пустым местом.

- Лукерья, тут такое дело, - вступила Марта Архиповна, постоянно заглядывая мне за спину.

- О! Да вы помните, как меня зовут?! А народ утверждает, что вы память потеряли, - с сарказмом заметила я.

- Потеряла, - шепотом согласилась старушка. Теперь ее взгляд переместился на закрытую входную дверь, за которой мог затаиться неприятель, посягнувший накануне нового года на ее жизнь.

- Комедию разыгрываете, - догадалась я.

- Меня твои выводы не волнуют! – прошипела она.

- Так зачем пришли? Как я помню, мы с вами дружбу не водили, хотя, и не враждовали. Или вы позабыли?

- Ничего я не забыла, - буркнула она, - а пришла к тебе потому, что обстоятельства заставили.

- Какие обстоятельства?

- С конца начинать не хочу, лучше с начала.

Я пригласила соседку в комнату. Мне было не по себе. Вдруг я отчетливо поняла, что нападение на Ризванюк связано со мной. С ней хотел расправиться не кто иной, как Романов-Родионов. И она пришла мне сообщить, что мне грозит опасность.

С какого же перепуга эта всех ненавидящая женщина неожиданно подобрела и стала испытывать к людям жалость?!

Что-то тут не так... А если предположить, что они с этим носатым мужиком одна банда? Что-то не поделили, и он с ней быстро разобрался. Но зачем им я? Взять у меня нечего, мстить мне будто бы не за что.

- Я всегда говорила, что ты плохая хозяйка! – констатировала Мирка, оценивая мое жилище, - потому от тебя, Лукерья, и мужья сбегают! И баба ты видная собой, а они сбегают.

- Вы пришли мне напомнить, что я плохая хозяйка? – усмехнулась я.

- Лишний раз не помешает, авось, исправишься.

- Мой поезд ушел, исправляться поздно.

- Исправляться никогда не поздно, было бы желание. Все в твоих силах.

- Спасибо на добром слове, - склонила я голову в благодарном поклоне.

- Кушайте, не обляпайтесь, - она поморщилась и приложила руку к голове.

- Болит? – с участием спросила я.

- Иногда.

- И кто вас огрел?

- Тебе какое дело! - зло обронила Ризванюк.

- Так вы все помните?

- Помню, а ты думала, что я овощем стала?! Не дождетесь!

- А мы и не ждем, все желают вам здоровья.

- Ой, только не надо...

Продолжать добрая тетенька не стала, что ей было не свойственно – она предпочитала договаривать мысль до конца, чтобы не оставлять сомнений у собеседника в своем «хорошем» к нему расположении, и оставлять последнее слово за собой.

- А почему вы скрываете это? Боитесь, что он вернется и закончит незавершенное дело? – решила я на вопрос, потому что не рассталась с догадкой, что меня это тоже касается.

- Тебя это удивляет? Думаешь, вот старуха дает, давно пора переселяться в загробный мир, а она всё за жизнь хватается?

- Ничего я не думаю, - передернула я плечами, - в любом возрасте надо ценить жизнь.

- То-то и оно – ценить!.. И ты цени, - выдержав паузу, высказалась Марта.

- Это вы на что намекаете? Мне грозит опасность?

- Не думаю, что эта история будет иметь трагический конец, - «успокоила» она меня.

- А подробнее?

- Подробнее не получится... Но я не за этим к тебе пришла... Сто лет ты была бы мне нужна, если бы не обстоятельства.

- И снова обстоятельства вмешались, - сквозь зубы процедила я. – Что вам нужно? Выкладывайте и...

- Ты мне не указывай, что делать! – возмутилась Ризванюк. – Сейчас развернусь и уйду, а ты гадай, зачем я приходила?

- Марта Архиповна, давайте не будем ходить кругами. У меня и без того в последнее время не жизнь, а игры в прятки, так что выкла... Рассказывайте, что вас ко мне привело, – миролюбиво попросила я.

- Начну с начала, как и обещала... В больнице мне порекомендовали сиделку. Зовут ее Нонна Григорьевна. Положительная во всех отношениях женщина, хотя, и устрашающего вида. Но душа у нее предобрейшая.

Впервые я слышала, чтобы Мирка заливалась соловьем, рассказывая о постороннем человеке.

- Она обожает обо всех заботиться, - между тем продолжала вещать моя соседка, - весь день суетиться, суетиться. Я ею не нарадуюсь, а мне, ты знаешь, угодить не просто.

Я согласно кивнула. Мое нетерпение давно достигла максимальных значений, но я держала себя в руках. Надеялась, что после характеристики Нонны Григорьевна – сиделки и телохранителя в одном лице - рано или поздно последует информация, которая меня заинтересует.

- Представляешь, Лукерья, она каждый день, утром и вечером, выходит во двор, чтобы накормить бродячих кошек!

- Не представляю! – поерничала я. - Неужели такие сердобольные люди еще не перевелись на земле русской?!

- Зря ты так, - насупилась Ризванюк, - я к тебе со всей душой, а ты...

Она ко мне со всей душой!.. Я сей же час без чувств паду стрелой ее любви пронзенная, - мысленно продолжала я издеваться над злыдней Миркой. Но милая улыбка не сходила с моих уст, впрочем, как всегда при встрече с ней в прежние времена, когда она еще не изображала из себя больную с амнезией.

- Сейчас развернусь и уйду! – вновь пригрозила мне Марта Архиповна, но с места не сдвинулась.

- Я молчу, - неуверенно пробормотала я и прикрыла рот ладонью.

- Вот и молчи!.. На чем я остановилась?

Я слегка повернула ладонь, будто приоткрыла дверь, и придушенным шепотом сообщила:

- Нонна Григорьевна кормит бродячих кошек.

Вид у меня при этом был многозначительный, словно данная гражданка ведет паразитический образ жизни в условиях развитого социализма.

- Да, кормит! – с вызовом произнесла Ризванюк, явно намекая, что я являюсь противницей подобных акций. Не дождавшись приглашения, она уселась на кресло, в котором я провела ночь, и продолжила свой интригующий рассказ. – Как-то вечером эта благородная женщина вышла на улицу и по обыкновению стала кормить кошечек, которые за неделю успели привыкнуть к режиму. Я ее предупредила, чтобы она не делала это вблизи дома, чтобы не вызывать неудовольствия соседей. Не всем это нравится. Нонна накормила животных и решила немного прогуляться по двору. Проходя мимо соседнего дома, она услышала тихое поскуливание. Подумала, что в подвале дома находится щенок, который не может выбраться наружу. Нонна просунула голову в подвальное окошко, попыталась рассмотреть, но никого не увидела. И фонариком светила, и звала, никто не отозвался. Но скулеж прекратился. Женщина решила во что бы то ни стало вызволить псину. Она у меня бойкая и упорная, если что надумала, то сделает. Нашла ключ от подвала и без опаски шагнула в это ужасное место.

- Чем же оно ужасное? – заинтересовалась я. И зачем спросила?! Стой и помалкивай. Не перебивай, пусть быстро все выложит и идет восвояси. Мне показалось, что я начала догадываться, зачем пришла Мирка? А пришла она, чтобы дать понять, какой прекрасный человек о ней заботится. И совершенно посторонний – знает она эту Нонну без году неделя! А некоторые соседи, выдающие себя за близких друзей, или просто соседи, даже не подумали, что она, Марта Ризванюк, нуждается в помощи после такого страшного нападения.

- А то ты не знаешь, как работают наши управляющие компании?! Трубы в подвале гнилые, сырость, грязь, крысы.

- Глупости все это! Была я в нашем подвале. Все трубы новые, ничего не течет, ничем не пахнет, можно заселяться! – встала я на защиту местного ЖКХ. – Но сейчас не об этом.

- Не об этом! Ты меня постоянно перебиваешь!

Я не проронила ни звука, лишь привычно прикрыла рот ладонью.

- И как ты думаешь, кого Нонна нашла в подвале?

Пришлось приоткрыть «дверь».

- Щенка добермана... Нет... Маленького волчонка.
- Да, действительно, маленького волчонка. Только ходит этот волчонок на двух ногах и умеет разговаривать. Но всё больше молчит и плачет. Испугался чего-то и залез в подвальное окно. Если бы не Нонна, боюсь подумать, что с ним могло случиться.
- Это м... мальчик? – разволновалась я.
- Мальчик. Глебом кличут.
- Где он?!
- погоди, Лукерья! Сядь и успокойся.
- Как я могу быть спокойна, если отец этого мальчика скоро себе инфаркт заработает! Я сейчас поверю, он ли это, а потом позвоню его отцу.
- Он это, он. Зовут Глеб. Фамилия Кандинский. Эту информацию мы из него с трудом вытащили.
- Почему в полицию не сообщили?
- Он очень просил никому не звонить. Он так плакал, так умолял, что мы с Нонной решили переждать. Пусть успокоится, придет в себя, расскажет нам, что с ним случилось, а уж потом мы позвоним... Одежда на нем хорошая, сразу видно, что из состоятельной семьи... Все время Глеб молчал, почти ничего не ел. Только сидел и в окно смотрел. Иной раз вздрагивал и сразу уходил. Я не удержалась, подошла к окну. Вижу, ты едешь по двору. Спросила, знаком ли он с тобой? Ответил, что нет, но я ему не поверила. А он опять закрылся в себе. Хотела я к тебе зайти и обо всем рассказать, но он словно догадался: посмотрел на меня полными глазами слез, я и отложила свой поход к тебе.
- Марта Архиповна... - начала я, но она меня резко осадила.
- Ты меня не учи жизни, проживи столько лет, испытай то, что я испытала на своей шкуре, тогда учи. Жаль, не доживу до этого времени.
- Я не имею права вас учить, но вы поймите, у бабушки Глеба гипертонический криз, отец с ума сходит.
- А ты?
- Я только вчера обо всем узнала, всю ночь не спала, все думала, где его искать?.. А он оказывается, был совсем близко... А почему вы меня об этом спросили, - опомнилась я.
- Хотела узнать, как ты к нему относишься? Беспокоит ли тебя его исчезновение?
- Узнали и что это дает?
- Ты – ключевая фигура в этой истории!
- Так уж и ключевая?!
- Слушай сюда... Мы рано встаем. Сели с Нонной завтракать, а тут и Глебушка появился. Поздоровался, все честь по чести, и стал уплетать блины. Нонна на блины большая мастерица. Мы удивились, переглянулись, одновременно подумали, что обида мальчика отпустила. Не могли сообразить, как к нему подступить, чтобы он снова не закрылся. А он сам завел разговор. Спрашивает у меня: «Если мужчина целует женщине руку это что значит? Он ее любит?» Вопрос застал меня врасплох, ничего подобного я не ожидала. «Почему сразу любит, - говорю я, - может, он хорошо воспитан и приветствует женщину или благодарит ее за что-то». И тут вмешалась прямолинейная Нонна: «Когда любят, одним лобызанием руки не ограничиваются». Его слова успокоили мальчика. Я решила спросить: «А кто эта женщина?» - «Это Лукерья Поликарповна, мой педагог по вокалу».
- «Ты хорошо поешь?» - «Лукерья Поликарповна говорит, что у меня большое будущее, только нельзя лениться, а я иногда ленюсь». - «Она тебя обидела?» - «Нет, она очень хорошая! Я бы хотел, чтобы она была моей мамой»... Несчастное дитя...
- Его мать умерла, когда ему было два года.
- Я так и поняла. И как теперь быть? Нонна заняла его делом – попросила вымыть посуду, а я выскользнула к тебе.
- Надо звонить отцу. Пусть приезжает.
- А он не будет его наказывать? - растревожилась Мирка.
- Он его любит до безумия, только бизнес много времени занимает.

- Так всегда и бывает... А как ты поступишь?

- Я... не люблю его отца, - призналась я. – Мы не можем соединиться ради мальчика. Неискренность в отношениях будет заметна ребенку, который ждет от нас совсем другого. Он мечтает о настоящей дружной семье.

- И ты не можешь принести себя в жертву.

- Не могу.

- И как поступить? – снова задалась Марта Архиповна вопросом.

- Не знаю... Лучше все и сразу объяснить, чтобы не было иллюзий.

- Тебе, Лукерья, лучше не вмешиваться. Отец с сыном быстрее найдут общий язык. Поговорят по-мужски.

- Почему-то мне кажется, что его родитель переложит объяснение на мои хрупкие плечи. Накануне он заявил, что у меня с его сыном прямо-таки космическая связь.

- Уходит от ответственности. Пора бы ему понять, что бизнес бизнесом, а дети это самое дорогое. Вот мне Бог не дал такого счастья... Чего ты рвешь? – спросила соседка, заметив, как слезы закапали с моего подбородка прямо на футболку.

- Напряжение ночи стало отступать, расслабилась, - хлюпнула я носом. – Сейчас позвоню старшему Кандинскому, успокоюсь, и пойдем к вам...

Глеб подбежал ко мне, обхватил за талию и заплакал. Я гладила его по голове и едва сдерживала собственные эмоции.

- Извините меня, Лукерья Поликарповна, я не должен был так поступать.

- Ты извиняйся перед отцом и бабушкой.

- Папа очень на меня зол?

- Он не зол, он сильно переволновался.

- Мы с Нонной Григорьевной все обсудили, - он повернул голову в сторону сиделки Ризванюк, которая с умилением на него поглядывала.

Женщина, действительно, была похожа на телохранителя, вышедшего на заслуженный отдых по выслуге лет. Только лицо было добрым, подвижным, а не «высеченным из камня».

- Спасибо, - пошевелила я губами, обращаясь к ней.

- Мне-то за что, - развела она руками, - он мальчик умный, сам дошел до мысли, что люди вправе самостоятельно решать, кто кому подходит, без участия третьих лиц.

- И мужчина не может жить один, - дополнил Глеб. – Он и ребенок это не полная семья, даже если оба любят друг друга. Для полного счастья нужен третий... И нужны еще дети, чтобы я... чтобы я не вырос эгоистом.

Почему простые фразы чужого человека до нас доходят быстрее? – подумала я, прижимая к себе мальчика. – Сколько бы убил времени на это втолковывание его отец? И почти уверена – Глеб не захотел бы его выслушать до конца. Он бы сразу встал в позу: отец хочет разделить свою любовь, которая предназначалась только сыну, на несколько частей. А Нонну он выслушал и все понял с первого раза.

Мои размышления были прерваны приходом Аркадия Кандинского.

Я тихо удалилась...

Сегодня же пойду к Жорке в больницу и скажу, что между нами ничего не может быть. Пусть не тешит себя надеждой. Пострадает и забудет. Найдет себе другую! – решила я.

Собралась влить в себя очередную дозу кофе, но дошла до дивана и растянулась на нем. Последней мыслью было острое желание намять бока любому, кто сунется ко мне и прервет мой сон...

Мой отпуск подходил к концу. До выхода на работу оставалось два дня.

Месяц пролетел незаметно. Выяснить мне ничего не удалось. И желание выяснять испарилось. Никто из моих «соратников» меня не тревожил, я медленно подводила себя к черте, за которой начинается обычная однообразная жизнь, которая теперь не казалось надоевшей. Я сама выбрала этот путь и буду по нему идти. Хотелось легкой встряски, я

ее получила. И не нужно было себя накручивать, выдумывать игру в «ку-ку», приведшую к депрессии. А рассчитывала совсем на другой исход.

Один мужчина ошибся адресом, соседка получила удар по голове от своего невоздержанного «клиента», письмо это всего лишь розыгрыш, на Жорку напали любители легкой наживы. Конечно, ножевое ранение это дело серьезное, не всякий пойдет на подобное преступление, чтобы завладеть чужим имуществом, но мало ли садистов на свете, которым нравится сам процесс истязаний над другими людьми.

Два дня.

Это так много и так мало.

Хорошо, что между мной и Глебом не осталось недомолвок. Он мне звонил и снова просил прощения. Я тоже перед ним извинилась, будто наступило прощенное воскресенье, когда все друг перед другом извиняются. Заодно позвонила родителям, чтобы успокоить их, что у меня все в порядке, скоро жизнь войдет в привычную колею.

Один день ушел на приготовление к походу в театр, куда меня пригласил Петров. Вечер прошел замечательно, расстались мы на пороге моей квартиры, потому что у меня пропало желание приглашать его к себе. Во мне, вообще, исчезли все желания. Я была зомбированной женщиной без чувств и эмоций.

Нет, вру, одно чувство все же появилось. И это было чувство раздражения.

Руслан начал меня бесить. Его взгляд, который я считала неподражаемым, меня выводил из себя своей многозначительностью, не поддающейся расшифровке. О любви он больше не твердил, но давал понять страстными посылами, что отношение ко мне не изменилось, напротив, любовь овладела им полностью, ни о ком другом и ни о чем постороннем он даже думать не может. Наверное, решил, что слова для меня ничего не значат, нужны «выкаблучивания».

Он напоминал мне актера из немого кинофильма. Лучше бы из индийской мелодрамы: заголосил бы и станцевал, жестами выражая свое ко мне отношение. И меня бы развеселил и подчеркнул свою неординарность.

Спрашивается, зачем согласилась на поход в театр? Чтобы время убить?

- Я завтра позвоню? – с придыханием спросил Петров, зажимая меня в подъезде.

А это уже пахнет дешевым водевилем!

- Позвони, - согласно кивнула я и выскользнула из его объятий.

Почему я такая безвольная?! Если Руслан мне не нужен, то возьми и скажи ему об этом!.. И Жорке скажи! А еще обещание давала!

- Боишься остаться одна? – спросила я у себя, стоя перед зеркалом в прихожей и снимая пальто.

- Боюсь, - ответило мне мое отражение и скривило губы.

Недолго думая, я позвонила Митьке, боясь, что в последний момент передумаю.

- Привет! – бодрым голосом сказала я, - как дела?

- Лучок! – радостно протянул он, - как же я тебя обожаю!

- Чего-о-о?

- Обожаю, говорю! – закричал он, словно была плохая связь. – А ты?

- Я тоже, - сдержанно произнесла я.

- Что-то случилось?

- Много чего, но тебя грузить я не собираюсь. Зачем? У тебя своих проблем достаточно. Надо к свадьбе готовиться.

- К свадьбе? А, ну, да, к свадьбе.

- Не слышу радости в твоём голосе. Или за эти дни что-то изменилось?

- А тебе бы этого очень хотелось! – развеселился Жаворонков.

Его веселья я не разделяла. Мне хотелось рыдать, причем на его груди, размазывая тушь и помаду на его светлой рубашке.

- Вовсе нет, - излишне бравурно заявила я. – Надежда Климанова – подходящая кандидатура для такого мужчины, как ты.

- Для какого? – хитрым голосом спросил Митька.
- Сам знаешь, не раз от меня слышал оды в свою честь!
- Давно не слышал, успел забыть.
- Отлично! Пусть теперь другая женщина тебя восхваляет.
- Ревнуешь? – подобрался он.
- С чего бы МНЕ ТЕБЯ ревновать?! Ревнуют, когда любят!
- А ты?
- Я не люблю, я себе все придумала!
- Запомнила! Надо же...
- На память не жалеюсь.
- А как идут дела с расследованием?
- Ха! Вспомнил! Может, меня давно уже прибили и закопали в ближайшем лесу!
- Ну, не закопали же, - небрежно бросил Жаворонков.
- У меня все хорошо! Чего и вам желаю! – ядовитым голосом изрекла я и отключилась.

Он не перезвонил.

А зачем? Зачем загружать себя чужими проблемами?

Почему я всегда считала, что его волнуют мои дела? Он просто предоставлял мне право высказаться, а я принимала это за внимание, за понимание, за сдержанное участие. Он убивал со мной время от скуки, от одиночества, когда уставал от однообразия. Почти как я. Оказывается, между нами есть что-то общее. А я всегда считала себя взбалмошной хохотушкой, а его – олицетворением сдержанности и ума. Это не сдержанность, это холодность и безразличие. Когда я ему наскучила, он сказал, что решил жениться. Я не дура, я обо всем догадалась, услышав от него подтверждение о якобы предстоящей свадьбе, о которой он успешно забыл.

Вот я, например, только о предстоящих трех свадьбах и думала, причем каждая последующая не убавляла положительных эмоций. Мужчина иначе относится к предстоящему бракосочетанию, тем более, когда это происходит не в первый раз, но в его словах не может проскальзывать забывчивое пренебрежение. Силком в брак Митьку не впрягают, он сам вправе решать, на ком жениться, и жениться ли вообще...

Одна его неосторожно брошенная фраза разрушила идеал, который я создала за многие годы нашего общения.

Почти, как в случае с Глебом Кандинским, который увидел меня и Фрола Матвеева. Но то ребенок, а я - взрослая женщина. Прожитые почти тридцать шесть лет меня ничему не научили.

А может быть, это даже лучше. Иногда надо быть не слишком рассудительной, чуть взбалмошной, чуть хохотушкой, не чрезмерно требовательной к себе и тем более к другим, к моей профессии это не относится. Нельзя быть всю жизнь здравомыслящей особой, контролирующей каждое свое слово. Возникает вопрос: бывает ли она живым человеком, действующим без оглядки? Или прежде чем что-то сделать или что-то сказать, она будет «семь раз отмерять»? Это так скучно...

А мне-то как весело, - со слезами на глазах подумала я. - Как сердце жмет... И душа выворачивается наизнанку.

- Поплачь, Лукерья, поплачь, - уговаривала я себя, не отходя от зеркала, - легче станет... Как обидно вновь убедиться, что я совершенно не разбираюсь в людях. Я придумываю их, ставлю вымышленный образ впереди, закрывая истинное лицо. И кто в этом виноват? Только я. И что делать? Жить дальше...

С утра в окно неожиданно забарабанили крупные капли дождя и разбудили меня. В последний день отпуска мне не дают поспать до полудня! Перевернулась на другой бок, чтобы полюбоваться непогодой и с удивлением увидела яркое январское солнце. Меня охватил интерес. Я подошла к окну, чтобы разобраться в причине постукивания, которое на время притихло.

Перед домом стоял мужчина. Он держал в руках огромную связку разноцветных шаров, склонив голову и высматривая под ногами подходящий предмет, способный «постучать» в окно и привлечь мое внимание. Я сразу догадалась, кто это, но решила подождать, когда он поднимет голову и увидит меня.

Поднял, увидел и расцвел в улыбке. И сразу выпустил из руки шары. Они пролетели мимо моего окна и устремились ввысь. Я стояла и провожала их взглядом, забыв о мужчине.

Когда вспомнила, то его уже не было.

Я успокоилась: общаться с ним у меня не было желания.

Но не тут-то было! Раздался звонок в дверь. Прямо в пижаме я направилась в прихожую. Открыла дверь, высунула всклокоченную голову и недружелюбным тоном сказала:

- Ничего умнее ты не мог придумать?

- Доброе утро, красавица! – не обратив внимания на мой «доброжелательный» настрой, радостно воскликнул Петров. – Извини, что разбудил тебя, но иначе поступить не мог.

- Сегодня первое мая и пора на демонстрацию трудящихся?! – съязвила я, подавив отчаянный зев.

- Можно мне зайти?

- Нельзя! Я еще сплю!

- Ты не спишь, ты проснулась.

- Благодаря твоим стараниям, - недовольно пробурчала я, несмотря на то, что камень с души медленно начал сползать в неизвестном направлении. Внутри поселилась детская беззаботность.

- У меня есть предложение, от которого ты не имеешь права отказаться!

- Все-таки, надо идти на демонстрацию, - вздохнула я обреченно.

- Меня радует твой игривый настрой.

- И что дальше?

- Дальше ты одеваешься, приводишь себя в порядок, и мы едем за город.

- В тот ресторан?

- Нет, сегодня у одного моего хорошего друга день рождения. Я хочу познакомить тебя с ним.

- Мы оба приглашены или это будет экспромт?

- Я все уши прожужжал своим друзьям о тебе. Все мечтают с тобой познакомиться.

- Прямо так с утра?

- А почему нет? Быстро собирайся, нас уже ждут. Я буду в машине!

С этими слова Руслан скатился с лестницы, чтобы я не стала возражать.

Почему бы мне не поехать? Никто меня не съест.

Я быстро собралась, открыла дверь, но замешкалась. Достала из сумки мобильный телефон и позвонила Ивану Родионову.

- Ваня, привет! У меня к тебе последняя просьба...

- Почему последняя? – удивился он.

- Потому что я заканчиваю свою розыскную деятельность, несмотря на то, что мы не добились положительных результатов. Завтра выхожу на работу и забываю обо всем!

- И что ты хочешь... напоследок? – с некоторой обидой поинтересовался Родионов.

- Хочу, чтобы ты навел справки о Руслане Автандиловиче Петрове, жителе города Заболоченска. Сразу говорю: я о нем почти ничего не знаю, кроме имени, фамилии и отчества.

- Лукерья, тебе ничего не угрожает?

- Ни-че-го! Это я так, на всякий пожарный случай.

- Это правда?

- А ты хотел услышать: если со мной что-то случится, то прошу винить гражданина такого-то?

- Голос у тебя... подозрительный... Может, я подъеду?

- Я уже убегаю.
- На встречу с этим Петровым?
- Мы едем за город на день рождения его приятеля. И не волнуйся! Руслан от меня без ума.
- Погоди ехать! Навести о нем справки это дело нескольких минут... Ну, полчаса, не больше...
- Пока, пока...

Глава тринадцатая *Расстановка по местам*

Поездка по городу заняла не менее полутора часов из-за «пробок». Наконец, мы вырвались на свободу. Петров безумолку трепался, чего за ним в последнее время не наблюдалось, я отвечала невпопад, по привычке пребывая в собственных мыслях.

Пустота – это то, что характеризует мое нынешнее состояние. Такое бывает с людьми, выполнившими сложную задачу, оставившую их без сил и каких-либо желаний, кроме одного – проспать сутки.

Намеченные планы я не выполнила, но спать хотелось ужасно, словно я бодрствовала целый месяц. Откровенно зевать я не могла, поэтому делала это украдкой, пряча половину лица в высоком вороте свитера. А кисти рук засунула под мышки. Руслан несколько раз успел спросить, не замерзла ли я? Я лишь отрицательно покачала головой.

О чем я думала, что меня убаюкивало? Убаюкивал монотонный голос мужчины. Думала обо всех: о Митьке Жаворонкове, об Иване Родионове и его сынишке, о дружной чете Родыгиных, о старшем Алиферуке, о Марте Ризванюк. О незнакомце, мимо которого мы сейчас проехали. Он поднял капот своего автомобиля и с удивлением изучал внутренности. Мне хотелось предложить ему помощь, но в данных вопросах я была полным профаном.

Очень хотелось выйти, стать с этим горе-механиком рядом и также, как он, восторженно-удивленно изучать «органы» автомобиля, притаившиеся под капотом. И чуманеть от своей глупости, которой не стыдишься.

Если бы я была водителем, то не промчалась бы мимо, а Петров даже не взглянул в сторону человека на обочине. Безразличный. Или так занят мною, что никого вокруг не замечает.

Я прислушалась к себе. Мне было без разницы, какой он: добрый или злой, заботливый или отстраненный. Потому что он был и остался мне чужим человеком, с которым меня случайно столкнула лбами жизнь. Столкнула и скоро развеет.

Моя глупая страсть не что иное, как желание забыть о прошлых мужчинах, даже не о Митьке, а обо всех, с кем я когда-то была близка. Все они оставили след в моем сердце. А я у них? А я у них, скорее, нет, чем да.

Я не собиралась в лице Петрова мстить всем мужчинам, которые без сожаления расстались со мной. Если бы это был единичный случай, я бы перекинула вину на мужчину. Но это происходит с неприятным постоянством, поэтому вина полностью лежит на мне.

Почему так происходит?

Наверное, я слишком независима. Стараюсь делать все правильно, выполнять неписаные законы брака, но придерживаю в узде свои чувства, считая их проявление чуть ли не унижением. Или боюсь взамен всплеска любви получить неодобрительный взгляд, намекающий на несвоевременность. А какая может быть своевременность, если один человек любит другого?!

Или никто из них меня не любил?

Вот взять Жорку Волкова. Он приложил все силы, чтобы отыскать меня в Заболоченске. А как он на меня смотрел, когда я приходила к нему в больницу! Какие слова говорил! А

я раньше думала, что он косноязычный человек, который свободно изъясняется только на своем непереводаемом диалекте.

Жаль мне Георгия. Я не смогу ответить ему взаимностью. И не потому, что люблю Митьку. Я люблю человека, внешне похожего на него. Но этот человек существует только в моем подсознании. Это собирательный образ из всех моих мужчин, сотканный из их лучших черт.

Я избавлюсь от наваждения. Приложу к этому все силы.

Надеюсь, жизнь преподнесет мне приятный сюрприз. Только мне не нужны сюрпризы, подобные визиту Романова-Родионова.

Я продолжаю жить с надеждой в душе...

Мне на глаза попался указатель – село «Дерябкино». Стрелка показывала направо. По ней мы и свернули.

- Мы едем в «Дерябкино»? – спросила я у Петрова, поражаясь своей очередной глупости. Не выношу, когда ко мне кто-то приходит, я открываю дверь, и гость спрашивает: «Ты дома?» - «Нет! Я не дома, это всего лишь мой двойник!»

- Вы сегодня очень сообразительны, - улыбнулся мужчина своей неподражаемой улыбкой, не вызвавшей у меня ответной реакции.

Я вновь скрытно зевнула, понаблюдала за важно расхаживающими по паханой земле воронами, одна из которых стояла на одинокой снеговой возвышенности, сохранившейся со времени последнего снегопада, и наблюдала за своими сородичами. Она напомнила мне пастуха, следящего за стадом. Или жоака, который готовился произнести важную речь.

Мы миновали лесополосу, вдали появилось село.

- Твой друг здесь постоянно живет? – поинтересовалась я.

- Да, он любит свежий воздух. А поездка до города много времени не занимает.

- Больше по городу, - усмехнулась я.

- Это точно, - поддержал меня Руслан. – А вот и дом моего приятеля.

Мы подъехали к небольшому домику из белого кирпича под коричневой черепичной крышей с пристроенной верандой. Домишко был похож на гриб-великан, который успешно выдержал нашествие грибников.

Во дворе никто не суетился.

- Нас ждут? - спросила я, удивляясь тишине и отсутствию интереса со стороны хозяев дома.

- Конечно, ждут. Все в доме.

Руслан взял меня под руку, открыл калитку, провел во двор, зычно крикнув при этом:

- Хозяева! Гостей ждете?!

- Ждем, ждем, - послышался из дома мужской голос, но нам никто навстречу не вышел.

Петров сам открыл дверь, пропустил меня и зашел следом.

Поставил меня впереди себя, положив руки мне на плечи. Видимо, приготовился предъявить свою новую знакомую старым друзьям.

Сразу из боковой комнаты вышел хозяин.

Я не упала от неожиданности. Чего-то подобного я ждала.

И даже обрадовалась, что мои надежды оправдались. И что я не ошибалась в своих предположениях.

- О! Кого я вижу? – воспела я с игривой улыбкой на устах. – Романов Арсений Иванович, если я не ошибаюсь?

- Рад, что я в тебе не ошибся, Маша! – ухмыльнулся он, растянув до ушей свой и без того большой рот.

- Я не Маша, Я Луша. Лукерья, - запротиворечила я, как в нашу первую с ним встречу.

- Теперь я уже знаю, что ты Лукерья. А тот день, представляешь, ошибся, - пожаловался он. – Услышал, как дворовые сплетницы тебе кости перемывали, называя Лушей, а мне послышалось, что Машей.

- Так я пойду, - вмешался в наш разговор Петров, больно сжимая своими костяшками мои плечи.
 - Иди, дорогой, ты свою работу выполнил. Молодец! Ты пока отсидись где-нибудь, мало ли что.
 - Меня с ней никто не видел.
 - А как тебя зовут на самом деле? – спросила я, выворачивая в его сторону голову.
 - Тебя это не касается, - скривился он. Притворно-влюбленный взгляд исчез вместе с очарованием.
 - Значит, ты не Руслан Автандилович Петров? Жаль... Именно, это привлекло меня к тебе.
 - Я не идиот, чтобы называться настоящим именем.
 - У нас уже есть один идиот, - криво ухмыльнулся Романов.
 - Я не идиот! – услышала я знакомый голос. Из той же комнаты, из которой появился хозяин, теперь вышел мой старый знакомый Федор. Он крутил в руках нож. От одного взгляда на лезвие этого ножа, у меня подкосились ноги, но я быстро совладала с ненужными чувствами.
 - Привет, дорогая, - прищурившись, сказал он.
 - Привет, дорогой.
- Петров посчитал свою миссию выполненной, и, не прощаясь, покинул наше общество. Его место за моей спиной занял Федька.
- Ты проходи, не стесняйся, - приветливо пригласил меня Арсений Иванович, - а ты, Федор, ножичек свой убери. Нечего им размахивать, не ровен час, девочку нашу зацепишь. И заberi у нее сумку. Найди в ней телефон и отключи его.
- Я не заметила, куда он сунул нож, но в руках я его не увидела. Потом выполнил приказ Романова. Сражаться за телефон не было смысла.
- Я прошла в комнату и опустилась на предложенный мне стул возле круглого стола, накрытого обычной цветной клеенкой. На столе стояли тарелки с нарезанной колбасой, бужениной, отварным картофелем и солеными огурцами.
- Я не успела позавтракать и теперь не могла отвести глаз от тарелок с едой. От стресса на меня напал «жор», чего раньше никогда не было. В такие моменты я всегда худела, потому что аппетит мигом пропадал.
- Угощайся, - заметив мой интерес, предложил мне хозяин.
- Он рассчитывал, что я откажусь, но я не отказалась.
- Вот нервная система у человека! – восхитился Арсений, обращаясь к своему подельнику, - другая бы на ее месте волком выла, по полу каталась, а она картошечку с колбаской уминает.
 - Чаю не дадите, а то всухомятку есть не могу, - с набитым ртом попросила я.
 - Дадим, чего же дать.
 - А вот мне интересно, - прожевав, спросила я, - почему вы назвались Родионовым?
 - Сам не знаю. Ляпнул, не подумав. Родионова была девичья фамилия моей матери. Она рано померла. Отец нашел себе другую жену.
 - А у новой жены была дочь, звали ее Анфисой. В данный момент Анфиса Герасимовна Коряжкина проживает на улице Димитрова, дом семь, квартира двенадцать. Заботится о своем сводном брате, которому в жизни много пришлось испытать. Так?
 - Оказывается, ты успела многое обо мне узнать, - покачал лысой головой Романов.
- И все-таки, он был лысым. Недаром во сне я обзывала его фантомасом, а потом нарекла Гюльчатай и требовала показать лицо и лысую голову. А он обиделся и исчез. После этого появился Жорка Волков...
- Я исподтишка посмотрела в окно. Улица была пустынной, ни один автомобиль по ней не проехал, ни один житель деревни не прошел мимо, будто все вымерли.
- А Жорка лежит себе на больничной кровати и не догадывается, в какой переплет попала его возлюбленная.
- Чего пригорюнилась, красавица? – напомнил о себе хозяин.

- Я не пригорюнилась, я ем, - бодро проговорила я и отхлебнула чай, услужливо приготовленный моим старым приятелем. – Почему без сахара? – с вызовом спросила я.

Федька двинул в мою сторону сахарницу. Я положила в чашку две ложки песка, хотя, никогда раньше такой сладкий чай не пила.

- А лимона нет? – вертя головой, поинтересовалась я.

Мой юный друг автоматически проделал тоже самое, будто в этой комнате рос раскидистый лимонный куст с многочисленными плодами.

- Нет, - сквозь зубы процедил он и шепотом добавил, - не зарывайся.

Я согласно кивнула: то ли согласилась пить чай без цитруса, то ли последовала пожеланию.

Романов наблюдал за мной с умильной улыбкой. Я старалась в его сторону не смотреть, сосредоточившись на еде.

Я поглощала пищу, не ощущая её вкуса. Мысленно уговаривала себя не выказывать своего щенячьего испуга, от которого хотелось скулить и прятаться под кроватью.

Итак, что мы имеем? А мы имеем «человека с лисой». Согласно гаданию, это Петров, не знаю его настоящей фамилии. Что дальше? Дальше начнутся испытания, вернее, они уже давно начались. И я эти испытания пройду с честью. А поможет мне в этом, опять же согласно гаданию на кофейной гуще, спаситель, он же «человек с кошкой». Кажется, все стало на свои места.

Тут главное что? Убедить себя, что у меня все получится!

Вера в гадание прибавила мне сил. Самовнушение – великая сила! Я допила чай и попросила еще.

Медленно цедила вторую чашку и старалась не смотреть на мужчин.

- Арсен, по-моему она над нами издевается, - разлился Федька. Он сидел за столом, как прилежный ученик. Только в отличие от прилежного ученика, уложившего локти на столешницу и замершего в неподвижной позе, этот парень выбивал пальцами левой руки барабанную дробь. У него были явные проблемы с нервной системой. С таким лучше не шутить. Остается надеяться на защиту Арсения Ивановича, прозванного в узких кругах Арсеном.

- Как ты со старшими разговариваешь, - осудительно промолвила я, обращаясь к «старому приятелю», - он тебе в отцы годится!

У меня по обыкновению отказали тормоза. Но Романов не рассердился, даже развеселился и осадил своего «отпрыска».

- Остынь, Федя, пусть девочка поговорит. Глядишь, и скажет что-то путное.

- А что бы вы хотели от меня услышать?

- Хотели бы услышать честный ответ на простой вопрос. Но не думаю, что этогождемся.

- А если вы ошибаетесь?

- Не ошибаюсь, успел тебя хорошо изучить за это время. За напускной простушкой-хохотушкой прячется умная хитрая бестия.

- А что же так изучали, что имена перепутали?!

- Промашка вышла, с кем не бывает... - скороговоркой проговорил хозяин и посмотрел на наручные часы.

- Не буду вам докучать. Спасибо за хлеб, за соль, мне пора, – с этими слова я выбралась из-за стола и направилась к выходу.

Федька преградил мне путь. В его руках опять появился ужасающего вида тесак. Будто вырос из правой руки.

Я попятилась назад и бухнулась на стул. Парень подошел ко мне вплотную, поставил на мой стул ногу, пригнулся и сказал.

- Сиди и не рыпайся, дорогая!

- Не этим ли ножом ранили моего хорошего друга? – справившись с дыханием, спросила я и резко столкнула своей попой ногу Федора, отчего он едва не свалился на пол. Думала, что сейчас начнет осыпаться меня угрозами, но он скис под грозным взглядом главаря.

- Мы не хотели, чтобы он мешался под ногами. Хотели бы убить, убили, не сомневайся. Для Федора это раз плюнуть. За свою недолгую жизнь многому мальчик научился, успел побывать в разных местах, где нас и свела судьба. Я ему вместо отца. Уму-разуму учу.

- У вас это здорово получается, - скептически заметила я.

- Ты не дерзи, - ласковым голосом посоветовал наставник, - а то Федор начинает заводиться.

Федька зыркнул в мою сторону и вернулся на свое место за столом. Теперь он вальяжно откинулся на спинку стула и занялся удалением грязи из-под ногтей, применив для этого острие своего ножа.

Съеденная пища неожиданно запросилась у меня наружу. Я быстро отвела взгляд от парня.

- И как чувствует себя твой друг? Надеюсь, идет на поправку? - поинтересовался Романов светским голосом, не обращая внимания на своего подопечного.

- Ему стало хуже, - солгала я. Схватила чашку с недопитым чаем и сделала большой глоток, едва не поперхнувшись крупными чайниками, попавшими в горло. С трудом пришлось их проглотить.

Если по правде, то Жорка давно рвался домой, я с трудом уговорила его лечащего врача поддержать его еще пару дней, пока я не выйду на работу. Уговор представлял собой бутылку хорошего виски.

Можно подумать, работа сыграет роль защитного щита?! Но, по крайней мере, я буду рано уходить и поздно возвращаться. И опять я прячу голову в песок, ухажу от объяснений, надеюсь непонятно на что. С глаз долой из сердца вон? Мы это уже проходили. И чего добились? Того, что Митька решил сочетаться браком с женщиной, которую не видел несколько месяцев. Значит, любил, не мог ее забыть. И это опровергает теорию о связи мелькания перед глазами и высоким светлым чувством.

- Ничего, выкарабкается, он парень крепкий. Но доверчивый. Нельзя в наше время быть таким наивным, - осудительно промямлил Романов. - Вот ты, молодец! Сразу потребовала показать паспорт. Признаться, я к этому был не готов. Не всякая девица, получив печальное известие, будет думать о таких мелочах. Твой внешний вид обманчив. Глянешь бегло - девица с приветом, а присмотришься - умна и хитра! Ох, умна!

- Вы уже это говорили, - не сдержалась я от замечания. Его комплимент действовал мне на нервы.

Но постаралась улыбнуться, чтобы доказать - его похвала мне льстит.

- А зачем вы ко мне приходили? – беспристрастным голосом спросила я, делая вид, что это последнее, что меня может интересовать.

- Хотел обстановку в твоей квартире оценить.

- А-а-а, все-таки я была права – вы домушник! – восторженно изрекла я.

- Я? – удивился мужчина, глядя на меня честными глазами. – Не разочаровывай меня! Сама сообразила, что не домушник... Мы на такие мелочи не размениваемся.

- Это правильно, - похвалила я, пропустив мимо ушей грозящее мною разочарование. – Я вам в тот день намекала: надо идти к ювелиру Григорьеву, а вы меня не послушали.

- Ты меня не поняла, девочка? Мы воруем по-крупному.

- Это как?

- Могу рассказать, если тебя это интересует.

- Расскажите! – с притворным интересом попросила я, оттягивая момент перехода к главному.

- Рассказать? Ну, ладно... Много лет назад я был простым советским человеком. Работал режиссером в театре и мечтал о вилле в Монако. Почему, именно, в Монако, сам не знаю.

В ту пору мы мало что знали о жизни на Западе. Нам втолковывали, что капитализм загнивает, социализм это самое лучшее, о чем может мечтать человек. А мне хотелось не только одним глазком взглянуть на загнивающий капитализм, но и обосноваться в нем. А для этого нужен первоначальный капитал и не малый.

- Одни мечтают о белых штанах и Рио-де-Жанейро, другие - о баснословных деньгах, чтобы спустить их в казино княжества Монако, - выдала я.

- О казино я в те времена не думал, мечтал о вилле на Лазурном берегу.

- И что предприняли для осуществления своей заветной мечты?

- Все началась с того, что вместо капитализма неожиданно прогнул социализм. На смену диктатуре пришла демократия. В начале девяностых начались выборы депутатов в местные Советы. Один мой хороший знакомый пригласил меня стать его доверенным лицом. Он всегда считал, что я могу уговорить кого угодно и на что угодно. Как-то раз я выступал в Доме культуры одного завода, агитировал за своего кандидата. В зале присутствовали люди, которым моя речь пришлось по вкусу своей горячей убедительностью и отсутствием избитых фраз. Зал внимательно внимал моей говорильне, не выражая недовольства. После выступления ко мне подошел один человек и предложил сотрудничество. Я сразу заявил, что не могу предать своего близкого друга. Он предложил отложить разговор до окончания выборов, но намекнул, чем мне придется заниматься. Я понял - мой час настал. Он и еще несколько человек, которых я в глаза не видел, создали финансовую пирамиду. Я стал во главе этой пирамиды. Оказалось, что у меня, действительно, есть талант к убеждениям. Мне верили и несли свои деньги. Я стал богат. Очень богат. А потом мой наниматель исчез, а я стал козлом отпущения. Мне дали немалый срок. Я пытался бежать. Мне увеличили срок. Я снова пытался бежать...

- Вам снова увеличили срок, - догадалась я.

- Я так быстро привык к роскошной жизни, и не мог существовать в тех жутких условиях. Но я не сломался, меня никто не унижал. Было мерзко находиться в этих вонючих помещениях, среди вонючих людей. Не мог спать на вонючих матрасах. Я медленно сходил с ума. Побег давал мне порцию воздуха, проветривал мои мозги, придавал сил.

- Но срок прибавлялся. Не легче было сжать зубы и дожидаться амнистии?

- Я не мог, - просто пояснил Романов. - Потом освободился. Но до дома не доехал, несмотря на то, что там меня ждало одно дельце. По дороге познакомился с одним человеком, который несколько часов забивал мне голову разной ерундой. Возможно, у него были проблемы с головой, а возможно, он пытался втянуть меня в свою веру. И тут у меня родилась гениальная идея. Мое дело можно на время отложить, вместе с этим придурком, свято верующим в своего Бога, можно образовать секту. Призывать граждан к присоединению, к отрешению от земных благ, которые перейдут в мою собственность. Методом убеждения я воздействовал на умы несчастных людей. Жаль, не успел вовремя остановиться. Запоздал с побегом, и меня задержали в аэропорту.

- И снова дали срок. И вы снова бежали.

- Срок дали, но я отсидел до звонка до звонка. На этот раз ужасные условия содержания меня не так тяготили.

- Человек ко всему привыкает, - философски заметила я.

- К этому привыкнуть не возможно. Хотя... Отпетые преступники себе другой жизни не представляют.

- Украл, выпил, в тюрьму. Украл, выпил, в тюрьму, - вспомнила я высказывание героя Леонова в фильме «Джентльмены удачи».

- Приблизительно так, - согласился со мной Романов.

- Да, трагическую историю вы мне поведали, - совершенно искренне произнесла я, - но винить надо только себя.

- Себя я винить не собираюсь. Люди сами мне несли свои деньги. Что в первом случае, что во втором. Жаль, что в бытность финансовой пирамиды мне досталась только малая

толика того, что поимел мой наниматель и его сотоварищи. Иначе меня в этой стране давно бы не было. Грел бы косточки на Лазурном берегу.

- Я не я, и хата не моя, - осудительным тоном заявила я. - Что за привычка перекаладывать вину с больной головы на здоровую?! Еще скажите, что не надо было нести вам деньги! Должна быть голова на плечах!

- Больная голова, умная голова, - пробубнил Романов. – разве я не прав?! Должна быть голова на плечах! А ты разве не знаешь, что если посадить пять золотых в землю, что к утру денежное дерево не вырастет?

- Не вырастет, - кивнула я. – И еще я знаю об одном желании наших граждан - не прикладывая сил значительно увеличить свой капитал. Но речь сейчас не о людях, вручивших вам свои накопления, а о вас. Вы согласились стать орудием в руках нечестных людей, следовательно, тоже несете ответственность.

- А ты бы, принципиальная моя, отказалась бы от такого заманчивого предложения?

- Конечно, отказалась, у меня нет в этом сомнений. И даже не потому, что не обладаю способностью к убеждению, не люблю обманывать людей.

- Это всё высокие слова! Почему же ты, честная и правильная, на чужое добро позарилась?

- Когда я на чужое зарилась? - с трепетом спросила я, догадываясь, что мы медленно перешли к главному.

- Ладно, мы об этом позже поговорим. Всему свое время, – неожиданно успокоил меня Арсений.

Я так обрадовалась, что едва сдержалась от счастливой улыбки и желания расцеловать на прощание своего недавнего оппонента.

Можно подумать, он открыл мне дверь и пожелал счастливого пути!

И, нет бы, промолчать, дожидаться, когда мужчина заговорит о своей жизни после выхода из заключения, но вопрос сам сорвался с языка.

- Я не понимаю, что нас может связывать?

- Ответ прост: ты живешь в квартире, которую я приобрел незадолго до первого ареста для своей сестрицы.

- И вы предлагаете мне съехать?! Не дожидаетесь! Эту квартиру купили родители моего первого мужа своему сыну перед тем, как укатить на историческую Родину. Купили взамен своей трехкомнатной квартиры. Им деньги были нужны, но они не могли оставить сына на улице, поэтому приобрели ему однушку. Когда мы развелись, он оставил эту квартиру мне, а сам перебрался к родителям, - протараторила, как тараторит зубрила горьковского «Буревестника», боясь остановиться и сбиться. Но быстро опомнилась, - а с какой стати я перед вами отчитываюсь?! Неизвестно, кто жил в этой квартире до нас! Еще предъявите им претензию.

- Да, ты права, моя сводная сестра квартиру продала прямо со всей обстановкой. И знаешь, почему? Чтобы на вырученные деньги мне посылки в колонию собирать. И сама несколько раз ко мне приезжала на свидания, чтобы поддержать, вкусно покормить. Она в то время бедствовала, но про меня не забывала. Поэтому я не могу ее винить за отказ от подарка. От меня она утаила продажу квартиры.

Я хотела кое-что сказать про обстановку, но вовремя замолчала. Пока не время. Пусть гражданин Романов высказывается. Но он больше не произнес ни звука. Наверное, мысленно переместился в то время, когда его навещала сестра. Наше молчание разбавлялось скрипом стула, на котором сидел Федор.

Я заметила, что проданная сестрой квартира Арсения мало интересует. Он сделал ударение на обстановке. Прямо взял и выделил окончание фразы – продала со всей обстановкой.

Так, так, так... Что это значит? Романова интересует та мебель, которую я сбавила отцу в гараж. И что в этой мебели такого особенного? Бывший режиссер интересуется

антикварной мебелью? Так-то был не антиквариат, а старая рухлядь. Или это рухлядь только для меня – женщины, ничего в этом не смыслящей?

Вот почему Петров потащил меня на выставку! – догадалась я. – Он хотел меня разговорить. Поместить меня в условия, которые будут способствовать воспоминаниям. Я бы не сдержалась и похвастала: А вот у меня был комод... А вот у меня была тумбочка... И так далее. А мой спутник невзначай обронил бы наводящий вопрос: И куда всё подевалось?.. А туда-то и туда-то. Зачем мне скрывать местонахождение рухляди, удостоенной стать украшением любимого места отдыха моего папули?

А ведь Романов прав. Я бы никогда не стала разговорчивой в присутствии незнакомца, который неожиданно нагрянул ко мне в гости с известием, что он здесь когда-то жил. Ну, жил и жил, что дальше? Ностальгия замучила. Давай продам тебе твою бывшую собственность по завышенной цене. Ах, нет обстановки! Не беда! Я тебе ее верну. Ты спрашиваешь, где она? Не веришь, что она сохранилась? Хочешь сию минуту отправиться в то место, где она находится, чтобы мог своими глазами убедиться в ее целостности и сохранности?

Убедиться, а потом расправиться со свидетелем.

Я бы сразу почувствовала нездоровый интерес не только к невзрачным квадратным метрам, но и к старой мебели...

Попахивает криминалом.

В процессе рассказа Арсения все мои прошлые предположения, родившиеся в последнее время, начали раскладываться по местам. Что-то отбрасываться за ненужностью – мечь человека, которому я нанесла рану в душе, что-то находило подтверждение – этот мужчина затеял со мной игру, сценарий которой написал сам. Помощник у него уже был, после появился еще один – человек с приятной внешностью и гипнотическим взглядом... Гипнотическим... Он пытался с помощью своих способностей выкачать из меня нужную информацию прямо на выставке. Какую? Ясное дело - об антикварной мебели своего нанимателя.

Я провела параллель между предметами антиквариата, выставленными в зале, где мы бродили с Петровым, и гаданием на кофейной гуще, и сообразила: всему виной карниз! Вот почему Руслан так долго распинался, любуясь наляпистым старинным карнизом. Но я на его речь не купилась. Тогда он перешел к решительным действиям, я почти поплыла под его взглядом, но тут раздался звонок мобильного телефона и вырвал меня из полугипнотического дурмана. Далее мы поехали в загородный ресторан, а оттуда ко мне домой. Но уединение не состоялось. Меня вызвал к себе Мирский, чтобы сообщить – исчез мой подопечный.

Интересно, что бы со мной сделал гипнотизер после рассказа о карнизе? Убил бы? Не думаю. Он на такие дела не способен. Для этих целей у Романова есть отморозок Федька. Тем более, прежде всего они должны были убедиться, что карниз там, где я им сказала.

И зачем им меня убивать, если после гипнотического сна я бы все равно ничего не вспомнила? Может быть, не вспомнила и самого Петрова. Он бы заблокировал мою память.

Подобными уговорами я себя успокаиваю? Скорее всего...

И как теперь быть? Рассказать все начистоту и потребовать сохранения жизни моему отцу. Без него им не обойтись. Втолковать, где расположен гараж я не смогу. Всему виной - географический кретинизм, как всегда утверждал Митька. Значит, эта бандитская парочка направит стопы к моим родителям. Федька возьмет в заложницы маму, а Романов вместе с отцом пойдет в гараж.

Что будет после, я боюсь думать.

Я ничего им не скажу, хоть, режьте на куски!

- И что надумала, красавица? – задушевым голосом спросил Арсений, изучая мое эмоциональное лицо.

Я ничего не ответила и отвела глаза. Но он умел читать мысли на расстоянии.

- Да, ты права – речь идет о карнизе! Помнишь, такой уродливый кованый карниз. Тяжелая труба с наполовину раскрывшимися бутонами по краям. Карниз покоился на крепких держателях, глубоко сидевших в стене, но я постоянно побаивался, что он упадет в самый неподходящий момент – когда я буду рядом.

Оказывается, у нас были аналогичные мысли.

- Неужели не помнишь? – удивился он.

Моя участь незавидна. Недаром Романов искреннее обо всем рассказал.

И зачем согласилась поехать в это логово, - запоздало одумалась я. – А ведь подозревала, что окончание игры совсем близко. Поэтому позвонила перед уходом Ивану Родионову. Надеялась, что Петров назвался настоящей фамилией, не вымышленной.

Но наряду с обреченностью в душе я чувствовала себя победителем, который долго бился над сложной задачей и практически её решил. Но решил задачу, когда из-под ног выбили скамейку, а петля туго затянулась на шее.

Но я почти вышла из лабиринта! Осталось прибавить скорость и убежать от преследователей.

Кого ты хочешь обмануть, Троянова?!

Но я спокойна. Я не дрожу от страха, как трус в плену у фашистов. Что придает мне силы? Уверенность в благополучном исходе. Так сказала Серафима Матвеевна Липидиус - заслуженная актриса и по совместительству гадалка.

Кого ты хочешь обмануть, Троянова?! – вновь спросила я у себя. - На кого надеешься? На спасителя, который влетит в окно и перебьет врагов? А потом возьмет меня на руки, вынесет из дома и предложит стать его женой.

Это не сказка со счастливым концом.

Хочу сказку! Я закрыла глаза и попыталась представить себе мужчину с необыкновенными внешними данными, который спасет бедную женщину. Родился собирательный образ из нескольких персонажей, спасающих мир от катастрофы в американских боевиках. Меня бы устроил кто-то другой.

- О чем размышляла, девонька? - вернул меня в действительность Романов.

- Я не мечтаю, я строю предположения, зачем вы послали мне письмо и фотографию?

- Хотел втереться в тебе в доверие. Стать тебе близким другом, заменить близких людей, оказавшихся предателями. А ты сразу побежала к мамочке, чтобы всё выяснить.

- А на фотке что за люди?

- Это моя сестра Анфиса и ее бывший муж.

- А младенец в одеяльце – ее сын?

- Да, сын Леонид. Я был против того, чтобы Фиса рожала от этого мужчины, но она меня не послушала. Мы поругались. Я узнал, когда ее выписывают из роддома, и пришел издали посмотреть на нее и младенца. В то время я увлекался фотографией. Мы помирились только после её расставания с мужем...

- Долго мы еще будем вспоминать прошлое? – вмешался в нашу беседу Федор. Он резко поднялся на ноги, отбросил от себя стул. Стул грохнулся на пол, но он его не поднял. Стал кружить вокруг стола, каждый раз больно задевая мое плечо, словно собирался свалить меня на пол, как свой стул.

- Выйди на улицу, подыши воздухом, успокойся, - посоветовал ему твердым голосом Арсений.

- Арсен, мне всё надоело! Пусть выкладывает, где картина, и...

- Пошел вон! – не повышая голоса, произнес хозяин и указал направление, куда ему идти.

Федька сплюнул прямо на пол и вышел.

- Вот с кем приходится работать, - посокрушался он. – И раньше не выпускал его из вида, а сейчас, вообще, контролирую каждый шаг, чтобы дров не наломал.

- Зачем вы мне его подсунули?

- Думал, тебе будет лестно ухаживание молодого парня. Это потом ты дала понять, что тебе интересны более взрослые мужчины.
- И на смену Федору пришел гипнотизер Петров.
- Ты даже о его способностях догадалась. Хвалю! Но это его не основная профессия.
- Нет смысла, интересоваться его основной профессией?
- Зачем забивать такую хорошую умную голову ненужной информацией?!
- А когда мы ехали с Федором в рейсовом автобусе в Заболоченск, вы следовали за нами? Я заметила, как на остановке он подошел к одному автомобилю и перебросился парой фраз с водителем.
- Ты и это увидела?! Но я не мог оставить мальчика без опеки. Но сразу скажу - покушение на жизнь твоего друга в мои планы не входило, на этом настоял Федор. Я согласился. Парню надо было «выпустить пар».
- Он садист?
- Жизнь таким сделала, - уклонился от прямого ответа Арсений. – Лично я не выношу насилия... Но ты не обольщайся. Приходится к нему прибегать, чтобы узнать правду. Или чтобы закрыть кому-нибудь рот. Навсегда. А правду из тебя просто так не вытащишь, как я понимаю?
- Не вытащишь, но закрыть рот навсегда вы не посмеете, кроме меня вам никто не расскажет, где карниз!
- Надеюсь, ты его не выбросила на помойку? – скрывая ужас, поинтересовался Романов.
- Успокойтесь, не выбросила. Висит себе в приличном месте и ждет, когда вернется хозяин, варварски вскрыет его и достанет холст кисти известного художника.
- Надеюсь, ты впервые услышала о картине пять минут назад?
- Клянусь, даже не подозревала, что карниз с начинкой. В противном случае, жила бы на вилле в Монако, а не учила талантливых детей пению.
- Может быть, ты не корыстная. Отдала картину в музей и получила благодарность... Не так? – хитро поглядывая на меня, спросил хозяин.
- А вы Петрова верните, путь меня загипнотизирует, а я под гипнозом все выложу.
- Он сказал, что с такими людьми, как ты, работать очень сложно.
- Это почему еще? – возмутилась я.
- Потому что ты не можешь сосредоточиться на словах собеседника, постоянно пребываешь в своих мыслях, выпадаешь из разговора.
- Я считала это погружение в себя плохой привычкой, а оказалось, что оно меня спасло от воздействия гипнотических чар... Жаль, больше не увижу Петрова, - с притворной обидой изрекла я.
- Я был уверен, что он тебя заинтересует. Одиноким женщины легко покупаются на любовь с первого взгляда мужчины, который согласен забыть о прошлом семейном счастье.
- Я не одинокая женщина!
- Этот толстый увалень тебе не подходит!
- Жорик? – удивленно вскинула я брови, будто собралась выходить за него замуж, и никто до этого мне не открыл глаза на его внешность.
- Жорик, Жорик... Или у тебя еще кто-то есть на примете?
- Целая очередь! Прямо не знаю, кого выбрать?!
- Выходи замуж за всех согласно очереди. Тебе это не впервой.
- А сплетни собирать не хорошо!
- Это не сплетни, это сбор информации о человеке, который должен сыграть главную роль в моей пьесе.
- Вы просто так жить не можете? Вам бы всё пьесы ставить, режиссер-неудачник!
- Когда всё просто решается, это так скучно. - Романов заскрипел зубами от злости. Перегибать палку не следовало, но чего уж теперь... Хорошо, что мужчина быстро совладал с недовольством. - Лукерья, признайся, что я талантливый режиссер! Как

отлично все придумал, поставил. Ты была неподражаема! Четко следовала моим негласным установкам... В одном я разочарован: хотел поставить мелодраму, а получилась трагедия... Ты любишь трагедии? Или предпочитаешь мелодрамы со счастливым концом?

- Мелодрама закончилась в тот день, когда вы пришли к Марте Архиповне Ризванюк?

- Эта старая гримза тебе обо всем рассказала?

- У нее амнезия после удара по голове.

- Бабка всех за нос водит! У нее черепушка, как броня на танке.

- Зачем вы ее ударили?

- Я пришел к ней с презентом, хотел расспросить о соседке. Думаю, вдруг сболтнет о мебели, которая той досталась от бывших хозяев. Но Марта меня сразу узнала, несмотря на возраст, и на то, что видела меня сто лет назад и то всего несколько раз. Вот память цепкая у старухи! Как оказалось, она подружилась с Анфисой. Не знаю, чем та ей приглянулась. Возможно, сошлись на почве одиночества, несмотря на разницу в возрасте. Сестра рассказала ей, что случилось со мной. Марта ей – о муже, которого приговорили к высшей мере во времена Хрущева... Когда я к ней зашел под видом отца молодого человека, который решил на тебе жениться, она и говорит: «Я тебя помню – ты Арсений, брат Анфисы. И что тебе здесь нужно?» - Хотел узнать, кто в моей квартире живет? – «А тебе зачем? Тоже там что-то припрятал на черный день, а сестре ничего не сказал? Поступил, как мой покойный муж? Милиционеры искали и не наши, а я нашла!» Я должен был закрыть ей рот.

- Хотел закрыть рот навсегда, но черепушка у бабули оказалась крепче танковой брони, - констатировала я, презрительно поглядывая на человека, способного поднять руку на древнюю старушку.

- Так что будем делать, Лукерья? – таинственным голосом поинтересовался мужчина, будто намекал на прелюбодеяние после долгих уговоров. На мое презрение ему было наплевать.

- Я должна подумать.

- Что ж, подумай. А я пока уеду на время. С тобой Федор останется. Мне сестрица свою машину отдала на время, чтобы я на ней частным извозом занялся. Жить-то на что-то нужно.

- Я... э-э-э...

- Боишься его? Не бойся, без моего разрешения он тебя пальцем не тронет. Тем более я тебя запру на замок, а ключ себе оставлю.

Романов вывел меня в коридор, приоткрыл входную дверь и кликнул Федора. Он тотчас появился.

- Найди мне ключ от чулана, - приказал ему хозяин.

- А чего его искать, он в замке торчит.

Парень пересек длинный коридор, отбросил цветастую занавеску, скрывающую неказистую дверь в чулан, вытащил ключ из замочной скважины и протянул подельнику. Тот покрутил в руках ключ, как слесарь, которому поручили сделать дубликат, потом щелкнул выключателем, расположенным на стене рядом с дверью, заглянул в маленькую клетушку, где по обеим сторонам были сделаны полки, заваленные ненужными вещами, а потом завел меня.

- Где я буду сидеть? – заинтересовалась я, осматривая свою камеру временного заключения. Временного!

- Не барыня, на полу посидишь! – загоготал Федька. Прогулка подействовала на него странным образом. Я пригляделась, и поняла, чем вызвана резкая перемена в настроении. Парень страдал наркотической зависимостью.

Не зря я его панически боялась. Оставалось верить Романову на слово.

Арсений принес в чулан стул, приказал ничего не бояться, и закрыл дверь на замок. Свет погас. Я осталась в кромешной тьме.

Мужчины о чем-то побубнили, я не разобрала. Вскоре заработал двигатель, потарахтел, а затем звук стал медленно отдаляться. Федька пошаркал ногами, включил телевизор на полную громкость и затих. Я надеялась, что он заснул. Осторожно походила по чулану, касаясь руками пыльных предметов. Надеялась найти что-то подходящее для вскрытия замка. Тоже мне, медвежатник–профессионал! Но только больно порезалась о разбитую банку, сунула раненый палец в рот и с трудом отыскала свой стул.

Попыталась разработать план побега, но стала погружаться в тревожный сон под монотонную болтовню телевизора...

Я очнулась, когда услышала звериное сопение и скрежет металлического предмета по двери чулана. Сначала мне показалось, что звуки раздаются из телевизора, по которому шли новости. Потом я решила, что в село забрел медведь, выбрал дом Романова, оценил худосочность спящего Федьки и решил взломать дверь чулана, в котором могут храниться различные припасы.

Медведь-шатун, - подумала я, - какая-то сволочь разбудила зверя, а мне теперь расхлебывать.

Я с ужасом прислушивалась к скребущим звукам и грозному сопению, надеясь на помощь Федора, спящего безмятежным сном, перед которым я ранее испытывала животный страх. В дверном замке что-то шелкнуло, треснуло, дверь чуть приоткрылась. От испуга я закрыла лицо ладонями, будто это могло меня спасти от медведя-шатуна.

Я сообразила, что дверь распахнулась, когда сквозь пальцы пробился свет, который заслоняла высокая фигура.

- И долго ты будешь в прятки играть? – услышала я знакомый голос. - Вечно тебя надо искать, дорогая!

Я слегка раздвинула пальцы, чтобы одним глазком рассмотреть человека и убедиться, что это тот, о ком я думаю.

Это был он. Жорка Волков собственной персоной. Здоровяк, который смотрел на меня влюбленным взглядом.

Я бросилась к нему. Он подхватил меня на руки.

- А где... этот?

- Отдыхает, - с блаженной улыбкой произнес Георгий, вместе со мной проследовал в комнату, где на диване лежал связанный Федор. Рядом с ним сидел стреноженный Руслан Петров.

- Надо вызвать полицию! – посоветовала я.

- Уже вызвал...

Пока мы их ждали стражей порядка, я быстро выложила всё Волкову и спросила, как он меня нашел?

Оказалось, что надувные шары, которые запустил в небо Петров, привлекли внимание всех жильцом нашего и соседнего дома. Георгий накануне вечером удрал из больницы и теперь с интересом наблюдал, как шары поднимаются ввысь, а затем, как я вышла из подъезда и села в машину к незнакомцу. Естественно, Волков обязан был всё выяснить, и последовал за нами. Но быстро нас потерял в запруженном автомобилями городе. Действовал наугад. Выбрался из города на трассу, и очень скоро заметил нужный автомобиль,двигающийся в обратном направлении, ему навстречу. Жорка развернулся и погнал за ним. Догнал его при въезде в город на перекрестке, вытянул водителя за грудки из салона и потребовал объяснений. Перепуганному Петрову ничего не оставалось, как перебраться в автомобиль моего друга и показать дом, где он меня оставил.

В жизни много бывает случайностей. В селе «Дерябкино» живет двоюродная бабушка Волкова. Всего через два дома от Романова. Она ему рассказала о подозрительном мужчине, который снял дом по соседству. Жора засел у окна, не стал лезть на рожон, потому что благожелательный Руслан сказал, что с этими людьми лучше действовать хитро. В это время из ворот выехала машина Романова. Жорка позвонил в полицию и

пошел меня спасать, решив, что с одним преступником, даже вооруженным, он справится самостоятельно. Преступник пребывал в наркотическом трансе, меня нигде не было. Жорка обыскал все углы, звал меня, проник в подвал, совсем отчаялся, а тут очнулся Федька и признался, где находится пленница.

- Ты меня звал? – удивилась я.

- Кричал во все горло! До города было слышно?

- Надо же... Неужели я так крепко спала?..

Вместе с полицией прибыли Павел Родыгин и Иван Родионов. Еще по дороге сюда Ваня назвал номер автомобиля, на котором разъезжает Арсений. Надеюсь, нам скоро сообщат, что он задержан.

После дачи показаний, задержанных увезли, а мы перебрались в дом двоюродной бабушки Георгия, которая напоила нас чаем с пирогами.

Я совсем забыла о выключенном мобильном телефоне. Включила его и позвонила родителям.

Мама тотчас возмутилась:

- Лукерья, почему у тебя отключен телефон?! Если ты дома, то почему не подходить к стационарному телефону?

- Мамуля, у меня все хорошо, не волнуйся. Мы с Жориком гостим у его бабушки, здесь связь очень плохая.

- С Жориком? – удивилась она.

Я представила, как она снимает очки, берет их за дужку и вращает вокруг оси.

- С Жориком, - подтвердила я.

- Как он себя чувствует?

- Хорошо он себя чувствует. Передает вам с папой привет.

- Лукерья...

- Что мама?

- Мне кажется, Георгий тот человек, о котором ты всегда мечтала. – она ненавязчиво внушила мне то, о чем я уже сама догадалась.

- Ты... так считаешь? – на всякий случай спросила я.

- Я в этом уверена.

- Мы скоро к вам приедем.

- Будем рады.

- Я люблю тебя, мамуля!

- Я тоже тебя очень люблю, доченька!..

Через несколько дней в местной газете появилась интересная статья, в которой говорилось, что одна местная жительница, её фамилия не называлась, нашла похищенную много лет назад картину художника Василия Кандинского и вернула ее в музей...

По странному стечению обстоятельств, которые снова вмешались в мою жизнь, картина была написана однофамильцем моего ученика – Глеба Кандинского, который так мечтал, чтобы я вышла замуж за его отца и заменила ему покойную мать.

Я выхожу замуж. Только не за его отца, и не за Митьку Жаворонкова, который не собирался жениться на Надежде Климановой, а все выдумал, чтобы я от него отстала.

Я выхожу замуж за своего спасителя. И не из благодарности за спасение. И не потому, что он меня любит. А потому что у меня открылись глаза.

Георгий это «человек с кошкой».

Разве я могу пойти против гаданий?! Они должны сбываться до конца.

Уверена, что это мое последнее замужество.

И еще... Неожиданно ко мне вернулась любовь к моей профессии. Надоело играть в детективов. Каждый человек должен заниматься тем, что он умеет хорошо делать.

Хорошо, а не кое-как. Иной раз наступает период разочарований, надо просто остановиться, отдышаться и идти дальше той же дорогой...

Декабрь 2013года – Январь 2014года